

Библиотека Всемирной Литературы

ОСКАР УАЙЛЬД

Портрет Дориана Грея.
Пьесы. Сказки

Оскар Уайльд
Портрет Дориана Грея. Пьесы. Сказки
Серия «Библиотека Всемирной Литературы»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165404
Оскар Уайльд Портрет Дориана Грея: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-79504-8, 978-5-699-79501-7

Аннотация

«Портрет Дориана Грея» – одно из величайших произведений последних полутора столетий, роман, который пытались запретить, а автора осуждали за «непристойное поведение». Превращение прекрасного и невинного юноши Дориана в чудовище под влиянием гедонистических идей и циничных афоризмов лорда Генри – в романе, породившем культ вечной молодости.

Содержание

Я всего лишь гений...	5
Портрет Дориана Грея	18
Предисловие	18
Глава I	19
Глава II	28
Глава III	38
Глава IV	48
Глава V	59
Глава VI	67
Глава VII	72
Глава VIII	80
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Оскар Уайльд

Портрет Дориана Грея

Вступительная статья В. Чухно

Иллюстрации Обри Бердслея

Разработка художественного оформления серии А. Бондаренко

В оформлении суперобложки использованы фрагменты работ художников Уильяма Пауэлла Фрита и Джона Фицджеральда

© Вступ. ст., перевод. В. Чухно, 2015

© Н. Гумилев. Наследники, 2015

© ООО «Издательство «Артнет Медиа», 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Я всего лишь гений...

Давно замечена связь между именем человека и его характером и судьбой. Оскару Уайльду его имя досталось, видимо, не случайно: ведь Уайльд в переводе с английского означает «неуемный, пылкий, неистовый». Таким он и был – и в своей жизни, и в отношениях со своими друзьями, и в служении своему идолу, которому он поклонялся всю жизнь, – Искусству. Любой художник, независимо от своей воли, так или иначе раскрывает себя в создаваемых им творениях, и, читая произведения Оскара Уайльда, мы лишний раз убеждаемся в этом: писатель предстает со страниц своих произведений – романа, повестей, сказок, пьес, стихотворений и даже статей и эссе – действительно неуемной, неистовой и пылкой личностью. Жизнь Оскара Уайльда и искусство, которому он служил всеми силами своей души, неразсторжимы, неразрывно взаимосвязаны, и трудно увидеть ту грань, которая отделяет его жизнь и его искусство. «Я был и остаюсь символом искусства и культуры нашего времени», – так он говорил о себе в своей исповеди «De Profundis». Данный ему свыше талант он, по собственному признанию, вложил в свою жизнь, а в созданные им произведения – лишь свой гений.

Между тем, литературные критики уже более ста лет не могут решить, относить ли Уайльда к великим писателям или нет. Любопытно, что в декабре 1900 года, хотя не прошло и недели со дня его смерти, английская газета «Пэлл-Мэлл» сочла возможным написать: «Мистер Уайльд, конечно, обладал уникальными интеллектуальными способностями, но вряд ли хоть что-нибудь из его литературного наследия выдержит испытание временем». Без малого тридцать лет спустя, в 1927 году, английский литератор Арнольд Беннет в одной из своих статей назвал и Оскара Уайльда, и его литературный стиль «безнадёжно устаревшими», хотя скрепя сердце и признался: «Книги Уайльда, пусть он и не был первоклассным писателем, доставляли мне в ранней молодости, как и многим другим простодушным юнцам, огромное удовольствие». И даже через полвека после смерти писателя, в 1950 году, литературное приложение к газете «Таймс» могло позволить себе такого рода высокомерную оценку его творчества: «Если не считать одной неплохой пьесы и исповеди «De Profundis», Уайльд не оставил после себя ничего такого, что можно было бы признать настоящей литературой».

Кто теперь помнит имена авторов этих и подобных им публикаций? А вот имя Оскара Уайльда знает весь мир, и все новые и новые поколения читателей восхищаются его произведениями. Его книги издаются огромными тиражами на самых разных языках мира, включая и такие экзотические, как каталанский и суахили. Едва ли проходит день, чтобы его остроумные афоризмы не цитировались в прессе; его пьесы не сходят со сцен театров на всех континентах и постоянно экранизируются. Популярность Оскара Уайльда, несмотря на все прогнозы литературоведов, феноменальна и даже парадоксальна, как, впрочем, и все, что связано с именем этой удивительной и яркой личности.

Английский, а точнее ирландский поэт, драматург и романист Оскар Фингал О'Флаэрти Уиллз Уайльд (таково его полное имя) появился на свет 16 октября 1854 года в столице Ирландии Дублине. Семья Уайльд – голландского происхождения. Первым Уайльдом, осевшим в Ирландии, был некий полковник де Уайльд, сын художника, образцы творчества которого можно и сегодня увидеть в Картинной галерее в Гааге. Полковник де Уайльд был наемным солдатом и авантюристом и за свои заслуги перед королем Англии Вильгельмом III Оранским был жалован в конце XVII столетия землями в Конноте, что в северо-западной части Ирландии. Впоследствии полковник превратился в пламенного патриота Ирландии и даже раскаивался в том, что так преданно служил английскому королю. Он считал себя настоящим ирландцем, и те, кто его знал, говорили о нем, что «он больше ирландец, чем

сами ирландцы». Уайльды впоследствии занимались исключительно мирными делами, становясь главным образом или врачами, или агентами по продаже земельной собственности.

Родители Оскара Уайльда были талантливыми и известными в свое время людьми. Его отец, сэр Уильям Уайльд (1815-1876), являлся ведущим в Ирландии глазным специалистом и отоларингологом. Он первый в мировой практике стал успешно проводить операции по удалению катаракты, за что приобрел международную славу, а когда он снял катаракту с помутневшего глаза самого короля Швеции Оскара, тот в благодарность за это наградил его орденом Полярной Звезды. Свободное время отец Оскара Уайльда отдавал увлечению этнографией, сумев прославиться и на этом поприще: им были написаны «Популярные ирландские легенды и поверья», которые вышли отдельной книгой в 1852 году и выдержали несколько изданий. Кроме того, он публиковал литературоведческие книги, в частности о творчестве Джонатана Свифта, а также книги по археологии и ирландским национальным обычаям.

Мать будущего писателя, леди Джейн Франческа Уайльд, урожденная Элджи (1820-1896), была убежденной ирландской националисткой и в то же время на редкость эксцентричной дамой. Она писала яростные стихи, которые, наряду со статьями, пробуждавшими патриотические чувства в соотечественниках-ирландцах, публиковала в различных дублинских изданиях, таких, например, как газета радикально-националистического толка «Нация». Кроме того, она увлекалась кельтской мифологией и фольклором. В 1887 году, как бы продолжая дело, начатое ее к тому времени уже покойным мужем, она издала книгу «Древние легенды, мистические заклинания и поверья Ирландии». Подписывала она свои творения псевдонимом Сперанца, которое позаимствовала из любимого своего девиза «Fidanza, Cons— tanza, Speranza» (Вера, Постоянство, Надежда). Кроме всего прочего, она была известна и как хозяйка модного светского салона сначала в Дублине, а затем, после переезда в Англию в 1876 году, и в Лондоне. У сэра Уильяма Уайльда и леди Уайльд было трое детей – Уильям, Оскар и Изола, которую Оскар очень любил и чью раннюю смерть, в возрасте 10 лет, он не мог пережить долгое время.

Образование Оскара Уайльда было начато в королевской школе в городке Эннискиллен, где он проучился с 1864 по 1871 год, и продолжено в колледже Святой Троицы в Дублине (1871-1874). Получив там золотую медаль за успехи в греческом языке, Уайльд в возрасте 20 лет поступил в Оксфордский университет, где с 1874 по 1878 год был студентом колледжа Святой Магдалины, известного своими академическими традициями. В последний год пребывания в Оксфорде он стал университетской знаменитостью, получив Ньюдигейтскую премию, которой помогали столь многие из его сокурсников, за свою поэму «Равенна».

Уже в университетские годы Уайльд поражал собратьев-оксфордцев своим остроумием, экстравагантной манерой держать себя и своим неприятием закоснелой, ханжеской морали того времени. Находясь под влиянием известных в XIX веке английских теоретиков искусства Джона Рескина и Уолтера Прейтера, он приобрел репутацию главы так называемого «Эстетического движения», исповедовавшего культ «искусства ради искусства». Уайльд пошел даже дальше – он поклонялся красоте ради красоты, заполняя комнаты, в которых жил, голубым фарфором, павлиньими перьями, причудливыми картинами Россетти и Берн-Джонса. Эстетизм был главным его кредо, и он считал, что красота является тем идеалом, к которому должен стремиться каждый человек, взятый в отдельности, и все человечество в целом. Именно к этому времени относится его знаменитое высказывание «Ах, если бы я хоть в малейшей мере мог достигнуть того совершенства, которое заключено в моем голубом фарфоре!».

Эксцентричное поведение Уайльда в качестве проповедника искусства ради искусства приобрело такую известность, что популярный в Англии сатирический журнал «Панч» сде-

лал Уайльда объектом высмеивания за «не приличествующее настоящему мужчине увлечение красотой», а модные в то время композиторы Гилберт и Салливан изобразили его в своей комической опере «Пасьянс» под именем чрезмерно чувственного поэта Банторна.

Уайльд открыто презирал модное среди студентов увлечение спортом, хотя и был высоким, широкоплечим юношей атлетического телосложения. Напускаемый им на себя скучающий, томно-праздный вид был ничем иным, как маской: несмотря на частые высказывания о своей ненависти к любого рода труду и неспособности делать какие-либо усилия, как физические, так и умственные, он на самом деле очень много читал, иногда засиживаясь до утра за книгой. Создавая иллюзию, будто все ему дается без труда, он удивлял сокурсников своей эрудицией.

Одевался Оскар Уайльд вызывающе экстравагантно. В те годы в Британии был принят традиционный, сдержанный стиль одежды, и выделяться среди других считалось неслыханной дерзостью. Уайльд же щеголял в отороченной тесьмой бархатной куртке, бархатных бриджах до колен, черных шелковых чулках, свободной, из мягкой ткани рубашке с широким отложным воротником, на его грудь ниспадал яркий шейный платок. Шокированные прохожие провожали юношу негодующими и в то же время исполненными любопытства взглядами.

Начало литературной деятельности Оскара Уайльда приходится на 1881 год, когда он выпустил за свой счет сборник стихотворений, отражавших (пожалуй, чересчур явно) его приверженность эстетическим взглядам таких поэтов, как Алджернон Суинберн, Данте Габриэль Россетти и Джон Китс. Книга не принесла ему ни известности, ни денег, и он, чтобы поправить свое финансовое положение, а заодно добиться известности, отправляется в 1882 году в лекционное турне по Северной Америке. Прибыв в Нью-Йорк, он на вопрос таможенника «Имеете ли вы что-нибудь предъявить для досмотра?», произнес ставшую знаменитой фразу: «Всего лишь свою гениальность».

Американская пресса встречала его повсюду, где он бывал, враждебно за его неизменно томные позы и за его «эстетический» наряд, но Уайльд за все время своего почти годичного пребывания в Америке не уставал призывать американцев превыше всего любить красоту и искусство, и лекции его пользовались большой популярностью за остроумие, афористичность и парадоксальность. Этот молодой лондонский денди и утонченный эстет умудрился за 260 дней путешествия с востока на запад Соединенных Штатов, а затем и по Канаде прочесть 140 лекций – поразительное количество, если учесть, что ни самолетов, ни скоростных поездов тогда не было. Но он всегда представлял перед публикой с видом этакого праздного франта и поражал слушателей своей эксцентричностью и нетрадиционными взглядами на искусство, литературу и жизнь, убеждая их, что вернейший путь к обновлению жизни – через возрождение красоты и эстетических идеалов. Слушатели встречали его по-разному, но в целом поездка прошла успешно, и в Америке после его отъезда осталось достаточно много последователей его эстетического учения.

В 1883 году в Нью-Йорке была поставлена первая пьеса Уайльда «Вера, или Нигилисты» на сюжет из русской жизни, и автор присутствовал на первом ее представлении, но особого успеха эта драма не имела. После семи представлений пьесу сняли, а театральных подмостков Лондона она вообще не достигла. Там же, в Америке, была впервые напечатана (всего в двадцати экземплярах) трагедия в стихах «Герцогиня Падуанская», которую Оскар Уайльд написал специально для затронувшей его сердце примадонны американского театра Мэри Андерсон, однако актриса, получив пьесу, наотрез отказалась в ней играть.

Уайльд воспринял свою неудачу крайне болезненно и вскоре возвратился в Англию, овеянный если не славой, то во всяком случае став достаточно известным, и сразу же отправился в лекционную поездку по провинциальным городам, где продолжал читать лекции, хотя на сей раз он рассказывал не о своих эстетических взглядах, а о своих впечатлениях об

Америке. Его выступления пользовались не меньшим успехом, чем по ту сторону Атлантического океана, но бродячая жизнь в конце концов ему наскучила, и он поселился в Лондоне.

В 1884 году состоялось венчание Оскара Уайльда и Констанции Мэри Ллойд, дочери известного ирландского адвоката Хораса Ллойда. Оскар был романтически влюблен в свою молодую красавицу жену и несколько лет чувствовал себя безмерно счастливым. В 1885 году он стал отцом. Первенца назвали Сирилом, а в 1886 году у супругов родился второй сын, Вивиан.

В период с 1887 по 1889 год Уайльд сотрудничал с популярной газетой «Пэлл-Мэлл» в качестве обозревателя и рецензента, а также редактировал журнал «Мир женщины». Интересно отметить, что до женитьбы Уайльд писал в основном поэзию, а с тех пор, как обзавелся семьей, стал отдавать предпочтение прозе. Если не считать поэмы «Сфинкс», задуманной им за много лет до этого, он больше почти не возвращался к поэзии и обратился к ней лишь после отбывания тюремного заключения, когда написал «Балладу Редингской тюрьмы». Вот что Борис Брейсол, автор одной из двух наиболее достойных внимания книг о жизни Оскара Уайльда (вторая – «Жизнь Оскара Уайльда» Хескета Пирсона), пишет о поэтическом периоде в творчестве писателя: «Он начал свою литературную карьеру как сочинитель звучных, приятных на слух стихотворений, однако, как признавал сам Уайльд, «в них было больше размера, чем разума». По мере того как он становился старше, в нем все больше угасал вкус к поэзии, и хотя трудно согласиться с его убеждением, что его ранние поэтические произведения – это лишь проба пера неоперившегося юнца, факт остается фактом, что, достигнув зрелости как писатель, он больше не проявлял интереса к восхитительному занятию поэзией, которую Браунинг называл «искусством отпирать сердца ключами сонетов». Ранние поэтические произведения Уайльда были большей частью лирическими, и многие из них, вопреки мнению автора, с честью вынесли испытание временем».

Пребывая на посту редактора журнала «Мир женщины», Уайльд успел завоевать репутацию большого оригинала и блестящего собеседника. Все, кто с ним общался, единодушно в мнении, что Уайльд умел завораживать своим умением говорить. Когда в 1954 году английский романист сэр Комптон Маккензи снимал покрывало с мемориальной доски на доме № 16, что на Тайт-стрит (в этом доме некогда жил Оскар Уайльд), он зачитал следующие слова сэра Макса Бирбома, английского писателя и карикатуриста, которому в то время было 82 года и который поэтому чувствовал себя слишком слабым, чтобы решиться на путешествие в Лондон: «Я имел счастье слушать многих мастеров застойной беседы – Мередита и Суинберна, Эдмунда Госса и Генри Джеймса, Августина Биррелла и Артура Бальфура, Гилберта Честертона, Десмонда Маккарти и Хилери Беллока, – и каждый из них был по-своему великолепен, но Оскар превосходил их всех: его выступления были импровизациями, но импровизации эти были совершенны. Его слова ласкали слух и в то же время поражали своей оригинальностью. Когда он говорил, все сидели затаив дыхание, боясь нарушить музыку, исполняемую столь великим виртуозом». Недаром Уинстон Черчилль, когда его спросили, с кем бы он хотел встретиться и поговорить на том свете, без колебаний ответил: «С Оскаром Уайльдом».

В 1888 году выходит сборник сказок Уайльда «Счастливый принц и другие истории» – первая из книг писателя, привлечших серьезное внимание критики и интерес широкого читателя. Эти истории можно скорее назвать стихотворениями в прозе, чем детскими сказками как таковыми, и в них впервые столь ярко проявился дар Уайльда к романтическим аллегориям, заключаемым им в форму сказочных историй.

Когда в 1891 году вышла вторая книга сказок «Гранатовый домик» с прекрасными иллюстрациями Чарлза Шеннона, рецензенты были и вовсе озадачены: хотя сказки предназначались для детей, ни один ребенок, как выяснилось, не в силах был их понять. И в самом

деле, сказки эти скорее были обращены к взрослому читателю. И все же книга еще более закрепила успех, который принес Уайльду первый сборник.

Сразу же вслед за «Гранатовым домиком» вышла поэма «Сфинкс», которая, как уже говорилось, была задумана за много лет до ее выхода в свет, еще в оксфордские дни писателя. Критики объявили это произведение не чем иным, как экспериментированием со словами. И в самом деле, кажется, что Уайльд, создавая поэму, игрался, находя рифму к редким, труднопроизносимым и необычным для поэзии словам, таким, например, как «катафалк» (а точнее «катафалка» – в родительном падеже) и «иероглиф», которые он рифмовал с еще менее поэтическими словами «свалка» и «подвиг». Подобных слов в «Сфинксе» рассыпано великое множество.

В том же, 1891 году вышел сборник «Преступление лорда Артура Сэвила и другие истории», который, кроме заглавной повести, включал также «Кентервильское привидение», «Образцовый миллионер» и «Разгаданный сфинкс»; первые две из этих «других» повестей были особенно популярны, и их многократно инсценировали. Их беззаботное, чуть ли не водевильное настроение, которое впоследствии нашло свое наиболее полное выражение в замечательной комедии «Как важно быть серьезным», наглядно отражает тот жизнерадостный настрой, в котором во время их написания пребывал Уайльд.

К числу повестей многими издателями принято относить и «Портрет мистера У. Х.» – произведение, которое можно считать и литературоведческим исследованием, и детективной историей на тему о том, действительно ли за инициалами У. Х. скрывался Уильям Шекспир. Первоначально это произведение было опубликовано в журнале «Блэквуд мэгэзин» за июль 1889 года в виде статьи объемом в 12 000 слов, но Уайльда все более занимала загадка, разгадать которую он пытался в первоначальной статье, а потому через четыре года он написал на ее основе повесть, объем которой составлял уже 25 000 слов, то есть был более чем в два раза больше. Рукопись «Портрета мистера У. Х.» исчезла вместе с другими рукописями, когда распродавали имущество Уайльда, объявленного за долги банкротом, и обнаружилась лишь в 1920 году в Америке, где повесть была напечатана в небольшом количестве экземпляров издателем Митчеллом Кеннерли.

В 1891 году под названием «Замыслы» вышел сборник эссе, в которых Уайльд заново сформулировал свои эстетические взгляды на искусство в развитие идей, высказанных французскими поэтами Теофилом Готье и Шарлем Бодлером, а также американским живописцем Джеймсом Макниллом Уистлером. Эту книгу можно считать едва ли не самой занимательной и любопытной из всего того, что написано Уайльдом в жанре «нехудожественной» прозы: он в полной мере дал волю своему воображению. Более половины объема «Замыслов» занимает статья «Критик как художник» с забавным подзаголовком «Заметки по поводу важности ничегонеделания». Интересно отметить, что слово «важность» (importance) таило в себе какую-то притягательность для Уайльда; недаром оно встречается в названиях двух его пьес – «Как важно быть серьезным» («The Importance of Being Earnest») и «Женщина, не стоящая внимания» («A Woman of No Importance») – и постоянно встречается во всех эссе писателя. Создается впечатление, что слово это казалось писателю каким-то по-особенному звучным, и ему нравилось постоянно перекачивать его если не на языке, то уж точно в своей голове. Но, пожалуй, самым интересным в этой книге является эссе «Упадок лжи», написанное в форме диалога и остроумно обосновывающее несомненное, по мнению Уайльда, превосходство искусства над природой, из чего писатель делает парадоксальный вывод, что природа является всего лишь имитатором искусства.

Подлинная слава пришла к Оскару Уайльду лишь после того, как увидел свет его единственный его роман «Портрет Дориана Грея». Впервые роман был опубликован в журнале «Липпинкот мэгэзин» в 1890 году, а в форме книги, в пересмотренном и исправленном виде и с добавлением шести новых глав, он увидел свет в следующем, 1891 году, столь урожайном

для писателя. В «Портрете Дориана Грея» Уайльд сумел сочетать фантастическую фабулу, характерную для так называемых «готических романов», с изображением чудовищных грехов героя в духе французской декадентской литературы. Литературные критики поспешили назвать роман аморальным, несмотря на его вполне моральный финал, в котором Дориан Грей уничтожает себя, а заодно и свою аморальность вместе с греховностью. В то же время Уайльд, говоря о романе, каждый раз подчеркивал в свойственной ему парадоксальной манере, что «любое искусство аморально, каким бы моральным ни была концовка того или иного романа».

После выхода «Дориана Грея» имя автора сразу же засияло на литературном небосклоне, словно яркий, многоцветный метеорит. Роман отразил весьма своеобразные эстетические воззрения писателя и вызвал не только негодующие отклики критиков, но и единодушное осуждение английской прессы, зато был с восторгом принят читателями и за изобилующие в нем остроумные, часто парадоксальные афоризмы, и за увлекательный полуфантастический сюжет, и за сатирическое изображение высшего общества. В своей книге «Жизнь Оскара Уайльда» Хескет Пирсон рассказывает любопытную историю о том, как у писателя возник замысел «Дориана Грея»: «В 1884 году Уайльд имел обыкновение заглядывать в мастерскую художника Бэзила Уорда, одним из натурщиков которого был юноша поразительной красоты... После завершения портрета юноша удалился, и Уайльд воскликнул:

– Ах, как жаль, что такое прекрасное существо рано или поздно состарится!

– Увы, – согласился живописец, а затем добавил: – Как было бы чудесно, если бы его внешность никогда не изменялась, а вместо него старился и покрывался морщинами его портрет!

Оскар Уайльд выразил своему другу признательность за идею, дав художнику в романе имя Бэзил Холлуорд».

За остальные неполные десять лет своей жизни (и творчества) Уайльд написал практически все свои основные произведения. За «Портретом Дориана Грея» следуют одна за другой блестящие, искрящиеся эксцентричным юмором, полные забавных ситуаций «светские комедии»: «Веер леди Уиндермир» (1892), «Женщина, не стоящая внимания» (1893), «Идеальный муж» (1895) и «Как важно быть серьезным» (1895). Все эти пьесы имели огромный успех как при первом появлении на сцене, так и впоследствии. Пользуясь формой французских «фабульных пьес» со всеми их условностями, придуманными интригами и искусственными приемами, призванными разрешать любые коллизии, Уайльд создал совершенно новый жанр комедии, столь непривычный для английского театра XIX столетия.

Уже первая из перечисленных комедий, «Веер леди Уиндермир», наглядно продемонстрировала, насколько легкое, грациозное остроумие писателя может оживить заржавленную, жесткую структуру традиционной французской драмы. Уайльд в своем самоироничном стиле называл эту комедию «одной из наиболее современных салонных пьес, разыгрываемых при свете розового абажура». Она была поставлена в феврале 1892 года в лондонском театре «Сент-Джеймс» известным режиссером Джорджем Александером. Когда состоялась ее премьера, восторженные зрители, не успев упасть занавес, стали восторженно выкрикивать: «Автора! Автора!» И тогда на сцену вышел Оскар Уайльд, небрежно держа в облаченной в перчатку руке сигарету, и обратился к публике с такими словами: «Леди и джентльмены! Сегодняшний вечер доставил мне огромное удовольствие. Актеры играли очаровательно и сумели в полной мере продемонстрировать вам достоинства этой восхитительной пьесы, а вы, со своей стороны, оказались достаточно понятливы, чтобы оценить их. Я поздравляю вас с тем огромным успехом, который вы сегодня имели как зрители, убедив меня в том, что вы о пьесе почти столь же высокого мнения, как и я сам».

Вторая комедия, «Женщина, не стоящая внимания», написанная летом 1892 года и поставленная Гербертом Бирбомом в 1893 году на сцене театра Хеймаркет, имела не меньший успех, чем первая. После ее премьеры театральный критик Уильям Арчер написал в своей рецензии: «Пьесы Уайльда подняли современную английскую драматургию на небывалую высоту». По окончании спектакля зрители вскочили с кресел, требуя автора, и Уайльд, помня о шокирующем впечатлении, произведенном на публику его речью в прошлый раз, встал со своего места в боковой ложе и провозгласил: «Леди и джентльмены, с сожалением должен сообщить вам, что мистер Оскар Уайльд сегодня в театре не присутствует».

Премьера комедии «Идеальный муж», третьей из четырех наиболее важных пьес Уайльда (постановка Льюиса Уоллера), состоялась 3 января 1895 года, и в зале присутствовал сам принц Уэльский, что было почти беспрецедентным событием. Джордж Бернард Шоу писал по поводу «Идеального мужа»: «Новая пьеса мистера Оскара Уайльда, премьера которой состоялась в Хеймаркете, — очень коварная штука, поскольку даже самые известные театральные критики выглядят крайне пресными на фоне автора, настолько хороши его пьесы. Уайльд играет буквально со всем и со всеми — и со словами, и с философией, и с драмой, и с актерами, и со зрителями, и с театром в целом».

Самую блестящую из своих светских комедий, «Как важно быть серьезным», Уайльд первоначально написал, как и другие три комедии, в четырех действиях и в таком виде передал ее Джорджу Александру, а тот, желая представить пьесу в более привычном для того времени формате, попросил Уайльда сократить ее, с тем чтобы она была в трех действиях и благодаря этому стала бы более привычной для зрителей. Когда четырем годами позже пьеса вышла в форме книги, ее напечатали в том же варианте, в каком она ставилась на сцене, то есть в сокращенном виде и в трех действиях. Последующие ее издания также выходили в урезанном, трехактном виде. Почему так поступали издатели, не вполне ясно, поскольку Уайльд ведь написал пьесу в четырех действиях и в ней есть два дополнительных персонажа, причем презабавных. Именно в таком виде, без купюр, помещена пьеса в настоящем томе, то есть с переводом полного варианта в соответствии с английским изданием 1994 года. Можно только сожалеть, сетовали составители этого английского издания, что читатели столь долгое время были лишены возможности наслаждаться столь восхитительной пьесой в полном объеме.

Пьеса «Как важно быть серьезным», которую без преувеличения можно назвать самой веселой и остроумной комедией во всей английской литературе, имела огромный успех как при первом появлении на сцене, так и впоследствии. Впервые она была поставлена 14 февраля 1894 года в Сейнт-Джеймском театре, и помещение театра не могло вместить всех желающих присутствовать на премьере. Традиционная форма легкомысленного фарса приобретает в пьесе совершенно иное звучание благодаря искрометно остроумным, парадоксальным по форме, хотя на первый взгляд и безобидным сентенциям, безжалостно высмеивающим викторианское лицемерие. Достаточно прочесть такие, например, высказывания персонажей пьесы, чтобы убедиться в этом:

У нашего века есть два достойных сожаления недостатка — отсутствие принципов и отсутствие подбородков.

Никогда не говорите неуважительно о высшем обществе. Так поступают лишь те, кому закрыт туда доступ.

Надеюсь, вы не ведете двойной жизни, прикидываясь беспутным, но будучи на самом деле добродетельным? Это было бы недостойным джентльмена лицемерием.

Все женщины похожи на своих матерей, и в этом их трагедия, но ни один мужчина не похож на свою мать — а в этом его трагедия.

Я никогда не езжу без своего дневника — в поезде всегда надо иметь что-нибудь захватывающее для чтения.

В промежутке между написанием первых двух своих светских комедий, в 1892 году, Оскар Уайльд некоторое время жил в Париже, где сочинил на французском языке пьесу на библейскую тему «Саломея», призванную, по словам самого автора, «заставить публику содрогнуться от зрелища испытываемой героиней пьесы противоестественной страсти». Пьеса произвела огромное впечатление на великую французскую актрису Сару Бернар, и премьера спектакля с нею в заглавной роли должна была состояться в лондонском театре «Палас». Однако лорд-гофмейстер королевского двора не дал разрешения на постановку на том основании, что закон запрещает представление на английской сцене пьес, в которых действуют библейские персонажи. Уайльд был настолько возмущен, что заявил о своем намерении отказаться от британского подданства и стать гражданином Франции, где не было такого рода ограничений. Остается только сожалеть – в свете того, что произошло с писателем впоследствии, – что он не исполнил своей угрозы. Пьеса была опубликована в 1893 году, а годом позже вышел ее английский перевод со знаменитыми иллюстрациями Обри Бердслея. Премьера «Саломеи» все же состоялась – в 1896 году в Париже. Саломею играла Сара Бернар.

* * *

В 1897 году Оскар Уайльд написал «De Profundis» – яркий автобиографический документ поразительной силы, непревзойденную по искренности исповедь, которую можно поставить в один ряд разве что с «Исповедью» Жан-Жака Руссо. В то же время это философское и эстетическое исследование, по глубине и проникновенности мысли не имеющее себе равных в мировой литературе. В отличие от всех других автобиографических произведений, тюремная исповедь Уайльда рассказывает нам не столько историю жизни автора в ее повседневных подробностях, сколько историю его гениальной души – ее взлета на недостижимую высоту и падения в глубины отчаяния, и из этих глубин (*de profundis*) он и обращает к нам, а не к одному лишь лорду Альфреду Дугласу, к которому номинально обращена исповедь, свои исполненные боли слова.

Оскар Уайльд ставил в центре сюжета многих своих произведений разоблачение какой-нибудь постыдной тайны или какой-нибудь неблагоприятный поступок и следующий за этим публичный позор. Если жизнь действительно отражает искусство гораздо в большей степени, чем искусство жизнь, как утверждал писатель в эссе «Упадок лжи», написанном в 1889 году, то он сам в своей безрассудной погоне за наслаждениями стал жертвой подобного рода. Именно тогда, когда Уайльд достиг вершин славы, маркиз Куинзбери начал серию яростных нападок на писателя с целью положить конец его дружбе со своим сыном, лордом Альфредом Дугласом, который, в свою очередь, мечтал увидеть отца на скамье подсудимых и уговорил Оскара Уайльда возбудить против маркиза судебное дело за клевету. Но вместо него на скамью подсудимых попал Оскар Уайльд, и это привело не только к преждевременному завершению его творческой жизни, но и к преждевременной смерти.

Отец Альфреда Дугласа, известный под прозвищем Багровый Маркиз, был потомственным аристократом, но вместе со своим титулом он унаследовал и многочисленные пороки рода Дугласов, представители которого всегда отличались буйным и мстительным нравом. Будучи человеком крайне невежественным (несмотря на два года, проведенные в колледже Магдалины Оксфордского университета), маркиз Куинзбери жил только псовой охотой, скачками, женщинами и профессиональным боксом. В семье он вел себя как тиран и самодур. Маркиз полностью пренебрегал женой, женщиной очаровательной и красивой, предпочитая ей собак и любовниц. Он был подвержен ужасающим вспышкам гнева, постоянно устраивал в доме жуткие скандалы и даже опускался до рукоприкладства. Лорд Аль-

фред Дуглас вспоминал об отце как о грубом животном, терроризировавшем жену и совершенно не интересовавшимся своими детьми.

Альфред, третий сын в семействе Куинзбери, был младше Оскара Уайльда на целых шестнадцать лет: на свет он появился в 1870 году. Ему было суждено прожить достаточно долгую жизнь – умер он в 1945 году, пережив Уайльда на целых сорок пять лет. С самого раннего детства мальчика называли Бози. Это ласкательное прозвище дала ему мать, считавшая младшего сына самым красивым и грациозным ребенком на свете. Бози, в свою очередь, тоже считал свою мать – и не без оснований – самой красивой женщиной в мире, зато ненавидел отца, чье появление в семье (а маркиз уделял домашнему очагу минимум внимания и исчезал из дома часто и надолго) каждый раз сопровождалось ссорами и скандалами. В январе 1887 года родители Альфреда окончательно развелись – после того как маркиз Куинзбери начал появляться дома с любовницами.

Юноша прекрасно знал, что необыкновенно красив, и был склонен к самолюбованию. В конце своей жизни Дуглас вспоминал, что в молодости отличался прекрасной внешностью и сохранял юный облик еще очень долго – почти до пятидесятилетнего возраста. Какая поразительная аналогия с героем «Портрета Дориана Грея»! Но самое удивительное – это то, что Уайльд написал свой роман еще до знакомства с Альфредом Дугласом (роман, в книжной форме, вышел в апреле 1891 года, а впервые они встретились два месяца спустя). Писатель словно предрек свою роковую дружбу с юным лордом.

Как и Уайльд, Альфред Дуглас учился в Оксфордском университете, причем в том же колледже Магдалины, который задолго до него окончил и Уайльд. Еще до поступления в университет, начиная с 1889 года, Альфред писал стихи и продолжал их писать в университетские годы, печатаясь в оксфордском литературном журнале «Спирит-Лэмп».

В дом Уайльда, на Тайт-стрит, 16, юного лорда привел Лайонел Джонсон, один из основателей журнала. Произошло это в июне 1891 года. Оскар Уайльд в то время находился в самом зените славы. Перед взволнованным Дугласом предстал элегантный мужчина крепкого телосложения и привлекательной внешности. Уайльд, со своей стороны, был поражен, увидев необычайно красивого и грациозного юношу почти с идеальными чертами лица. Не прошло и получаса, как Уайльд, человек безгранично обаятельный и остроумный, к тому же прекрасно владевший тончайшими интонациями своего бархатного голоса, совершенно околдовал молодого студента. За чаем Уайльд представил Альфреда своей жене Констанции, которая на себе ощутила силу обаяния юноши и вскоре подружилась с его матерью.

Через несколько дней после этого Оскар Уайльд пригласил Альфреда Дугласа поужинать с ним в клубе «Элбемарл» и еще более поразил Бози своим обаянием, остроумием и парадоксальностью, стараясь быть достойным физической красоты юноши. Уайльду казалось, что между ними завязываются те же отношения, которые существовали между героями его романа лордом Генри и Дорианом Греем, и он лишний раз имел возможность убедиться, что жизнь имитирует искусство даже в большей степени, чем искусство имитирует жизнь. Дуглас сочетал в себе культуру и образованность с красотой молодости и аристократической изысканностью. В их лице встретились блестящий Талант и совершенная Красота. Оскар Уайльд без памяти влюбился в лорда Альфреда Дугласа.

Маркиз Куинзбери, видя, что отношения его младшего сына с известным писателем привлекают все более пристальное внимание общества, велел Альфреду перестать встречаться с Уайльдом, угрожая в противном случае прекратить выплату сыну ежегодного содержания в размере двухсот пятидесяти фунтов, на что Бози ответил дерзким письмом, посоветовав отцу не совать нос не в свое дело.

Когда читаешь «De Profundis», может создаться впечатление, будто Уайльд и лорд Дуглас только и делали, что предавались веселью и пиршествовали, но впечатление это ошибочное, ибо на самом деле они часто вели долгие, душевные беседы об искусстве и лите-

ратуре, читали друг другу свои произведения, у них были общие творческие интересы и общая страсть к театру.

Ведь не кто иной, как Альфред Дуглас, перевел «Саломею» Уайльда с французского языка на английский, и эта пьеса и поныне идет на сценах Англии, Америки и других англоязычных стран мира именно в переводе Дугласа. Однако перевод этот Оскару Уайльду совершенно не нравился.

Но удивительнее всего то, что ему не нравились и иллюстрации к «Саломее», которые сделал его друг Обри Бердслей, – иллюстрации, идеальным образом соответствовавшие духу и замыслу пьесы и давно признанные гениальными. Тем не менее Уайльд предложил именно ему отредактировать перевод Дугласа, чем привел в бешенство самолюбивого Бози. Уайльд крайне ревниво, с болезненным пристрастием относился к своим творениям, и поэтому неудивительно, что он был столь придирчив к Альфреду Дугласу.

Нужно ради справедливости сказать, что писатель, обвиняя своего друга во всех смертных грехах и пороках, был, по-видимому, несправедлив к молодому лорду, и этого нельзя не заметить, когда читаешь «De Profundis». Альфред Дуглас действительно был избалован, расточителен за чужой счет, эгоистичен, нередко бесцеремонен, груб и несдержан, а главное – повинен в трагедии, случившейся с Оскаром Уайльдом. Да, все это так. В то же время вряд ли мог юный аристократ быть таким уж невежественным, бесчувственным, ничто лишенным воображения, самовлюбленным обывателем и пустоголовым прожигателем жизни, каким его изображает Уайльд. Будь он таким, ему, во-первых, ни за что бы не удалось привлечь внимание столь утонченного эстета и интеллектуала, каким был Уайльд, а во-вторых – он не оставил бы пусть небольшой, но все же достаточно заметный след в английской литературе, выпустив несколько сборников стихов, четыре из которых имели читательский успех, и написав «Автобиографию Дугласа», а также две книги любопытных воспоминаний об Оскаре Уайльде. Кроме того, он был автором, как уже упоминалось, перевода «Саломеи» и редактором различных литературных журналов.

Как ни прискорбно говорить об этом, Оскар Уайльд во многом сам навлек на себя случившуюся с ним трагедию. Его каким-то противоестественным образом завораживали и неудержимо влекли к себе скорбь и страдание, в чем он сам неоднократно признается в своей исповеди. Осмелимся даже предположить, что, не встретив Уайльда лорда Альфреда Дугласа, он нашел бы какого-нибудь другого прекрасного юношу, посредством которого смог бы реализовать дремавшие в его душе самоубийственные инстинкты.

Кроме всего прочего, в Уайльде говорила горькая обида на Бози, ни разу не написавшего ему в тюрьму. Ведь он, несмотря ни на что, продолжал любить своего жестокосердного друга. До предела сгущая краски, Уайльд хотел как можно больнее ранить Дугласа, выместить на нем свою обиду. Но, хотя на страницах «De Profundis» Уайльд и осыпает Бози упреками за причиненные тем обиды и унижения и укоряет его в бесчисленных диких сценах, которые тот постоянно ему устраивал, на самом деле – и этого нельзя не заметить при чтении уайльдовской исповеди – писатель явно получал от всех этих обид и сцен своего рода удовольствие, пусть и окрашенное горечью, и это еще больше привязывало его к молодому аристократу.

18 февраля 1895 года маркиз Куинзбери появился в клубе Оскара Уайльда «Элбемарл» и вручил портье свою визитную карточку, на которой было написано: «Оскару Уайльду, сомдомиту» (маркиз был настолько взбудоражен, что написал слово «сомдомит» с лишней буквой «м»). Портье, не знавший значения этого слова (тем более с лишней буквой «м»), но почувствовавший, что карточка носит оскорбительный характер, вложил ее в конверт и оставил для Уайльда, который появился в клубе лишь через десять дней, 28 февраля. Когда Уайльд взял в руки карточку и прочел написанное, он страшно побледнел. Никто, кроме него и портье, не видел ее и не мог знать, что на ней значится, но Альфред Дуглас, узнав

от Уайльда о случившемся, усмотрел в инциденте прекрасную возможность расквитаться с отцом и стал убеждать Уайльда подать на маркиза в суд.

Журналист и издатель Фрэнк Харрис, близкий друг Оскара Уайльда, уверенный в том, что тому ни за что не выиграть этот процесс, попытался отговорить его от безумного шага.

Но Уайльд в ответ лишь покачал головой и с обреченным видом произнес: «Разве ты не понимаешь, как важно для Бози Дугласа, чтобы я полез в эту драку?» На следующий день, выяснив как можно больше подробностей, касающихся всего этого дела, Фрэнк Харрис окончательно пришел к выводу, что судебный процесс, на который толкали Уайльда, – полнейшая бессмыслица. Он встретился с Оскаром Уайльдом в «Кафе-Ройал» – его сопровождал Бернард Шоу, – и оба они заклинали Уайльда уехать из Англии, забрав с собой Констанцию и детей. Их доводы были столь вескими, что Уайльд почти согласился покинуть страну, но вмешался присутствовавший при разговоре Альфред Дуглас и сумел переубедить его. Оскар Уайльд решил принять вызов маркиза Куинзбери и в одиночку (он не хотел впускать Бози в эту историю) сразиться с ним в зале суда, хотя и понимал, какому подвергает себя риску – да еще в момент своего наивысшего писательского триумфа. Несмотря на все дальнейшие уговоры друзей изменить принятое им опрометчивое решение, несмотря даже на намерение Констанции подать на развод, если он пойдет на этот позор, Оскар Уайльд был готов выступить в роли орудия мести в руках лорда Альфреда Дугласа и намерен был идти до конца. Как знать – возможно, великого писателя даже привлекала эта новая для него роль в ожидавшем его скандале, обещавшем стать кульминацией в той не написанной им пьесе, которой ему представлялась его жизнь.

Суд вынес в отношении маркиза Куинзбери оправдательный приговор, а это автоматически подразумевало, что на скамью подсудимых попадает вместо него Оскар Уайльд. Публика единодушно приветствовала решение суда, и Багровый Маркиз, под громкие овации присутствующих, покинул зал суда победителем. Уайльд же вышел из Олд-Бейли, сопровождаемый улюлюканьем толпы. Он не сомневался в том, что карьера его закончена, а жизнь разбита.

Но в тот момент он еще не подозревал, с какой яростью примется его преследовать викторианское общество – то самое, над думами и сердцами которого он так долго и столь безраздельно властвовал. У него все еще оставалась возможность покинуть Англию, о чем его умоляли Роберт Росс, Фрэнк Харрис и другие его друзья. Но Уайльд чувствовал себя бесконечно усталым и, подобно Гамлету (так, по крайней мере, он понимал этот образ), предпочел наблюдать за происходящей с ним трагедией со стороны. В глубине души роль страдальца даже импонировала ему, зато претила роль трусливого беглеца. И он решил встретить свою судьбу с поднятой головой.

6 апреля 1895 года Оскару Уайльду было предъявлено официальное обвинение в совершении непристойных действий, и его поместили в тюрьму предварительного заключения Холлоуэй. Правосудие было к нему безжалостно: судья отказал друзьям писателя освободить его под залог, запретил передать ему сменное белье, в тюрьме ему отвели самую худшую камеру. Английская пресса неистовствовала, проститутки танцевали на улицах, а добропорядочные граждане произносили имя Оскар с ненавистью и презрением. Уайльду грозило пожизненное тюремное заключение. Но суд на последнем из тех трех процессов, на которых слушалось дело Уайльда, дал ему два года тюремного заключения с исправительными работами, что можно считать, учитывая серьезность обвинения, относительно мягким приговором.

В конце мая 1895 года Оскара Уайльда, закованного в наручники, посадили в тюремную карету и отвезли из Холлоуэя, тюрьмы предварительного заключения, в Пентонвилл, тюрьму для осужденных преступников. Жизнь для Оскара Уайльда остановилась. Знаменитый писатель, утонченный эстет – и тюрьма строгого режима! Да еще по обвинению в пре-

ступлении, которое давно уже таковым не считается и сейчас признается чуть ли не нормой! Оскар Уайльд выйдет на свободу через два года, в мае 1897 года, сломленный и физически, и морально. От него практически отказалась семья, сменив фамилию на Холланд, потому что с фамилией Уайльд его жену и сыновей даже отказывались поселить в гостинице, когда они ездили на отдых в Швейцарию.

Такому эстету, завсегдатаю светских салонов и грандотелей, каким был Уайльд, тюрьма показалась сущим адом. Он крайне тяжело переносил свое заключение. Когда ему зачитали тюремный распорядок, Уайльд пришел в ужас, а когда его заставили надеть отвратительную тюремную робу и начали сбривать ему волосы, он принялся бурно протестовать. В последний день судебного разбирательства он выглядел совершенно больным, и друзья надеялись, что по прибытии в тюрьму его сразу же направят в лазарет, однако вместо этого его приставили к колесу, то есть наказали самым тяжелым видом исправительных работ, какой только мог выпасть на долю узника Пентонвилла.

В ноябре Уайльда перевели в Рединг, где ему со временем подыщут более подходящую работу и где его даже посетит вдохновение: позднее он напишет там «De Profundis» и первые строфы «Баллады Редингской тюрьмы». Во время переезда из Уондсворта в Рединг Уайльд, стоя в наручниках и в тюремной одежде на центральной платформе Клапамского железнодорожного узла, что в южной части Лондона, подвергся насмешкам и оскорблениям ожидавшей поезда толпы. Кто-то даже попытался плюнуть ему в лицо. Эту унижительную сцену он с горечью опишет на страницах «De Profundis».

Начальник Редингской тюрьмы, майор Айзексон, поддерживавший в своем заведении железную дисциплину, не выполнил рекомендаций врачей и применил к вновь поступившему заключенному все строгости внутреннего распорядка. Оскар Уайльд вновь оказался изолированным в одиночной камере, и ему по-прежнему не разрешали читать книги. Он давно уже опасался за жизнь своей матери, леди Уайльд, для которой осуждение сына и отсутствие известий о нем явилось тяжелейшим испытанием, и 3 февраля 1896 года он вдруг увидел ее у себя в камере. Уайльд предложил ей сесть, но она исчезла так же внезапно, как и появилась, и он понял, что она умерла. А 19 февраля к нему из Генуи приехала Констанция и подтвердила, что его видение оказалось вещим. Этому свиданию суждено было стать последней встречей Уайльда с женщиной, которую он когда-то страстно любил и которой причинил так много горя. Констанция умерла 7 апреля 1898 года в Генуе, где и была похоронена. Уайльд пережил ее на два с половиной года.

В мае 1896 года Уайльда перевели на должность садовника, что было для него огромным облегчением. Он провел в тюрьме уже больше года, и его все больше донимало воспаление уха, начавшееся в результате падения в часовне. В июле того же года он написал министру внутренних дел письмо с просьбой сократить ему срок наказания. Он признавал себя виновным, но подчеркивал, что гомосексуализм – не преступление, а болезнь и что дальнейшее пребывание в тюрьме может довести его до безумия. Вскоре Уайльда вновь обследовали врачи и снова рекомендовали облегчить ему режим пребывания в тюрьме и предоставить в его распоряжение перья, бумагу и книги.

В конце июля 1896 года вместо Айзексона начальником тюрьмы был назначен майор Нельсон, который благоволил к Оскару Уайльду и всячески старался облегчить его пребывание в заключении. В январе 1897 года Уайльда освободили от всех видов работ и назначили старшим по тюремной библиотеке. Ему дали бумагу и разрешили после общего отбоя пользоваться светом.

Тогда-то Оскар Уайльд и приступил к сочинению письма Альфреду Дугласу, ставшего впоследствии известным под названием «De Profundis», и закончил его через три месяца. Тех, кто читал это произведение, поражает необычайная широта познаний Оскара Уайльда в самых различных областях – и в искусстве, и в философии, и в теологии, и в литературе,

и в истории. Еще более поражает глубина и оригинальность высказываемых им суждений – и о том, что Иисус Христос был первым в мире романтиком и обладал могучим воображением, что и позволило ему пробудить в человеке Человеческое; и о том, что в историческом развитии человечества было два возрождения: одно – подлинное, начавшееся с приходом Христа, а другое – псевдовозрождение, называемое классическим Ренессансом; и о том, что шекспировский Гамлет был созерцателем и мечтателем, чем и определялось его поведение, и о многом другом.

Примерно в это же время, в начале 1897 года, Оскар Уайльд начал писать «Балладу Редингской тюрьмы», которая, однако, будет закончена уже после его выхода на свободу.

День 18 мая 1897 года стал последним днем пребывания Уайльда в Редингской тюрьме. Произведения Уайльда в то время не печатались, все его пьесы были сняты со сцены, и он, лишившись здоровья и денег, был вынужден уехать во Францию, где и прожил остаток своих дней чуть ли не в нищете и часто впроголодь, ютясь в крошечной комнатке жалкой парижской гостиницы, которая не заслуживает даже того, чтобы упоминать ее название. Однако он не оставлял надежд возобновить свою литературную деятельность и снова стать популярным писателем. Несмотря на постоянные денежные проблемы, ему все же удавалось сохранять, по выражению Бернарда Шоу, «несокрушимый праздник души», что поддерживало его в самые трудные минуты. Кроме того, его навещали преданные друзья, такие как Макс Бирбом и Роберт Росс, взявший на себя впоследствии обязанности его литературного душеприказчика.

Хотя исповедь Оскара Уайльда была впервые опубликована (со значительными купюрами) еще в 1905 году, в полном объеме это произведение увидело свет лишь более пятидесяти лет спустя, в 1962 году. Публикация полного текста «De Profundis» произвела эффект разорвавшейся бомбы как в Англии, так и по другую сторону Атлантического океана. Со страниц исповеди перед читателями встал подлинный Оскар Уайльд. Многие, хоть они и жили во второй половине XX века, были шокированы откровенностью почитаемого ими писателя; других, напротив, пленила его искренность, а некоторые увидели в «De Profundis» не только исповедь, но и покаяние. «De Profundis» и в самом деле можно считать и исповедью Великого Страдальца, и покаянием Великого Грешника, и автобиографией души Великого Художника.

Умер писатель скорпостижно от острого менингита, вызванного проникшей в ухо инфекцией. Оскар Уайльд был с рождения протестантом, но его всегда привлекала религиозная мистика и католическая вера. Перед самой смертью, в 1900 году, в свои самые последние минуты, будучи уже в полубессознательном состоянии, Уайльд был принят в лоно католической церкви, которой восхищался столь многие годы, и обрел вечный покой на парижском кладбище Пер-Лашез, где его останки покоятся и поныне.

Валерий Чухно

Портрет Дориана Грея

Предисловие

Художник – творец прекрасного.

Раскрыть творение и скрыть творца – вот в чем предназначение искусства.

Критик – тот, кто способен в новой форме или новыми средствами передать свое впечатление от прекрасного.

Высшая, как и низшая, форма критики – это своего рода автобиография.

Те, кто в прекрасном видит уродливое, – люди безнравственные, но безнравственность не делает их привлекательными. Это порок.

Те, кто в прекрасном видит признаки красоты, – люди нравственные. Они не полностью безнадежны.

Но только избранные видят в прекрасном одну лишь Красоту.

Нет книг нравственных или безнравственных. Книги написаны или хорошо, или плохо. И в этом вся разница.

Враждебность девятнадцатого века к Реализму – это ярость Калибана¹, увидевшего в зеркале свое отражение.

Враждебность девятнадцатого века к Романтизму – это ярость Калибана, не видящего в зеркале своего отражения.

Нравственная жизнь человека – лишь одна из сторон творчества художника, а нравственность Искусства – в совершенном применении несовершенных средств. Художник не стремится что-то доказывать. Доказать можно даже неоспоримые истины.

У художника нет этических пристрастий. Этические пристрастия художника порождают непростительную манерность стиля.

У художника не бывает болезненного воображения. Художник вправе изображать все.

Мысль и Слово – инструмент, которым художник творит Искусство. Порок и Добродетель – материал, из которого художник творит Искусство.

Если говорить о форме, эталоном для всех искусств является искусство музыканта. Если говорить о чувстве – искусство актера.

Всякое искусство в одно и то же время поверхностно и символично. Те, кто пытается проникнуть глубже поверхности, идут на риск. Те, кто пытается разгадать символы, тоже рискуют.

Искусство – зеркало, но отражает оно смотрящего, а не жизнь.

Если произведение искусства воспринимается неоднозначно, – значит, в нем есть нечто новое, сложное и животрепещущее.

Если критики расходятся во мнениях, – значит, художник верен самому себе.

Можно простить человеку создание полезной вещи, если только он ею не восторгается. Но того, кто создает нечто бесполезное, может оправдать лишь безмерное восхищение своим творением.

Всякое Искусство бесполезно.

Оскар Уайльд

---

¹ Калибан – полузверь, получеловек в трагикомедии Шекспира «Буря».

Глава I

Студию наполняло пьянящее благоухание роз, а, когда по деревьям сада пробежал легкий летний ветерок, через открытую дверь доносился густой запах сирени, перемежающийся с более нежным ароматом розовых цветков боярышника.

На диване из персидских седельных выюков лежал лорд Генри Уоттон, по обыкновению куря одну за другой бесчисленные сигареты; через проем двери ему был виден обаятельный желтым пламенем цветения куст ракитника, сплошь увешанный длинными, вздрагивающими при каждом колебании воздуха кистями душистых, будто мед, цветков, золотым дождем струящихся с тонких веток, гнущихся под тяжестью этого сверкающего великолепия; время от времени по длинным шелковым занавесям, закрывающим огромных размеров окно, проносились причудливые тени пролетающих птиц, на мгновение создавая иллюзию, будто окна украшены творениями японской живописи, и мысли лорда Генри обращались к желтолицым художникам Токио, неустанно стремящимся передать ощущение стремительного движения средствами искусства, по природе своей статичного. Монотонное гудение пчел, с трудом проталкивающих сквозь высокую нескошенную траву или с неустанной настойчивостью кружащих над полными золотистой пылью цветками буйно разросшейся жимолости, казалось, делало тишину еще более гнетущей. Глухой шум Лондона напоминал непрерывно звучащую басовую ноту отдаленного органа.

Посреди комнаты стоял на мольберте портрет молодого человека необыкновенной красоты, изображенного во весь рост, а перед мольбертом, на небольшом от него расстоянии, сидел и сам художник, Бэзил Холлуорд, чье внезапное исчезновение за несколько лет до этого так взволновало общество и породило массу самых невероятных предположений.

Художник смотрел на искусно созданный им на полотне образ прекрасного, грациозного юноши, и довольная улыбка не сходила с его лица. Но вдруг он вскочил и, закрыв глаза, прижал пальцы к векам, будто стараясь удержать в памяти какой-то удивительный сон и боясь пробудиться.

— Это лучшее твоё произведение, Бэзил, самое замечательное из всего, что написано тобой, — томно проговорил лорд Генри. — Тебе обязательно нужно послать портрет в следующем году на выставку в Гроувенор². В Академию не стоит: у них слишком много полотен и слишком мало вкуса. Когда туда ни придешь, там или столько людей, что не увидишь картин, — и это само по себе ужасно, — или же столько картин, что не увидишь людей, а это еще хуже. Нет, только в Гроувенор, и никуда больше.

— А я, собственно, не собираюсь его выставлять, — ни в Гроувеноре, ни где-нибудь в другом месте, — отозвался художник, откинув назад голову в свойственной ему странной манере, над которой, бывало, подтрунивали его товарищи в Оксфордском университете. — Нет, никуда я его не пошлю.

Подняв брови, лорд Генри удивленно взглянул на Бэзила сквозь голубой дым, причудливыми тонкими кольцами поднимавшийся от его насквозь пропитанной опиумом сигареты.

— Никуда не пошлешь? Но почему, дорогой мой? Что за причина? Станный вы народ, художники! Из кожи вон лезете, чтобы добиться известности, но, как только она приходит, не ставите ее ни в грош. Это ведь глупо! Конечно, нет ничего хорошего, когда о тебе говорят слишком много, но еще хуже, когда о тебе вовсе не говорят. Этот портрет вознес бы тебя, Бэзил, намного выше всех молодых художников Англии, а у старых вызвал бы чувство зависти, если старики вообще способны испытывать хоть какие-то чувства.

---

² Гроувенор — частная картинная галерея в Лондоне.

– Знаю, ты станешь надо мной смеяться, – отозвался художник, – но я и в самом деле не могу его выставить: слишком много вложил я в него самого себя.

Лорд Генри расхохотался, потянувшись на диване всем телом.

– Ну вот, я знал, что ты будешь смеяться, и, тем не менее, это так и есть.

– Слишком много самого себя? Ей-богу, Бэзил, я и не подозревал в тебе такого самонимения. Я не вижу ни малейшего сходства между тобой, с твоими крупными, волевыми чертами лица, с черными как смоль волосами, и этим юным Адонисом, словно сотворенным из точеной слоновой кости и лепестков роз. Понимаешь, дорогой Бэзил, он – Нарцисс, тогда как ты... Ну конечно, лицо у тебя интеллектуальное, и все такое прочее, но красота, подлинная красота, заканчивается там, где начинается интеллектуальность. Интеллект уже сам по себе аномалия, ибо нарушает гармонию лица. Стоит человеку о чем-нибудь задуматься, как у него непропорционально вытягивается нос, или увеличивается лоб, или происходит еще что-нибудь ужасное с его лицом. Взгляни-ка на выдающихся личностей любой ученой профессии – до чего же они уродливы! Исключение составляют, пожалуй, одни лишь церковники, но они ведь никогда не напрягают мозгов. Восьмидесятилетний епископ продолжает твердить те же истины, которым его научили, когда он был восемнадцатилетним юнцом, поэтому неудивительно, что на него всегда приятно смотреть. Твой таинственный юный друг, чье имя, кстати, ты мне никогда не называл, но чей портрет меня так завораживает, вряд ли когда-нибудь о чем-либо думает. Я совершенно в этом уверен. Он безмозглое очаровательное существо, на чье изображение будет всегда приятно смотреть, – и зимой, когда нет цветов, и летом, когда захочется остудить разгоряченный мозг. Не льсти себе, Бэзил: ты ничуть на него не похож.

– Ты меня не так понял, Гарри, – ответил художник. – Разумеется, я на него не похож, и я это отлично знаю. Да мне бы и не хотелось быть на него похожим. Ты пожимаешь плечами? А между тем я говорю вполне искренне. В судьбе людей, физически или интеллектуально превосходящих других, есть что-то роковое; это своего рода фатум, который на протяжении всей истории словно преследует королей, вынуждая их делать неверные шаги. Гораздо безопаснее ничем не отличаться от других. В этом мире все лучшее достается глупцам и уродам. Они могут преспокойно сидеть и смотреть, как из кожи вон лезут другие. Пусть им не дано почувствовать торжество побед, зато они избавлены от горечи поражений. Они живут, как следовало бы жить нам всем, – безмятежно, ничем не интересуясь, оставаясь ко всему равнодушными. Они никому не причиняют зла, и у них нет врагов... За твои знатность и богатство, Гарри; за мой интеллект и талант, какими бы скромными они ни были; за красоту Дориана Грея – за все эти дары богов нам когда-нибудь придется расплачиваться, расплачиваться самыми ужасными страданиями.

– Дориан Грей? Вот, значит, как его зовут, – произнес лорд Генри, встав и подойдя к Холлуорду.

– Да. Впрочем, я не хотел называть его имени.

– Вот как? И почему же?

– Как бы тебе объяснить... Если мне кто-то пришелся по сердцу, я никогда никому не говорю, как его зовут. Это означало бы делиться им с другими людьми. И знаешь, мне нравится иметь от других секреты. Это, пожалуй, единственное, что может в наши дни сделать жизнь увлекательной и загадочной. Самая обычная вещь, если скрываешь ее от людей, начинает казаться интригующей. Теперь, уезжая из Лондона, я никогда не говорю своим, куда еду. А говорил бы, так терялось бы все удовольствие. Глупая причуда, я не спорю, но она почему-то привносит в мою жизнь своего рода романтику. Ты, конечно, скажешь, что все это ужасно несерьезно, не так ли?

– Вовсе нет, – возразил лорд Генри. – Вовсе нет, дорогой мой Бэзил! Ты, кажется, забываешь, что я человек женатый, а главная прелесть брака заключается в том, что он вынуж-

дает обоих супругов постоянно друг друга обманывать. Я, например, никогда не знаю, где в данный момент моя жена, а жена не знает, чем занимаюсь я. При встречах, – а мы иногда с ней встречаемся, когда обедаем вместе в гостях или бываем с визитом у герцога, – мы с самым серьезным видом рассказываем друг другу невероятнейшие небылицы. Жене удается это намного лучше, чем мне. Она никогда не путается в датах, а со мной это частенько бывает. Впрочем, если ей и случается меня уличить, никаких сцен она не устраивает. Иной раз я даже жалею об этом, но она только подшучивает надо мной.

– Мне не нравится, когда ты так говоришь о своей семейной жизни, Гарри, – сказал Бэзил Холлуорд, подходя к двери в сад. – Уверен, что на самом деле ты образцовый муж, хоть и стыдишься своей добродетельности. Удивительный ты человек! Никогда не говоришь ничего нравственного и никогда не делаешь ничего безнравственного. Твой цинизм – просто поза.

– Да, быть естественным – поза, и поза эта ужасно всех раздражает! – воскликнул лорд Генри со смехом.

Молодые люди вышли в сад и сели на бамбуковую скамью в тени высокого лаврового куста. По блестящим листьям куста скользили солнечные зайчики. В траве легонько покачивались белые маргаритки.

Некоторое время они сидели молча. Потом лорд Генри взглянул на часы и пробормотал:

– Боюсь, Бэзил, мне пора идти. Но прежде чем я уйду, ты должен ответить на заданный мной вопрос.

– Какой еще вопрос? – спросил художник, не поднимая от земли глаз.

– Ты прекрасно знаешь какой.

– Нет, Гарри, не знаю.

– Хорошо, я могу напомнить. Объясни, будь любезен, почему ты решил не выставить портрет Дориана Грея. Только учти – я хочу услышать правду.

– Я и сказал тебе правду.

– Нет, ты не назвал настоящей причины. Ты сказал, что в этом портрете слишком много от тебя самого. Но это же несерьезно!

– Пойми, Гарри, – Холлуорд посмотрел лорду Генри прямо в глаза. – Любой портрет, если его пишешь, вкладывая всю душу, является, по сути, портретом самого художника, а не того, кто ему позировал. Натурщик – это всего лишь частность, случайность. Не его, а самого себя раскрывает художник в нанесенных на полотно красках. Так что причина, по которой я не хочу выставить картину, заключается в том, что я произвольно раскрыл в ней тайну своей души.

Лорд Генри рассмеялся.

– И в чем же она заключается? – спросил он.

– Попытаюсь тебе объяснить, – произнес Холлуорд с выражением некоторого замешательства на лице.

– Я весь внимание, Бэзил, – проговорил лорд Генри, взглянув на друга.

– Да и рассказывать-то почти нечего, Гарри, – ответил художник. – Боюсь, ты мало что поймешь в этой истории. А быть может, даже не поверишь мне.

Лорд Генри усмехнулся, затем, наклонившись, сорвал в траве маргаритку и стал разглядывать ее розоватые лепестки.

– А я вот не сомневаюсь, что все пойму, – наконец отозвался он, внимательно рассматривая золотистый диск сердцевины цветка. – Ну а поверить я могу чему угодно – разумеется, при условии, что история достаточно неправдоподобна.

Порывом ветра сорвало с деревьев несколько цветков; тяжелые кисти сирени, собранные из тысяч маленьких звезд, медленно раскачивались в наполненном истомой воздухе.

Где-то у стены стрекотал кузнечик. Длинной голубой нитью на прозрачных золотистых крыльях промелькнула в воздухе стрекоза... Лорду Генри казалось, будто он слышит, как стучит сердце в груди у Бэзила. Что же, интересно, собирается рассказать его друг?

— История эта такова, — начал художник после продолжительного молчания. — Месяца два назад я побывал на званом вечере у леди Брэндон. Ведь нам, бедным художникам, приходится время от времени появляться в обществе — хотя бы для того, чтобы люди не думали, что мы какие-то дикари. Ты сам мне однажды сказал, что во фраке и белом галстуке кого угодно, даже биржевого маклера, могут принять за цивилизованного человека. Ну вот, после того, как я минут десять беседовал с занудами академиками и разряженными в пух и прах престарелыми матронами, я вдруг ощутил на себе чей-то взгляд. Полуобернувшись, я увидел Дориана Грея — до этого я его не замечал. Взгляды наши встретились, и я почувствовал, что бледнею. Меня обьял какой-то безотчетный ужас. Я сразу понял: передо мною человек настолько обаятельный, что, если я поддамся исходящему от него очарованию, его личность поглотит меня целиком — всю мою душу и даже мое искусство. Но я не хотел посторонних влияний в своей жизни. Ты ведь сам знаешь, Генри, что я по природе независимый человек. Я всегда был себе хозяином — во всяком случае, до тех пор, пока не встретился с Дорианом Греем. Ну а тут... даже не знаю, как тебе объяснить. Внутренний голос, казалось, предупреждал меня, что я накануне какого-то невероятного перелома в моей жизни. У меня было смутное предчувствие, что судьба готовит мне беспредельные радости, но вместе с ними и горькие разочарования. Мне стало жутко, и я повернулся к двери, собираясь уйти. Сделал я это бессознательно, из какого-то малодушия. По совести говоря, попытка сбежать не делает мне чести.

— Совесть и малодушие, в сущности, одно и то же, Бэзил. Просто «совесть» звучит респектабельнее, вот и все.

— Я так не думаю, Гарри, да и ты, я уверен, тоже... Словом, не знаю, из каких побуждений, — быть может, из гордости, так как я всегда был человеком гордым, — но я принялся пробираться к выходу. У двери я, разумеется, наткнулся на леди Брэндон. «Уж не собираетесь ли вы от нас сбежать, да еще так рано, мистер Холлуорд?» — пронзительно прокричала она. Ты ведь сам знаешь, какой у нее голос.

— Да уж знаю! Все в ней напоминает павлина, кроме, разумеется, его красоты, — отозвался лорд Генри, теребя маргаритку своими длинными нервными пальцами.

— Мне так и не удалось от нее отделаться. Она повела меня представлять высочайшим особам, сановникам в орденах Подвязки, престарелым дамам в огромных диадемах и с крючковатыми, как у попугаев, носами. Она им рекомендовала меня как своего лучшего друга, хотя встречались мы с ней до этого всего лишь однажды. Как видно, ей взбрело в голову включить меня в свою коллекцию знаменитостей. Насколько я помню, одна из моих картин в то время имела большой успех, — во всяком случае, о ней писали в грошовых газетах, а в наш девятнадцатый век это все равно что заявка на бессмертие. И вдруг я оказался лицом к лицу с тем самым юношей, чей облик вызвал в моей душе столь странное волнение. Мы были совсем рядом, чуть ли не касались друг друга. Взгляды наши встретились вновь. И тут я безрассудно попросил леди Брэндон представить меня ему. Хотя, возможно, это и не было безрассудством, а просто чем-то неизбежным. Мы бы заговорили друг с другом, даже если бы нас и не познакомили. Я в этом убежден. То же самое сказал мне потом и Дориан. Он, точно так же, как и я, не сомневался, что нас с ним свела сама судьба.

— И как же леди Брэндон охарактеризовала твоего необыкновенного молодого человека? — спросил лорд Генри. — Я ведь знаю ее манеру давать *precis*³ каждому своему гостю. Помню, однажды она решила представить меня какому-то свирепому на вид краснолицему

---

³ *Precis* — беглая характеристика (*фр.*).

старцу, сплошь увешанному орденами и лентами, и, пока мы к нему приближались, она трагическим шепотом, который, несомненно, слышала вся гостиная, сообщала мне на ухо самые ошеломляющие подробности из его биографии. Мне ничего не оставалось, как бежать от нее. Я предпочитаю сам, без посторонней помощи, составлять свое мнение о людях. А леди Брэндон характеризует гостей точь-в-точь как аукционист продаваемые им с молотка вещи. Она либо выкладывает о них всю подноготную, либо рассказывает о них все, что угодно, кроме того, что вам хотелось бы о них узнать.

– Бедная леди Брэндон! Ты слишком уж к ней суров, Гарри, – равнодушно произнес Холлуорд.

– Мой дорогой, она пыталась создать у себя великосветский салон, а на деле получился ресторан. Так почему я должен восхищаться ею? Ладно, забудем о ней. Итак, что же она сказала тебе о мистере Дориане Грее?

– Что-то вроде: «Очаровательный мальчик... мы с его бедной мамой были неразлучны... Совершенно забыла, чем он занимается... Боюсь, что ничем... Ах да, играет на фортепьяно... Или на скрипке... не так ли, дорогой мистер Грей?» Мы с ним не могли удержаться от смеха и сразу почувствовали себя друзьями.

– Не так уж плохо, если дружба начинается со смеха, но еще лучше, если она смехом же и заканчивается, – заметил лорд Генри, срывая еще одну маргаритку.

Холлуорд покачал головой.

– Ты не знаешь, что такое настоящая дружба, Гарри, – произнес он негромко. – Да и что такое вражда, вряд ли тебе известно. Ты ко всем относишься одинаково хорошо – иначе говоря, тебе все одинаково безразличны.

– Как же ты несправедлив ко мне! – воскликнул лорд Генри; сдвинув на затылок шляпу, он не отрываясь смотрел на проплывавшие в бирюзовой глубине летнего неба легкие облачка, похожие на растрепавшиеся мотки белой шелковой пряжи. – Чудовищно несправедлив! Для меня люди вовсе не одинаковы. В близкие друзья я выбираю себе людей с хорошей внешностью, в приятели – людей с хорошей репутацией, в недруги – людей с хорошими мозгами. Тщательнее всего следует выбирать себе недругов. Среди моих врагов нет глупцов. Все они – люди мыслящие и поэтому умеют меня ценить. Ты считаешь, я тщеславен? Что ж, этого я отрицать не стану.

– И правильно сделаешь, Гарри. Но если пользоваться твоей классификацией, получается, что я для тебя просто приятель?

– Дорогой мой Бэзил, ты для меня гораздо больше, нежели «просто приятель».

– Но гораздо меньше, чем друг? Нечто вроде брата, следует полагать?

– Ох уж эти мне братья! К братьям я не питаю особой любви. Мой старший брат решительно отказывается умирать, а младшие только это и делают⁴.

– Гарри! – воскликнул Холлуорд, нахмутив брови.

– Мой дорогой друг, я ведь говорю не всерьез. В то же время не стану скрывать, что терпеть не могу своей родни. Это происходит, надо полагать, оттого, что все мы не выносим людей с теми же недостатками, что у нас. Я, например, глубоко сочувствую неимущим слоям населения Англии, которые возмущаются так называемыми « пороками высших классов». Люди низших сословий считают, будто пьянство, глупость и безнравственность должны быть исключительно их привилегией, и, если кто-либо из нас страдает такими же пороками, что и они, он тем самым как бы посягает на их права. Когда бедняга Саутуорк вздумал развестись с женой, негодование масс было просто-таки безграничным. Между тем я не мог бы поручиться за то, что хотя бы десять процентов пролетариев ведет праведный образ жизни.

---

⁴ Имеется в виду принятый в Англии порядок наследования, согласно которому все состояние отца достается старшему сыну.

– В корне с тобой не согласен, Гарри! Более того, ты и сам вряд ли веришь во всю эту чушь.

Лорд Генри провел рукой по своей клинообразной каштановой бороде и несколько раз постучал тростью из черного дерева, с кисточкой на рукоятке, по носку лакированного ботинка.

– Ты типичный англичанин, Бэзил! Вот уже во второй раз я слышу от тебя подобные рассуждения. Когда делишься какой-нибудь мыслью с англичанином – а это, надо сказать, всегда большая неосторожность, – то его мало интересует, верна эта мысль или не верна. Для него важнее другое: убежден ли ты в том, что говоришь, или нет. А между тем важна сама мысль, независимо от того, насколько искренен человек, ее высказавший. Более того, ценность любой мысли тем выше, чем менее искренен тот, у кого она появилась, ибо в этом случае она не отражает его личных интересов, желаний и предрассудков. Впрочем, не бойся – я не собираюсь говорить с тобой на политические, социологические или метафизические темы. Люди меня интересуют больше, чем принципы, а люди без принципов меня попросту восхищают. Поговорим лучше о Дориане Грее. Часто ли вы встречаетесь?

– Каждый день. Я чувствовал бы себя несчастным, если бы не виделся с ним ежедневно. Мне это крайне необходимо.

– Неужели? А я-то думал, что тебе необходимо только твое искусство.

– Дориан теперь и есть для меня все мое искусство, – как-то по-особенному серьезно произнес художник. – Видишь ли, Гарри, иногда я думаю, что во всей истории человечества были лишь два важных момента. Первый – это появление в искусстве новых средств выражения, второй – появление нового образа в искусстве. Лицо Дориана Грея когда-нибудь станет для меня тем, чем для венецианцев⁵ было изобретение масляных красок или для поздней греческой скульптуры – лик Антиноя⁶. Я ведь не просто пишу Дориана красками, или рисую карандашом, или делаю эскизы. Нет, дело не только в этом. Он для меня гораздо больше, чем модель или натурщик. Не стану тебя убеждать, что не доволен тем, как мне удалось изобразить его, или что такую красоту, какой наделен он, невозможно отобразить средствами искусства. Это было бы неправдой. Нет ничего такого, чего не могло бы выразить искусство, и я прекрасно отдаю себе отчет в том, что все, написанное мной со времени моего знакомства с Дорианом Греем, написано хорошо, это мои лучшие работы. Но в то же время – даже не знаю, как это тебе объяснить и поймешь ли ты меня, – личность Дориана дала мне ключ к чему-то совершенно новому в живописи, открыла для меня новую манеру письма. Я вижу вещи в ином свете и воспринимаю их по-иному. Я теперь могу воссоздавать жизнь такими средствами искусства, которые прежде были мне недоступны. «Мечты о форме в век рассудка», – не помню, кто это сказал, но именно такой мечтой стал для меня Дориан Грей. Одна лишь возможность видеть этого мальчика – а в моих глазах он еще мальчик, хотя ему уже минуло двадцать лет, – так вот, одна лишь возможность видеть его... ах, можешь ли ты себе представить, что это для меня значит?! Сам того не подозревая, он определил для меня очертания какой-то новой школы живописи – школы, которая может сочетать в себе всю страстность романтизма и все совершенство эллинизма. Гармония тела и духа – как это много значит! В безумии своем мы разлучили их и выдумали реализм с его вульгарностью и идеализм с его пустотой. Ах, Гарри, если б ты только знал, что для меня значит Дориан Грей! Помнишь тот пейзаж, за который Эгнью предлагал мне огромные деньги, а я не захотел с ним расстаться? Это одна из лучших моих картин. А почему она получилась такой? Потому что, когда я ее писал, Дориан Грей сидел рядом. Он каким-то непостижимым образом влиял

---

⁵ Венецианцы – представители венецианской школы живописи (XV-XVIII вв.).

⁶ Антиной – юноша, отличавшийся необыкновенной красотой; был любимцем римского императора Адриана (II в. н. э.).

на меня, и поэтому впервые в жизни я смог увидеть в ничем не примечательной лесистой местности то чудо, которое я всегда искал и которое всегда от меня ускользало.

– Но это же потрясающе, Бэзил! Я непременно должен увидеть Дориана Грея!

Холлуорд встал со скамейки и принялся ходить взад и вперед по лужайке. Через некоторое время он снова подошел к лорду Генри.

– Понимаешь, Гарри, – сказал он, – Дориан Грей для меня – своего рода муза. Ты, скорее всего, не увидел бы в нем ничего особенного, а я вижу в нем все. Его незримое присутствие в тех моих работах, где он не изображен, чувствуется, пожалуй, еще сильнее, чем собственно в его портретах. Как я уже тебе говорил, он словно подсказывает мне новую манеру живописи. Я вижу Дориана в изгибах тех или иных линий, в нежной прелести цветовых оттенков. Вот в чем все дело.

– Но почему же в таком случае ты не выставляешь его портрет? – спросил лорд Генри.

– Потому что помимо своей воли я вложил в этот портрет то необъяснимое благоговение, которое художник часто испытывает перед своей моделью, – чувство, в котором я, разумеется, ни за что бы не признался Дориану. Он ничего об этом не знает. И никогда не узнает. Но другие могут догадаться об этом, а я не хочу обнажать свою душу перед их пустыми, назойливо-любопытными взглядами. Я никогда не позволю им рассматривать свое сердце под микроскопом. В этом портрете слишком много меня самого, понимаешь, Гарри? Слишком много.

– А вот поэты – те не так щепетильны, как ты. Они прекрасно знают, как выгодно писать о любовной страсти с точки зрения публикации их опусов. В наше время разбитое сердце может выдержать сколько угодно изданий.

– И я презираю их за это! – воскликнул Холлуорд. – Художник, создавая прекрасное произведение искусства, не должен вносить в него ничего из своей личной жизни. В наш век люди привыкли относиться к творению художника как к своего рода автобиографии. Мы утратили абстрактное чувство прекрасного. Но когда-нибудь я продемонстрирую миру, что это такое, и именно по этой причине мир никогда не увидит портрет Дориана Грея.

– Мне кажется, ты не прав, Бэзил, но не буду с тобою спорить. Спорят только те, у кого не слишком много мозгов... Скажи, Дориан Грей к тебе очень привязан?

Художник на некоторое время задумался.

– Думаю, Дориану нравится быть со мной, – ответил он наконец. – Даже уверен в этом. И неудивительно: я ему постоянно всячески льщу. Не могу понять почему, но мне доставляет странное удовольствие говорить ему вещи, которых говорить не следовало бы; впоследствии я всегда сожалею о том, что их сказал. Как правило, он ведет себя со мной очень мило; мы сидим в моей студии и беседуем на тысячи разных тем. Но порой он бывает ужасно бессердечен, ему словно доставляет удовольствие мучить меня. И тогда, Гарри, у меня возникает ощущение, что я отдаю всю свою душу человеку, для которого она все равно что цветок в петлице – украшение, тешащее его тщеславие, безделушка, которая может наскучить за один летний день.

– Летние дни длинные, Бэзил, – вполголоса пробормотал лорд Генри. – И, кто знает, может быть, ты пресытишься вашей дружбой даже раньше, чем Дориан. Как это ни грустно сознавать, но Гений, несомненно, долговечнее Красоты. Потому-то мы и тщимся сверх всякой меры развивать свой ум. В жестокой борьбе за существование мы хотим опираться хоть на что-нибудь основательное, прочное и поэтому начинаем голову массой ненужных фактов и всяким хламом в наивной надежде удержать за собой место в жизни. Высокообразованный, информированный человек – вот каков современный идеал. Ну а мозг такого высокообразованного, информированного человека – это нечто ужасное! Он подобен антикварной лавке, набитой никчемным пыльным старьем, где все вещи оценены выше своей настоящей стоимости... Да-а, Бэзил, я думаю, ты пресытишься первый, вот увидишь. В один прекрасный

день ты согласишься на своего друга – и он тебе покажется уже не такой интересной моделью, тебя не устроит тон его кожи или еще что-нибудь. В душе ты станешь упрекать его и самым серьезным образом начнешь думать, что он в чем-то провинился перед тобой. А когда он придет к тебе в следующий раз после этого, ты будешь холоден и равнодушен. Мне очень жаль, что так произойдет, ибо ты и сам станешь другим. То, что ты мне сейчас рассказал, необыкновенно романтично – я бы назвал это романом на почве искусства. А самое печальное для человека, пережившего роман, – это то, что он становится таким неромантичным.

– Не говори так, Гарри. Дориан Грей всегда будет занимать особое место в моей жизни. Тебе не понять моих чувств: ты ведь так непостоянен.

– Ах, дорогой Бэзил, именно поэтому я и способен понять твои чувства. Те, кто верен в любви, знают ее лишь с банальной стороны. Драматическую же сторону узнают только те, кто в любви непостоянен.

Достав изящный серебряный портсигар, лорд Генри чиркнул спичкой и закурил сигарету с притворно скромным и в то же время самодовольным видом человека, сумевшего выразить в одной фразе всю житейскую мудрость мира.

В густой массе блестящих зеленых листьев плюща возились, чирикая, воробьи; голубые тени облаков, словно стаи несущихся наперегонки ласточек, стремительно скользили по лужайке. «Как хорошо в саду! И до чего интересны чувства людей – гораздо интереснее их мыслей! – подумал лорд Генри. – Твоя собственная душа и страсти твоих друзей – что может быть восхитительней этого?!»

Он с тихим удовольствием подумал о том, что, засидевшись у Бэзила Холлуорда, пропустил скучный завтрак у своей тетушки. Пойди он к ней, ему непременно пришлось бы встретиться с лордом Гудбоди, и весь разговор только бы и вертелся вокруг образцовых столовых да ночлежных домов, которые необходимо открыть для бедняков. Любопытно, что представители каждого общественного слоя считают наиболее важными как раз те добродетели, без которых они сами прекрасно обходятся: так, богатые проповедуют бережливость, а бездельники любят распространяться о том, как возвеличивает человека труд... Слава Богу, ему не пришлось выслушивать всего этого!

При мысли о тетушке его вдруг осенило, и он, повернувшись к Холлуорду, воскликнул:

– Послушай, Бэзил, я, кажется, вспомнил...

– О чем?

– Я вспомнил, где раньше слышал имя Дориана Грея.

– И где же? – спросил, хмурясь, Холлуорд.

– Не смотри на меня так грозно, Бэзил. Это было у моей тетушки, леди Агаты. Она мне тогда сказала, что ей удалось найти одного замечательного молодого человека по имени Дориан Грей, который взялся помогать ей в Ист-Энде⁷. Заметь, она и не заикнулась о его привлекательной внешности. Женщины – во всяком случае наиболее добродетельные из них – не придают такого уж значения мужской красоте. Тетушка сказала только, что он юноша серьезный и у него прекрасная душа, так что я тут же представил себе эдакого субъекта в очках, с прямыми зализанными волосами, веснушчатой физиономией и большущими ногами. Жаль, я тогда не знал, что он твой друг.

– И слава Богу, что не знал, Гарри.

– Это почему же?

– Я не хочу, чтобы ты с ним знакомился.

– Ты не хочешь, чтобы я с ним знакомился?!

– Да, не хочу.

– Сэр, вас ждет в студии мистер Дориан Грей, – доложил, выйдя в сад, дворецкий.

---

⁷ Ист-Энд – рабочий район Лондона к востоку от Сити

– Ну вот, теперь ты просто вынужден будешь нас познакомить! – со смехом воскликнул лорд Генри.

Художник повернулся к дворецкому, который стоял в почтительной позе, жмурясь от солнца, и сказал:

– Попросите мистера Грея подождать, Паркер: я буду сию минуту.

Дворецкий поклонился и направился по дорожке к дому. Холлуорд взглянул на лорда Генри и произнес:

– Дориан Грей – мой самый близкий друг. У него чистая, прекрасная душа: твоя тетушка в этом отношении была совершенно права. Так не вздумай же испортить его, Гарри! И не пытайся влиять на него. Твое влияние было бы губительным для него. Мир велик, в нем много разных замечательных людей. Так не отнимай же у меня единственного человека, который вдохнул в мое искусство то прекрасное, что в нем теперь есть. Мое будущее как художника полностью зависит от Дориана. Помни, Гарри, ты не должен обмануть моего доверия!

Он произносил слова очень медленно – казалось, они исторгались из него помимо его воли.

– Что за глупости ты говоришь! – с улыбкой проговорил лорд Генри и, взяв Холлуорда за руку, чуть ли не насильно повлек его к дому.

Глава II

Когда они вошли в студию, Дориан Грей сидел за пианино, спиной к ним, и перелистывал альбом с «Лесными картинками» Шумана.

– Вы должны мне дать эту вещицу на время, Бэзил, – произнес он, не оборачиваясь. – Мне хотелось бы ее разучить. Она совершенно очаровательна.

– Все зависит от того, как вы будете сегодня позировать, Дориан.

– Мне надоело позировать, и мне не нужен мой портрет в натуральную величину, – протянул капризно юноша, затем, повернувшись на сиденье, увидел лорда Генри и поспешно вскочил, порозовев от смущения. – Извините, Бэзил, я не знал, что вы не один.

– Знакомьтесь, Дориан, это лорд Генри Уоттон, мой старый приятель по Оксфорду. Я как раз говорил ему, насколько хорошо вы позируете, но вы своими словами все испортили.

– Зато не испортили мне удовольствия познакомиться с вами, мистер Грей, – сказал лорд Генри, подходя к Дориану и протягивая ему руку. – Я о вас много слышал от своей тетушки. Вы ее любимец, но в то же время, боюсь, и ее жертва.

– В данный момент я у леди Агаты в немилости, – отозвался Дориан с комичным выражением раскаяния на лице. – Я обещал съездить с ней в прошлый вторник на благотворительный концерт в один из клубов Уайтчепела⁸. Мы должны были играть в четыре руки, – кажется, целых три дуэта, – но у меня это совершенно вылетело из головы. Не знаю, что она мне теперь скажет при встрече. Даже боюсь показываться ей на глаза.

– Пустяки, я вас помирю. Тетушка Агата вас очень любит. И то, что вас не было на концерте, не так уж и важно. Публика, скорее всего, и без того подумала, что был исполнен дуэт, – ведь когда тетя Агата садится за рояль, она поднимает столько шума, что с лихвой хватает на двоих.

– Ну, это несправедливо по отношению к ней, да и меня вы не пощадили, – сказал Дориан, рассмеявшись.

Лорд Генри не отрывал от Дориана взгляда. Да, этот юноша и в самом деле поразительно красив, думал он, любуясь его ясными голубыми глазами, золотистыми кудрями, изящным рисунком алых губ. В его лице было нечто такое, что сразу внушало доверие. В нем чувствовалась искренность и чистота юности, ее целомудренная пылкость. Было очевидно, что жизнь еще не запятнала этой молодой души. Ничего удивительного, что Бэзил Холлуорд боготворит Дориана.

– Разве позволительно такому человеку, как вы, заниматься благотворительной деятельностью? Нет, мистер Грей, вы для этого слишком очаровательны, – проговорил лорд Генри и, усевшись на диван, достал портсигар.

Художник тем временем приготовил кисти и принялся смешивать краски на палитре. Он хмурился и выглядел явно встревоженным, а когда услышал последние слова лорда Генри, обращенные к Дориану, бросил на него быстрый взгляд и после некоторого колебания произнес:

– Гарри, мне хотелось бы сегодня закончить портрет. Тебе не покажется слишком грубым с моей стороны, если я попрошу тебя уйти?

Лорд Генри с улыбкой взглянул на Дориана:

– Мне лучше уйти, мистер Грей?

– Прошу вас, лорд Генри, не уходите! Сегодня Бэзил, кажется, не в духе, а я ужасно не люблю оставаться с ним наедине, когда он в таком настроении. К тому же мне бы хотелось, чтобы вы объяснили, почему я не должен заниматься благотворительной деятельностью.

---

⁸ Уайтчепел – беднейший район Ист-Энда.

– Уж не знаю, стоит ли начинать об этом разговор, мистер Грей. Это настолько скучный предмет, что мне пришлось бы говорить слишком серьезно. Но коль вы просите меня остаться, я, разумеется, не уйду. Надеюсь, ты не возражаешь, Бэзил? Ведь ты мне сам не раз говорил, что любишь, когда кто-нибудь отвлекает разговором тех, кто тебе позирует.

Холлуорд закусил губу.

– Что ж, оставайся, раз Дориан этого хочет. Его прихоти – закон для кого угодно, кроме него самого.

Лорд Генри протянул руку за шляпой и перчатками.

– Трудно не уступить твоим настойчивым уговорам остаться, Бэзил, но, к сожалению, я должен идти. Мне нужно встретиться с одним человеком в «Орлеане». До свидания, мистер Грей. Навестите меня как-нибудь на Керзон-стрит. В пять часов я почти всегда бываю дома. Но когда соберетесь ко мне, все же заранее предупредите запиской: было бы очень жаль, если б мы разминулись.

– Бэзил, – воскликнул Дориан Грей, – если лорд Генри Уоттон уйдет, я тоже уйду! От вас, пока вы работаете, и слова не услышишь. Мне ужасно скучно стоять на подиуме с неизменно радостным выражением на лице. Попросите его остаться. Я настаиваю на этом.

– В самом деле, Гарри, оставайся. И Дориану будет приятно, и меня ты этим обяжешь, – проговорил Холлуорд, не отводя от картины сосредоточенного взгляда. – Я действительно никогда не разговариваю и не слушаю, что мне говорят, когда пишу, так что мои бедные натурщики, должно быть, невыносимо скучают. Прошу тебя, не уходи.

– А как же человек, с которым я встречаюсь в «Орлеане»?

Художник усмехнулся:

– Думаю, у тебя не будет с этим проблем. Так что присаживайся, Гарри. Ну а вы, Дориан, становитесь на подиум и старайтесь поменьше двигаться. Только, ради Бога, не обращайтесь внимания на то, что будет говорить лорд Генри: он оказывает в высшей мере дурное влияние на всех своих друзей, за исключением, разумеется, меня одного.

Дориан Грей с видом юного эллинского мученика взошел на помост и, переглянувшись с лордом Генри, сразу же очаровавшим его, соорудил недовольную *моуе*⁹. До чего же этот молодой аристократ не похож на Бэзила! Какой между ними контраст! И что за чудесный голос у лорда Генри! Не дав паузе затянуться, Дориан спросил:

– Лорд Генри, вы и в самом деле так дурно влияете на людей? Бэзил не преувеличивает?

– А хорошего влияния вообще не бывает, мистер Грей. Любое влияние безнравственно – безнравственно чисто с научной точки зрения.

– Но почему?

– Потому что оказать влияние на другого – значит вложить в него свою душу. И тогда человек начинает думать чужой головой, жить чужими страстями. Добродетели у него уже не свои, да и грехи – если вообще существует такое понятие – он заимствует у другого. Он становится перепевом чужой мелодии, актером, исполняющим роль, не для него предназначенную. Ведь главная цель жизни – самовыражение. Проявить во всей полноте свою сущность – вот для чего мы являемся на свет. Между тем люди в наше время стали бояться самих себя. Они забыли о своем высшем долге – долге перед собой. О да, они проявляют милосердие к своим ближним, они оденут нищего и накормят голодного. Но их собственные души обнажены и нуждаются в пище. Мы утратили мужество. А может быть, у нас его никогда и не было. Боязнь общественного мнения (а на этом зиждется наша мораль) и страх перед Богом (в этом сущность нашей религии) – вот те две силы, что движут нами. И все же...

---

⁹ Моуе – гримаса (*фр.*).

– Будьте добры, Дориан, поверните голову чуть-чуть вправо, – проговорил художник, настолько поглощенный своей работой, что его сознание отметило лишь одно – на лице юноши появилось выражение, какого он до сих пор никогда не видел.

– И все же, – низким, мелодичным голосом продолжал лорд Генри, сопровождая свои слова плавными, грациозными жестами (эта особенность была свойственна ему всю жизнь – еще с тех пор, как он учился в Итоне), – все же я убежден, что, если бы каждый из нас жил по-настоящему полной жизнью, давая выход всем своим чувствам, не стесняясь выражать все свои мысли и доводя до реального воплощения все свои мечты, – человечество снова узнало бы, что такое радость бытия, была бы забыта мрачная эпоха Средневековья, и мы вернулись бы к идеалам эллинизма, а, быть может, и к чему-то еще более прекрасному и совершенному. Но нынче даже самые смелые из нас не отваживаются быть самими собой. Самоотречение, этот трагический пережиток, дошедший до нас с тех давних времен, когда первобытные люди занимались членовредительством, всем нам порядочно омрачает жизнь. И мы постоянно расплачиваемся за то, что отказываем себе столь во многом. Всякое желание, которое мы стараемся подавить, продолжает жить в глубине наших душ и отравляет нас. Только согрешив, можно избавиться от соблазна совершить грех, ибо осуществление желания – это путь к очищению. После этого остаются лишь воспоминания о полученном удовольствии или же сладостное раскаяние. Единственный способ избавиться от искушения – поддаться ему. А если пытаться ему противиться, то душа истомится желанием изведать то, на что она же сама и наложила запрет, тем самым отнеся это и подобные ему желания к чему-то чудовищному и преступному. Какой-то мудрец сказал, что величайшие мировые события происходят прежде всего в голове человека. Я только могу добавить, что величайшие прегрешения также совершаются главным образом в голове у людей. Да ведь и вы, мистер Грей, – вы сами в пору розовой юности и даже раньше, в годы зеленого отрочества, были подвластны страстям, порождавшим в вас страх, вас одолевали мысли и побуждения, повергавшие вас в трепет, а по ночам преследовали сны, одно воспоминание о которых до сих пор заставляет вас краснеть от стыда...

– Погодите! – умоляющим голосом воскликнул Дориан Грей. – Прошу вас, остановитесь! Вы меня совсем сбили с толку, и мне трудно вам что-нибудь возразить. Но я чувствую: в ваших рассуждениях что-то не так – только вот что, я не знаю. А сейчас – не говорите мне ничего больше. Дайте мне время подумать. Или, вернее, дайте мне возможность не думать об этом.

Минут десять Дориан стоял неподвижно, с полуоткрытым ртом и странным блеском в глазах. Он смутно сознавал, что под влиянием только что услышанного в нем пробуждаются какие-то совершенно новые мысли и чувства, но в то же время ему казалось, что они зародились в нем независимо ни от кого. Сказанные другом Бэзила слова, – а он, несомненно, произнес их просто так, между прочим, придав им ради пушей эффектности парадоксальную форму, – задели в Дориане тайную струнку, которой до этого никто не касался, и у него было ощущение, словно она туго натянулась и как-то странно, толчками, вибрирует.

Подобным образом его могла волновать только музыка, всегда будившая в нем смутное беспокойство. Но музыка – это ведь не членораздельная речь. Музыка не созидает в нас новых миров, она лишь создает новый хаос. А тут ведь прозвучали слова! Ах, слова, слова, безобидные слова – до чего же они на самом деле чудовищны! До чего конкретны, откровенны и жестоки! От них никуда не денешься. И вместе с тем – какая в них неуловимая магия! Они обладают удивительной способностью придавать пластичную форму вещам абсолютно бесформенным, в них есть своя музыка, столь же сладостная, как музыка виолы или лютни. Всего лишь слова! Но разве есть на свете что-нибудь реальнее и весомее слов?

Конечно, в ранней юности Дориан не понимал очень многих вещей. Но теперь, когда они перестали быть для него загадкой, жизнь вдруг засверкала перед ним ослепительно

яркими красками. Ему стало казаться, что он идет среди огненных языков бушующего пламени. И как он этого не замечал до сих пор?

Лорд Генри наблюдал за ним с едва заметной, чуть иронической улыбкой. Он знал, что сейчас лучше всего помолчать. Дориан живо заинтересовал его, и то впечатление, какое произвели на юношу сказанные им слова, немало его удивило. Ему вспомнилась одна книга, прочитанная им лет в шестнадцать и открывшая ему много такого, чего он раньше не знал, – так, может быть, с Дорианом Греем происходит нечто подобное? Неужели стрела, пущенная им наугад, угодила в цель? До чего же все-таки очарователен этот юноша!

Холлуорд между тем увлеченно работал, кладя мазки в характерной для него и восхищавшей столь многих напористой манере, но в то же время с тем изяществом и изысканной утонченностью, которые всегда являлись – по крайней мере в искусстве – принадлежностью подлинного таланта. Он совершенно не замечал затянувшегося молчания.

– Бэзил, я больше не в силах стоять! – воскликнул вдруг Дориан. – Я хочу выйти в сад и посидеть на свежем воздухе. Здесь просто невозможно дышать.

– Простите меня, мой друг! Когда я работаю, я обо всем забываю. А вы, между прочим, сегодня позируете как никогда хорошо – почти ни разу не шевельнулись. Мне наконец удалось поймать то выражение, которое я так долго искал: эти полураскрытые губы и этот блеск в глазах. Не знаю, что вам такого наговорил Гарри, но ему каким-то чудом удалось вызвать на вашем лице это замечательное выражение. Небось, делал вам комплименты? Но вы не должны верить ни единому его слову.

– Нет, никаких комплиментов лорд Генри мне не делал. Возможно, именно поэтому я не поверил ничему из того, что он говорил.

– Вы ведь отлично знаете, что поверили всему мною сказанному, – проговорил лорд Генри, глядя на Дориана своими томными, мечтательными глазами. – Пожалуй, я тоже выйду в сад, в студии невыносимо жарко. Бэзил, пусть нам вынесут туда попить – что-нибудь охлажденное, со льдом, и желательно, чтобы там плавало по клубничке.

– Хорошо, Гарри. Нажми-ка на звонок рядом с собой, и, когда придет Паркер, я ему все это закажу. К вам я присоединюсь попозже, мне еще нужно немного подработать фон. Только не слишком задерживай Дориана. Мне сегодня на редкость хорошо пишется. Портрет этот обещает стать моим шедевром. Да и сейчас он уже почти шедевр.

Выйдя в сад, лорд Генри нашел Дориана возле куста сирени: зарывшись лицом в прохладную массу цветов, юноша упивался их ароматом, словно это было изысканное вино. Лорд Генри подошел к Дориану и положил ему на плечо руку.

– Вот это правильно, – негромко произнес он. – Исцелить душу можно лишь с помощью ощущений, а ощущения – лишь с помощью души.

Юноша вздрогнул от неожиданности и отступил от куста. Ветки и листья сирени растрепали непокорные кудри на его непокрытой голове, спутали золотистые пряди волос. В его глазах был виден испуг, как у некоторых людей, когда их внезапно разбудят. Тонко очерченные ноздри трепетали, а ярко-красные губы нервно подергивались.

– Да, – продолжал лорд Генри, – в этом и состоит один из величайших секретов жизни: исцелять душу посредством чувств, а чувства – посредством души. Вы личность необыкновенная, мистер Грей. Вы знаете больше, чем вам представляется, но меньше, чем вам хотелось бы знать.

Дориан Грей нахмурился и отвел взгляд в сторону. Он ничего не мог с собою поделать, но его очень привлекал этот высокий, элегантный молодой человек. Смуглое, романтическое лицо лорда Генри, выражение вселенской усталости в его глазах вызывали безотчетный интерес Дориана, его завораживал низкий, томно звучащий голос молодого лорда. Даже руки нового его знакомого – прохладные, белые, нежные, как цветы, – таили в себе стран-

ное очарование. Когда лорд Генри говорил, они грациозно двигались, словно под музыку, и казалось, что у них есть свой, особый, только им понятный язык.

В то же время Дориан испытывал перед лордом Генри какой-то безотчетный страх, хотя и стыдился себе в этом признаться. Каким чудом этому незнакомцу удалось открыть перед ним, Дорианом, его собственную душу? Бэзила Холлуорда он знает несколько месяцев, но дружба с художником ни в малейшей степени не изменила его. И вдруг появляется человек, которого он никогда раньше не видел, и открывает перед ним самые сокровенные тайны жизни. Чем же в таком случае вызван этот необъяснимый страх? Он ведь не школьник и не наивная девушка, и бояться этого человека нет у него никаких оснований.

– Пойдемте присядем где-нибудь в тени, – сказал лорд Генри. – Я вижу, Паркер уже несет нам напитки. Если вы и дальше будете оставаться на солнышке, ваша внешность будет непоправимо испорчена, и Бэзил никогда не станет вас больше писать. Вы не должны допускать, чтобы ваше лицо покрывалось загаром. С загаром вы будете выглядеть намного хуже.

– Не велика важность! – засмеялся Дориан Грей, садясь на скамью в дальнем углу сада.

– Для вас это должно быть более чем важно, мистер Грей.

– Почему?

– Потому что вы обладаете чудесным даром молодости, а молодость – единственное богатство, которое стоит беречь.

– Я не считаю это таким уж богатством, лорд Генри.

– Это сейчас вам так кажется. Но однажды, когда вы превратитесь в безобразного старика, когда от передуманных дум ваш лоб избороздится морщинами, а страсти своим губительным огнем иссушат вам губы, – вот тогда вы поймете, какого богатства лишились. Сейчас, где бы вы ни появились, вы всех очаровываете. Но будет ли это длиться бесконечно?.. У вас удивительно красивое лицо, мистер Грей. Не хмурьтесь, это действительно так. А Красота – одна из форм Гениальности, она даже выше Гениальности, ибо не требует, чтобы ее объясняли. Она – одно из великих явлений природы, подобно солнечному свету, приходу весны или отражению в темной воде этой серебряной раковины, которую мы называем луной. Красота не может подвергаться сомнению. Она обладает священным правом на абсолютную власть, и те, кто наделен ею, сами становятся властелинами. Вы улыбаетесь? О, когда вы ее утратите, вы не будете улыбаться... Люди иногда говорят, что Красота слишком поверхностна. Может быть. Но она, по крайней мере, не столь поверхностна, как Мысль. Для меня Красота – величайшее чудо. Только неглубокие люди не судят обо всем по внешнему виду. Подлинная тайна мира заключается в том, что мы видим, а не в том, что сокрыто от наших глаз... Да, мистер Грей, боги пока что были к вам милостивы. Но то, что дается богами, ими же вскоре и отбирается. У вас остается лишь несколько лет, чтобы жить настоящей, прекрасной, полнокровной жизнью. Когда пройдет ваша молодость, а вместе с нею и красота, вы вдруг обнаружите, что время триумфов и побед для вас миновало, и вам придется довольствоваться победами столь жалкими, что они вам покажутся горше былых поражений. Каждый уходящий месяц приближает вас к этому ужасному будущему. Время завидует вам и ведет нещадную войну с вашими лилиями и розами. Ваше лицо пожелтеет, щеки впадут, глаза потускнеют. Вы будете ужасно страдать... Так пользуйтесь же вашей молодостью, пока она не ушла. Не растрачивайте попусту золото ваших дней, выслушивая болтливых людей, стараясь выйти из безвыходных положений или проводя время с невеждами, глупцами и ничтожествами. А именно в этом многие усматривают цель своей жизни, именно таковы идеалы нашего времени. Живите! Живите той удивительной жизнью, которая заключена внутри вас. Пусть ничто не проходит мимо вас! Никогда не уставайте искать новых ощущений! И никогда ничего не бойтесь!.. Новый гедонизм – вот что нужно нашему веку. И вы можете быть его зримым символом. Для вас, с вашей внешностью, нет ничего

невозможного. Пока вы молоды, вам принадлежит весь мир... Как только я увидел вас, я сразу понял, что вы не знаете себе цену и не представляете, кем можете стать. Меня пленило в вас столь многое, что я сразу почувствовал – я должен помочь вам познать самого себя. Я подумал, что было бы настоящей трагедией, если бы ваша жизнь была истрачена зря. Ведь молодость ваша продлится такое короткое время! Полевые цветы каждой осенью увядают, чтобы весной распуститься вновь. Ракитник в июне каждого года становится таким же золотистым, каким вы его видите в эту минуту. Через месяц пурпурными звездами расцветет ломонос, и каждый год в темно-зеленой ночи его листьев все так же будут загораться пурпурные звезды. Но к нам, людям, молодость не возвращается никогда. Пульс радости, что бьется в нас в двадцать лет, с ходом времени угасает. Наше тело дряхлеет, притупляются наши чувства. Мы становимся похожими на безобразных марионеток и живем воспоминаниями о страстях, которые нас когда-то пугали, да о соблазнах, которым мы не отваживались уступить. Ах, молодость, молодость! Что может сравниться с молодостью!

Дориан Грей слушал лорда Генри с жадным вниманием, не отрывая от него широко раскрытых глаз. Из его руки выскользнула и упала на гравий веточка сирени. Откуда ни возьмись появилась мохнатая пчела и с громким жужжанием принялась кружиться над оброченной веткой. Затем села на звездчатую пирамиду кисти и стала неуклюже переползать с одного крошечного цветка на другой. Дориан наблюдал за ней с тем пристальным вниманием, какое вызывают у нас мелочи в тех случаях, когда мы бессознательно пытаемся отвлечься от пугающих нас важных проблем, или когда нас волнует какое-то новое, безотчетное чувство, или же когда тревожная мысль осаждает наш мозг и не дает думать ни о чем другом. Через некоторое время пчела полетела дальше. Дориан, проводив ее взглядом, увидел, что она опустилась на светло-розовый цветок выюнка и скрылась в глубине его распуска. Цветок дрогнул и легонько закачался на тонком стебле.

Внезапно в дверях студии появился Холлуорд и энергичными жестами стал звать лорда Генри и Дориана в дом. Молодые люди взглянули друг на друга и улыбнулись.

– Сколько вас можно ждать? – кричал им художник. – Прошу вас, поторопитесь! Нельзя терять ни минуты – освещение сейчас просто идеальное. А напитки свои можете допить и здесь.

Они поднялись и не спеша направились по дорожке к дому. Мимо них пролетели две бело-зеленые бабочки, на груше в другом конце сада запел дрозд.

– Вы ведь не жалеете, что познакомились со мной, мистер Грей? – спросил лорд Генри, взглянув на Дориана.

– Нет, сейчас я этому даже рад. Но я не уверен, всегда ли так будет.

– Всегда?! Ах, до чего ужасное слово! Меня всякий раз передергивает, когда я слышу его. Зато его обожают женщины. Они могут испортить даже самый пылкий роман, пытаясь продлить его навсегда. К тому же это слово лишено всякого смысла. Единственная разница между увлечением и любовью «навсегда» заключается в том, что увлечение длится дольше.

Они уже были на пороге студии, как вдруг Дориан Грей коснулся руки лорда Генри и тихо проговорил, зардевшись от собственной смелости:

– В таком случае пусть наша дружба будет увлечением.

Затем он прошел в комнату, поднялся на подиум и принял нужную позу.

Лорд Генри, опустившись в широкое плетеное кресло, молча смотрел на Дориана. Тишину нарушали только стремительные, размашистые удары кисти по полотну, прекращавшиеся лишь тогда, когда Холлуорд отходил от мольберта, чтобы с расстояния взглянуть на свою работу. В косых лучах солнечного света, проникавшего в студию через открытую дверь, плясали золотые пылинки. В воздухе стоял густой аромат роз.

Где-то через четверть часа Холлуорд опустил свою длинную кисть и, отступив от полотна, долго смотрел сначала на Дориана Грея, затем на портрет, хмурясь и покусывая кончик кисти.

– Пожалуй, на этом закончим! – проговорил он наконец и, нагнувшись, вывел продолговатыми ярко-красными буквами свое имя в левом углу картины.

Лорд Генри встал и прошел в другой конец комнаты, чтобы рассмотреть портрет с близкого расстояния. Несомненно, это было замечательное произведение искусства. К тому же художнику удалось добиться поразительного сходства.

– Мой дорогой друг, искренне поздравляю тебя! – воскликнул лорд Генри. – Я уверен, что это самый прекрасный портрет из созданных в наше время. Мистер Грей, идите сюда и взгляните на себя.

Юноша встрепенулся, словно пробудившись от сна.

– Неужели портрет закончен? – пробормотал он, сходя с подиума.

– Полностью закончен, – ответил художник. – И вы сегодня великолепно позировали. Я вам очень за это признателен.

– Это благодаря мне, – улыбнулся лорд Генри. – Не правда ли, мистер Грей?

Дориан, ничего не произнося в ответ, с каким-то отрешенным видом подошел к картине и повернулся к ней лицом. Увидев свое изображение, он от неожиданности отпрянул назад, и лицо его вспыхнуло от удовольствия. Глаза его радостно засветились, как если бы он впервые узнал себя в смотрящем на него с полотна юноше. Он стоял не двигаясь, словно замороженный, смутно слыша, что к нему обращается Холлуорд, но не улавливая смысла слов. Осознание собственной красоты явилось для него ошеломляющей неожиданностью. Он никогда раньше не придавал большого значения своей внешности, а комплименты Бэзила Холлуорда принимал за проявление дружеского расположения. Он выслушивал их, смеялся над ними и забывал о них. Они никак не влияли на его характер. Но вот появился лорд Генри Уоттон с его восторженным гимном молодости и предостережением о ее быстротечности, и это произвело на Дориана такое огромное впечатление, что сейчас, глядя на отражение в портрете своей красоты, он вдруг с пугающей ясностью представил себе то будущее, о котором говорил лорд Генри. Ведь в самом деле наступит тот день, когда лицо его высохнет и сморщится, глаза потускнеют и выцветут, фигура утратит стройность и станет безобразной. Алый цвет сойдет с его губ, а золото с волос. Годы, формируя его душу, будут разрушать его тело. Оно станет беспомощно неуклюжим и отталкивающе отвратительным.

Его пронзила острая боль, словно от удара ножом. По обмятому ужасом телу прошла мелкая дрожь. Глаза его потемнели, став лиловыми, как аметист, и затуманились слезами. Ему стало казаться, будто его сердце сдавливает ледяная рука.

– Разве портрет вам не нравится? – воскликнул наконец Холлуорд, чувствуя себя задетым молчанием Дориана и не понимая, что оно означает.

– Ну конечно, он ему нравится, – ответил за него лорд Генри. – Кому он может не понравиться? Это настоящее событие в современном искусстве. Я готов отдать за него любую сумму, какую ты ни запросишь. Он непременно должен стать моим.

– Я не могу его продать, Гарри. Он принадлежит не мне.

– Кому же, в таком случае?

– Естественно, Дориану, – ответил художник.

– Счастливцев!

– Как это грустно! – пробормотал Дориан Грей, все еще не отводя глаз от портрета. – Как печально! Я превращусь в уродливого, безобразного старика, а мой портрет навсегда останется молодым. Он никогда не станет старше, чем сегодня, в этот июньский день... Ах, если бы все было наоборот! Если бы я всегда оставался молодым, а старился портрет! За

это... за это я отдал бы все на свете! Ничего бы не пожалел! Я готов был бы душу отдать за это!

– Тебя, Бэзил, вряд ли устроил бы такой поворот! – воскликнул лорд Генри со смехом. – Твое произведение ждал бы весьма печальный удел!

– Да, Гарри, мне бы это мало понравилось, – отозвался Холлуорд.

Дориан Грей повернулся к нему и сказал:

– Я в этом не сомневаюсь, Бэзил. Для вас искусство важнее ваших друзей. Какая-нибудь позеленевшая от времени бронзовая статуэтка значит для вас больше, чем я.

Художник смотрел на него с изумлением. Дориан никогда не разговаривал с ним подобным образом. Что это на него вдруг нашло? Он казался разгневанным, лицо его покраснело, на щеках выступили красные пятна.

– Да, – продолжал Дориан. – Что я для вас по сравнению с этим вашим Гермесом из слоновой кости или серебряным фавном?! Они всегда будут вам дороги, а вот как долго буду вам интересен я? До того момента, как на моем лице появится первая морщина, не правда ли? Я теперь понимаю – когда человек теряет свою красоту, он теряет все. Меня научила этому ваша картина. Лорд Генри тысячу раз прав: молодость – единственная ценность в жизни. Когда я замечу, что начинаю стареть, я покончу с собой.

Холлуорд побледнел и схватил его за руку:

– Дориан, Дориан, что вы такое говорите! У меня не было и никогда больше не будет второго такого друга, как вы. Вы же не можете завидовать каким-то неодушевленным предметам – вы, который намного прекрасней их всех!

– Я завидую всему, чья красота бессмертна. Завидую этому портрету, который вы с меня написали. Почему на нем должно сохраниться то, что мне суждено потерять? Каждое уходящее мгновение будет что-то у меня отнимать и тут же отдавать ему. Ах, если бы могло быть наоборот! Если бы портрет изменялся, а я всегда оставался таким, как сейчас! И зачем вы его только написали? Когда-нибудь он начнет надо мной смеяться и безжалостно дразнить меня!

На глазах Дориана навернулись горячие слезы, он высвободил свою руку и, бросившись на диван, зарылся лицом в подушки и затих, словно молясь.

– Это твоя работа, Гарри! – с горечью произнес художник.

Лорд Генри пожал плечами:

– Ты увидел настоящего Дориана Грея, вот и все.

– Нет, дело не в этом.

– Если даже и не в этом, то все равно я тут ни при чем.

– Ты должен был уйти сразу же, как я тебя попросил.

– Но я не ушел именно потому, что ты меня попросил остаться, – возразил лорд Генри.

– Гарри, мне не хочется ссориться сразу с двумя моими лучшими друзьями, но вы оба заставили меня возненавидеть мое лучшее произведение, и мне ничего другого не остается, как уничтожить его. В конце концов, это всего лишь кусок холста с нанесенными на него красками – вот и все. И я не могу допустить, чтобы из-за такой чепухи между нами трем испортились отношения.

Дориан Грей поднял с подушки золотую голову – лицо у него было бледное, глаза заплаканные – и стал следить за тем, что делает художник. А тот направился к своему рабочему столику из сосновых досок, стоящему у высокого, занавешенного окна, и стал там что-то искать. Что, интересно? Пошарив среди беспорядочно наваленных на столе тюбиков с красками и кистей, Холлуорд нашел длинный шпатель с тонким и гибким стальным лезвием. Неужели он действительно собирается уничтожить портрет?!

Судорожно всхлипнув, юноша вскочил с дивана, подбежал к Холлуорду и, выхватив у него шпатель, швырнул его в дальний угол студии.

– Не смейте этого делать, Бэзил! Не смейте! – крикнул он. – Это все равно что совершить убийство!

– Я рад, Дориан, что вы наконец оценили мое произведение, – холодно произнес художник, когда опомнился от удивления. – Признаться, я на это уже не надеялся.

– Оценил?! Да я влюблен в этот портрет, Бэзил! Он как бы частичка меня самого. Я это чувствую всей душой.

– Ну и отлично. Как только вы подсохнете, вас покроют лаком, вставят в раму и отправят к вам домой.

А там можете делать с собой все, что вам заблагорассудится.

Пройдя в другой конец комнаты, Холлуорд позвонил, чтобы принесли чай.

– Надеюсь, Дориан, вы не откажетесь от чашечки чая? И ты, Гарри, тоже? Или ты не охотник до таких простых удовольствий?

– Я обожаю простые удовольствия, – ответил лорд Генри. – Они последнее прибежище для непростых натур. Но драматических сцен я терпеть не могу и признаю их только на театральных подмостках. До чего же вы оба странные люди! Интересно, кому это взбрело в голову назвать человека животным, наделенным разумом? В высшей степени беспочвенное утверждение. Человек наделен чем угодно, но только не разумом. И я, в сущности, рад, что это так, но зачем же было устраивать такую возню из-за портрета? Ты бы лучше отдал его мне, Бэзил! Этому глупому мальчику он вовсе не нужен, а я был бы счастлив его иметь.

– Если вы отдадите его кому-то другому, Бэзил, я вам никогда этого не прощу! – воскликнул Дориан Грей. – И я никому не позволю называть себя «глупым мальчиком».

– Вы же знаете, Дориан, что картина по праву ваша. Я подарил ее вам еще до того, как начал писать.

– И вы так же прекрасно знаете, что вели себя довольно глупо, мистер Грей, – сказал лорд Генри, – и что вы на самом деле вовсе не против, чтобы вам иногда напоминали, насколько вы еще молоды, разве не так?

– Уверяю вас, утром я был бы против, лорд Генри.

– Ах, утром! С утра много чего изменилось.

В дверь постучали. Вошел дворецкий с чайным подносом и поставил его на маленький японский столик. Звякнули чашки и блюдца. Из большого старинного чайника вырывались, шипя, клубы пара. Затем мальчик-слуга внес два фарфоровых блюда с крышками в форме полушарий. Дориан Грей подошел к столу и стал разливать чай. Бэзил и лорд Генри не спеша последовали за ним и, приподняв крышки, взглянули, что там на блюдах.

– Давайте сходим в театр, – предложил лорд Генри. – Надеюсь, в городе идет хоть что-то приличное. Я, правда, договорился вечером с одним человеком пообедать в «Уайтсе»¹⁰, но он мой давний приятель, так что можно послать ему телеграмму с сообщением, что я заболел или что мне не позволяет с ним встретиться более поздняя договоренность. Пожалуй, вторая отговорка звучит даже лучше: она поражает своей прямолинейной откровенностью.

– Терпеть не могу напяливать на себя фрак! – буркнул Холлуорд. – Человек во фраке выглядит совершенно нелепо.

– Это верно, – томно отозвался лорд Генри. – Нынешняя одежда безобразна, она угнетает своей прозаичностью и мрачностью. В нашей жизни не осталось ничего красочного, кроме порока.

– Право, Гарри, не стоит говорить такое при Дориане!

– При котором из них? При том, что наливает нам чай, или при том, что взирает на нас с портрета?

– При обоих.

---

¹⁰ «Уайтс» – старейший лондонский клуб консерваторов

– Я бы очень хотел пойти с вами в театр, лорд Генри, – промолвил юноша.

– Так в чем же дело? Я вас приглашаю. И тебя тоже, Бэзил.

– Нет, право, я не могу. И, честно говоря, не хочу. У меня много работы.

– Значит, нам с вами придется идти вдвоем, мистер Грей.

– Если б вы знали, как я этому рад!

Художник закусил губу и с чашкой в руке подошел к портрету.

– А я остаюсь с подлинным Дорианом, – проговорил он грустно.

– Вы считаете, это – подлинный Дориан? – спросил оригинал портрета, приблизившись к Холлуорду. – Неужели я и в самом деле такой?

– Да, в точности такой.

– Но это же замечательно, Бэзил!

– Во всяком случае, что касается внешности, портрет верен оригиналу. И на нем вы наверняка не изменитесь, – вздохнул Холлуорд. – А это уже кое-что.

– До чего же люди носятся с этой верностью! – воскликнул лорд Генри. – Но ведь даже когда речь идет о любви, верность можно считать вопросом чисто физиологическим, ничуть не зависящим от нашей воли. Молодые люди хотели бы сохранять верность, но не могут, старики хотели бы ее нарушать, но тоже не могут. Вот и все, что можно сказать на этот счет.

– Дориан, не ходите сегодня в театр, – сказал Холлуорд. – Оставайтесь у меня, мы пообедаем вместе.

– Не могу, Бэзил.

– Почему, Дориан?

– Потому что я дал обещание лорду Генри Уоттону пойти вместе с ним в театр.

– Не думайте, что он станет к вам относиться лучше лишь потому, что вы не будете нарушать своих обещаний. Сам он никогда не выполняет своих обещаний. Я вас очень прошу, не уходите.

Дориан засмеялся и покачал головой.

– Умоляю вас!

Юноша некоторое время колебался, затем, взглянув на лорда Генри, который сидел за чайным столиком в другом конце студии, с иронической улыбкой наблюдая за ними, твердо произнес:

– Нет, Бэзил, я должен идти.

– Что ж, как знаете, – вздохнул Холлуорд и, подойдя к столику, поставил на поднос чашку. – В таком случае не теряйте времени: уже довольно поздно, а вам еще надо переодеться. До свидания, Гарри. До свидания, Дориан. Жду вас у себя в ближайшее время – скажем, завтра. Придете?

– Непременно.

– Не забудете?

– Ну конечно, нет! – воскликнул Дориан.

– Кстати, Гарри!

– Да, Бэзил?

– Не забывай, о чем я просил тебя утром в саду!

– А я уже и забыл.

– Смотри же, я тебе доверяю!

– Хотел бы я сам себе доверять! – рассмеялся лорд Генри. – Пойдемте, мистер Грей, мой кабриолет ждет у ворот, и я могу довести вас домой. До свидания, Бэзил. Я провел у тебя замечательно интересный день.

Когда за ними закрылась дверь, художник бросился на диван и на лице его отразилась испытываемая им душевная боль.

Глава III

На другой день, в половине первого, лорд Генри Уоттон, выйдя из своего дома на Керзон-стрит, направился в сторону Олбани¹¹, чтобы навестить своего дядюшку, лорда Фермора, добродушного, хотя и не отличавшегося изысканными манерами старого холостяка, которого многие считали эгоистом, ибо из него трудно было вытянуть лишнее пенни, но в свете слывшего за щедрого человека, поскольку он не скупясь угощал обедами всех, кто казался ему забавным. Отец лорда Фермора служил нашим послом в Мадриде еще в те времена, когда Изабелла¹² была совсем молодой, а о Приме¹³ и слыхом не слыхивали, но рано покинул дипломатическую службу, погорячившись из-за того, что не был назначен послом в Париж, хотя считал себя как нельзя более подходящей на это место кандидатурой в силу своего происхождения, своей неодолимой склонности к праздности, прекрасного слога своих дипломатических депеш и своего неумеренного пристрастия к наслаждениям. Сынок дипломата, состоявший при папаше секретарем, подал в отставку вместе со своим родителем, что многие восприняли как сумасбродство, а несколько месяцев спустя, унаследовав титул, всерьез принялся осваивать великое аристократическое искусство абсолютного ничегонеделания. У него было два больших дома в Лондоне, но он предпочитал снимать меблированную квартиру, находя это менее для себя хлопотливым, а ел большей частью в своем клубе. Владея угольными копиями в центральных графствах Англии, лорд Фермор снисходил порой до участия в их управлении, оправдывая это неожиданное для него проявление духа предпринимательства тем, что, добывая уголь, он может себе позволить, как это приличествует настоящему джентльмену, топить свой камин дровами. По политическим взглядам он был консерватор, за исключением тех периодов, когда консерваторы стояли у власти, в каких случаях он нещадно их поносил, называя шайкой радикалов. Хозяева, как известно, не бывают героями в глазах своих слуг, но лорд Фермор пользовался уважением своего камердинера, что не мешало тому как угодно помыкать им, зато был грозой в глазах своих родственников, которыми, в свою очередь, помыкал. Такой человек, как он, мог родиться только в Англии; тем не менее он не устал повторять, что Англия катится в пропасть. Его жизненные принципы давно устарели, зато его предрассудки были вполне современны.

Когда лорд Генри вошел в комнату, его дядя, облаченный в охотничью куртку простого покроя, сидел в кресле, курил сигару и читал «Таймс», то и дело что-то бурча себе под нос.

– Хотел бы я знать, Гарри, – произнес старый джентльмен, – что могло заставить тебя прийти ко мне в столь ранний час? Я считал, что вы, денди, никогда не встаете раньше двух и не появляетесь в обществе раньше пяти.

– Уверяю вас, дядюшка Джордж, я пришел к вам чисто из родственных чувств. Иначе говоря, мне кое-что от вас нужно.

– Надеюсь, не денег? – подозрительно осведомился лорд Фермор. – Ну, хорошо, садись и выкладывай, в чем там дело. Нынешние молодые люди воображают, будто деньги решают все.

– Вы правы, – пробормотал лорд Генри, поправляя бутонарку в петлице. – И по мере того как они становятся старше, они убеждаются в этом все больше. Но мне не нужны

---

¹¹ Олбани – фешенебельный многоквартирный жилой дом на улице Пиккадилли в Лондоне, построенный в 1770 году и названный так по имени герцога Олбани, который занимал его с 1791 года; с 1803 года дом стал сдаваться отдельными квартирами; в нем жили такие известные личности, как Байрон, Гладстон и другие.

¹² Изабелла – испанская королева Изабелла II (1830-1904), правившая с 1833 года; в 1868 году в результате революции была свергнута с престола.

¹³ Хуан Прим – испанский политический деятель (1814-1870), несколько раз пытавшийся поднять восстание против Изабеллы II; после революции, с 1869 по 1870 г., был премьер-министром Испании.

деньги, дядя Джордж, – они нужны только тем, кто платит по счетам, а я не привык этого делать. Кредит – вот единственный капитал младших сыновей, и на него можно жить припеваючи. К тому же я беру все, что мне нужно, в магазинах моего приятеля Дартмура, а там мне никогда не докучают счетами. Ну а к вам я пришел за информацией, причем не полезной, а бесполезной.

– Что ж, я могу сообщить тебе все, что имеется в английских Синих книгах¹⁴, хотя нынче там печатают всякую ерунду. В те времена, когда я был дипломатом, это делали гораздо лучше. Но теперь, говорят, дипломатов берут на службу только после экзаменов. Так чего же от них ожидать? Экзамены, сэр, – это полнейшая чепуха, с начала и до конца. Настоящие джентльмены и так знают вполне достаточно, а всем остальным знания только во вред.

– Но мистер Дориан Грей не упоминается в Синих книгах, – произнес томным голосом лорд Генри.

– Мистер Дориан Грей? А кто это такой? – спросил лорд Фермор, сдвинув свои седые, косматые брови.

– Вот об этом я и хотел бы узнать, дядя Джордж. Впрочем, кое-что мне о нем известно: он внук последнего лорда Келсо, а мать его была из Деверуксов – леди Маргарет Деверукс. Мне хотелось бы, чтобы вы рассказали о ней. Что она собой представляла? За кого вышла замуж? Ведь вы в свое время знали практически всех – так, может быть, вы и о ней что-то помните? С мистером Греем я познакомился буквально на днях, и он меня очень интересует.

– Внук лорда Келсо... – задумчиво повторил старый лорд, – внук Келсо... Как же, припоминаю... Я довольно хорошо знал его мать. Помнится, даже присутствовал на ее крестинах. Она была необыкновенно красивая девушка, эта Маргарет Деверукс, и, когда она убежала с каким-то молодым человеком, у которого не было за душой ни пенни, все мужчины просто неистовствовали. Он был, в сущности, никем, сэр, – младшим офицером в каком-то пехотном полку или что-то в этом роде. Да, так оно и было. Я прекрасно все помню, как если бы это случилось только вчера. Бедняга был убит на дуэли в Спа¹⁵ всего лишь через несколько месяцев после того, как они поженились. Судя по всему, за этим крылась очень грязная история. Поговаривали, будто Келсо нанял какого-то негодяя, бельгийского авантюриста, щедро заплатив ему за услуги, и тот, публично оскорбив его зятя, насадил молодого человека на шпагу, как голубя на вертел. Дело было замято, но лорду Келсо еще долго после этого приходилось жевать свой традиционный бифштекс в полном одиночестве, когда он появлялся в клубе. Дочь свою, как мне потом говорили, он привез домой, но она с ним никогда не разговаривала с той поры. Да, печальная история! Через какой-то год умерла и девушка... Так, значит, после нее остался сын? А я и забыл об этом. Интересно, как он выглядит? Если удался в мать, то, должно быть, красивый малый.

– Он очень красивый молодой человек, – подтвердил лорд Генри.

– Надеюсь, он попадет в хорошие руки, – продолжал лорд Фермор. – Если Келсо не обделил его в завещании, молодого человека ожидает целое состояние. Да и у его матери водились денежки. К ней от деда перешло поместье Селби. А дед ее, между прочим, терпеть не мог Келсо, считая его жутким сквалыгой. Тот и в самом деле был скрягой. Помню, как-то он приехал в Мадрид – тогда я еще жил в Испании. Так мне, черт возьми, пришлось изрядно покраснеть за него! Королева много раз спрашивала у меня насчет этого странного английского аристократа, который вечно ругается с извозчиками из-за каждой монеты. О нем даже ходили анекдоты на этот счет. Целый месяц – до тех пор пока он не уехал – я не

---

¹⁴ Синяя книга – справочник, названный так по цвету обложки и содержащий сведения о лицах, занимающих высокие государственные должности, а также о представителях английской аристократии, писателях, ученых, бизнесменах и пр.

¹⁵ Спа – курортный городок в провинции Льеж в Бельгии.

осмеливался и носу казать при дворе. Остается надеяться, что Келсо был со своим внуком хоть капельку щедрее, чем с мадридскими извозчиками.

– Этого я не знаю, – ответил лорд Генри. – Дориан еще несовершеннолетний¹⁶, но, мне кажется, он будет хорошо обеспечен. Ему и сейчас уже принадлежит Селби – он сам говорил мне об этом... Так вы говорите, мать его была красавицей?

– Маргарет Деверукс была самым совершенным созданием, какое мне приходилось видеть, Гарри, и я никогда не мог понять, почему она так поступила. Ведь она могла выйти за кого только ни пожелала бы. Сам Карлингтон был от нее без ума. Но вся беда в том, что она обладала романтическим воображением. В их роду все женщины были такие. Мужчины у них никуда не годились, а вот женщины, черт возьми, были замечательные. Карлингтон на коленях ее умолял – он сам мне рассказывал. Но она лишь смеялась над ним, хотя в то время трудно было найти в Лондоне девушку, которая бы не мечтала выскочить за него замуж. Да, кстати, Гарри, раз мы заговорили об абсурдных браках, скажи мне, что за вздор молот мне твой отец насчет Дартмура, – будто тот собирается жениться на американке? Неужели англичанки для него недостаточно хороши?

– Жениться на американках сейчас очень модно, дядя Джордж.

– А я готов биться об заклад, что лучше англичанок никого нет на свете! – И лорд Фермор стукнул кулаком по столу.

– Нынче все делают ставку на американок.

– Насколько я слышал, их ненадолго хватает, – буркнул старый джентльмен.

– Да, заезды на длинные дистанции их изматывают, но в скачках с препятствиями им не бывает равных. На лету берут барьеры. Думаю, Дартмуру не отвертеться.

– А кто ее родители? – ворчливо осведомился лорд Фермор. – Надеюсь, они у нее есть? Лорд Генри покачал головой.

– Американки так же искусно скрывают своих родителей, как англичанки – свое прошлое, – сказал он и встал, собираясь уходить.

– Небось, папаша ее – какой-нибудь поставщик свинины?

– Хочу на это надеяться, дядя Джордж, – Дартмуру в этом случае очень бы повезло. Говорят, профессия поставщика свинины – самая прибыльная в Америке. После политики, разумеется.

– А она хоть хорошенькая?

– Как и большинство американок, она держится так, будто она красавица. В этом весь секрет их очарования.

– И почему они не остаются в своей Америке? Ведь нас постоянно уверяют, что там просто рай для женщин.

– Так оно и есть. Именно поэтому они, подобно Еве, стремятся покинуть его, – проговорил лорд Генри. – Что ж, до свидания, дядя Джордж. Я должен идти, иначе опоздаю к обеду. Спасибо за исчерпывающую информацию. Мне всегда хочется знать как можно больше о новых друзьях и как можно меньше о старых.

– А где ты сегодня обедаешь, Гарри?

– У тети Агаты. Я сам напросился к ней в гости, заручившись приглашением и для мистера Грея. Он, кстати, ее новый протеже.

– Гм! Скажи своей тете Агате, Гарри, чтобы она больше не донимала меня просьбами о пожертвованиях. Они у меня уже в печенках сидят. Эта достойная дама, видно, решила, что у меня нет никаких других дел, кроме как выписывать чеки на ее дурацкие благотворительные затеи.

---

¹⁶ В Англии совершеннолетие наступает по достижении 21-летнего возраста.

– Хорошо, дядя Джордж, я ей скажу, но не думаю, что это поможет. Люди, подверженные филантропическим идеям, не имеют представления о человеколюбии. Это главное, что их отличает от всех других смертных.

Старый джентльмен одобрительно промычал что-то нечленораздельное и позвонил слуге, чтобы тот проводил гостя.

Выйдя через низкую сводчатую аркаду на Берлингтон-стрит, лорд Генри направился в сторону площади Баркли-сквер¹⁷. Итак, теперь он кое-что знает о происхождении Дориана Грея. Даже рассказанная в общих чертах, услышанная им история взволновала его прежде всего тем, что это была совершенно необычная и, в сущности, почти современная история любви. Молодая красавица жертвует всем на свете ради всепоглощающей страсти. Безумное счастье длится недолго – всего несколько недель. Идиллия прерывается страшным, предательским преступлением. Затем – месяцы безмолвного отчаяния и рожденный в муках ребенок. Мать сходит в могилу, а мальчик остается полным сиротой в руках деспотичного и не любящего его старика... Да-а, у этого юноши любопытнейшая судьба, она рисует его в новом свете, и он представляется еще более совершенным. За изысканной красотой всегда скрывается что-то трагическое. Как же много нужно в мире страданий, чтобы расцвел самый скромный цветок...

Накануне вечером, когда они обедали в клубе, Дориан был совершенно очарователен! Он сидел за столом напротив него, в глазах его таилась легкая робость, рот был полуоткрыт с выражением застенчивого удовольствия, в свете затененных красными абажурами свечей нежно-розовый цвет его лица казался еще более насыщенным, а восторженное изумление, с которым он воспринимал окружающее, еще более непосредственным. Говорить с ним было все равно что играть на совершеннейшей скрипке, отзывающейся на легчайшее прикосновение смычка к ее струнам... Ах, до чего же это увлекательно – оказывать воздействие на других людей! Разве что-нибудь может сравниться с этим? Вложить свою душу в чью-то совершенную форму хоть на недолгое время; слышать отзвуки своих собственных мыслей и взглядов, обогащенных музыкой пылкой молодости и юной страсти; передать другому свое настроение и душевное состояние, как если бы это были тончайшие флюиды или экзотические благовония, – все это доставляет невыразимую радость, возможно, самую большую радость, которую может испытать человек в наш меркантильный, вульгарный век с его грубыми, чувственными уладами и приземленными идеалами.

Этот мальчик, с которым он по столь счастливой случайности встретился в студии Бэзила, – восхитительное существо, но из него можно вылепить нечто еще более совершенное. У него есть все – обаяние, юношеская чистота, а главное, красота, сравнимая лишь с той, какую донесли до нас из глубокой древности греческие мраморные статуи. Под чьим-то влиянием он может превратиться в кого угодно – и в настоящего титана, и в марионетку. Как жаль, что такой красоте суждено увянуть!..

Ну а что можно сказать о Бэзиле? С психологической точки зрения он очень интересная личность. Бэзилу доступны новая манера живописи и свежее восприятие жизни, подсказанные ему, как ни странно, одним лишь зримым присутствием того, кого он изображает и кто сам об этом даже не подозревает. Безмолвный дух, обитающий в сумрачных рощах и порою бродящий никем не видимый в чистом поле, однажды явился ему в образе лесной нимфы, не страшаясь его, потому что душою своей он давно уже искал свою музу, и в нем наконец пробудился редчайший дар видеть в обычном чудесное, когда формы и очертания обыкновенных предметов становятся утонченно изысканными, приобретая своего рода символическое значение, как если бы они сами являлись воплощением каких-то иных, более совершенных

---

¹⁷ Баркл и-с квер – живописная площадь в одном из самых аристократических районов Лондона; ее название стало в Англии одним из символов принадлежности к аристократии.

форм, чьей материальной тенью им приходится быть. До чего же все это необыкновенно и загадочно! Подобные явления известны с самых незапамятных времен, и первую попытку объяснить их сделал Платон¹⁸, этот художник в логическом царстве мысли. А Буонарроти¹⁹ воплотил свое понимание феномена художественного восприятия мира в высеченных им изваяниях, этих сонетах из цветного мрамора. Но в нынешние времена способность видеть в обыкновенном прекрасное – величайшая редкость...

Ну что ж, подумал лорд Генри, он постарается быть для Дориана Грея тем, кем сам Дориан, не догадываясь об этом, был для художника, создавшего его чудесный портрет. Он поставит себе целью подчинить Дориана своей воле, – он уже и сейчас во многом добился этого, – и тогда душа прекрасного юноши будет полностью принадлежать ему. Да, это очаровательное дитя Любви и Смерти непреодолимо притягивало его!

Лорд Генри резко остановился и окинул взглядом окружающие его дома. Обнаружив, что давно уже прошел дом своей тетушки, он улыбнулся, покачал головой и повернул обратно. Когда он вошел в мрачноватую прихожую, дворецкий сообщил ему, что все уже за столом. Лорд Генри отдал одному из лакеев шляпу и трость и прошел в столовую.

– Ты не можешь не опаздывать, Гарри! – воскликнула его тетушка, укоризненно покачивая головой.

Он извинился, придумав на ходу не слишком правдоподобное объяснение, затем, опустившись на свободное место рядом с хозяйкой дома, обвел взглядом присутствующих. Сидевший на другом конце стола Дориан вспыхнул от удовольствия и застенчиво кивнул ему головой. Напротив восседала герцогиня Харли, удивительно уравновешенная и добродушная дама обширных, чуть ли не архитектурных размеров, обычно определяемых, в случае, когда речь идет о женщинах низкого сословия, вульгарным понятием «тучность»; герцогиня пользовалась в свете всеобщей и заслуженной любовью. Справа от нее сидел сэр Томас Бердон, член парламента и радикал в политической жизни, гурман и вольнодумец в жизни частной, ввиду чего он неизменно следовал известному мудрому правилу обедать с консерваторами, а досуг проводить с либералами. Соседом герцогини по левую руку был мистер Эрскин из поместья Тредли, обаятельный, очень культурный пожилой джентльмен, но крайне неразговорчивый, поскольку, как он однажды объяснил леди Агате, все, что он хотел сказать, было им сказано еще до тридцатилетнего возраста. Рядом с самим лордом Генри сидела миссис Ванделер, одна из давнишних приятельниц его тетушки, поистине святая женщина, но одетая настолько безвкусно, что ее впору было сравнить с молитвенником в дешевом переплете. К счастью для него, соседом миссис Ванделер с другой стороны оказался лорд Фодел, в высшей степени интеллектуальный, но в то же время посредственный и совершенно лысый джентльмен средних лет (его голова была гладкой, как речь министра, докладывающего в палате общин). Миссис Ванделер беседовала с ним в свойственной таким добродетельным женщинам, как она, преувеличенно серьезной манере – непростительный, на взгляд лорда Генри, порок, в который склонны впадать благочестивые люди и от которого они никогда впоследствии не могут избавиться.

– Мы говорим о бедном Дартмуре, лорд Генри, – обратилась к нему герцогиня, приветливо кивнув ему через стол. – Как вы считаете, он действительно намерен жениться на этой обворожительной молодой особе?

– Да, герцогиня. Я полагаю, она уже готова сделать ему предложение.

---

¹⁸ По учению древнегреческого философа Платона (427-347 гг. до н. э.), окружающие нас вещи – лишь тени реально существующих вечных идей, или «образцов», познать которые возможно лишь с помощью чистой любви и стремления к высшему благу.

¹⁹ Микеланджело Буонарроти (1475-1564) – гениальный итальянский скульптор, живописец, архитектор и поэт эпохи Возрождения, автор сонетов, в которых звучали мотивы одиночества и любви как извечного стремления человека к красоте и гармонии.

– Какой ужас! – воскликнула леди Агата. – Право же, кто-нибудь должен помешать этому!

– Я слышал из самых верных источников, что ее папаша в Америке держит галантерейную лавку, где продаются сухие товары²⁰, – с презрительным видом проговорил сэр Томас Бердон.

– А вот мой дядя высказал предположение, сэр Томас, что ее отец – поставщик свинины.

– Сухие товары? А что американцы подразумевают под сухими товарами? – поинтересовалась герцогиня, удивленно воздевая полные руки и делая ударение на слове «американцы».

– Американские романы, – ответил лорд Генри, принимаясь за куропатку.

Герцогиню его ответ привел в полное замешательство.

– Не слушайте его, дорогая, – шепнула ей леди Агата. – Он никогда не говорит серьезно.

– Когда открыли Америку... – вступил в разговор член парламента от радикалов и начал приводить скучнейшие факты из истории этой страны. Подобно всем тем, кто старается полностью исчерпать предмет своего красноречия, он гораздо раньше исчерпал терпение своих слушателей. Герцогиня тяжело вздохнула и решила воспользоваться своей прерогативой аристократки перебивать собеседников.

– Господи, лучше бы ее не открывали! – воскликнула она. – Ведь из-за этих американок у наших девушек не остается никаких шансов выйти замуж. А это в высшей степени несправедливо.

– Кто знает – может быть, Америку вовсе и не открыли, – задумчиво произнес мистер Эрскин, – а только лишь обнаружили.

– Но мне ведь воочию приходилось видеть представительниц ее населения, – с некоторой неуверенностью проговорила герцогиня. – И нужно признать, большинство из них оказались прехорошенькими. К тому же они прекрасно одеваются. Все свои туалеты заказывают в Париже. Я, например, не могу себе этого позволить.

– Существует поверье, что, когда умирают добропорядочные американцы, они переносятся в Париж, – изрек, посмеиваясь, сэр Томас, обладавший неистощимым запасом заезженных острот.

– Неужели! – удивилась герцогиня. – А куда же в таком случае отправляются после смерти плохие американцы?

– Остаются в Америке, – пробормотал лорд Генри.

Сэр Томас нахмурил брови и сказал, обращаясь к леди Агате:

– Боюсь, ваш племянник относится с некоторым предубеждением к этой великой стране. Я извездил ее вдоль и поперек – причем в моем распоряжении всегда был отдельный вагон, да и вообще меня принимали чрезвычайно гостеприимно, – и могу вас уверить, что посещение Америки в значительной степени расширяет кругозор человека.

– Неужели для расширения кругозора обязательно ехать в Чикаго? – грустно спросил мистер Эрскин. – Я бы на такое путешествие никогда не решился.

Сэр Томас сделал выразительный жест рукой:

– Для мистера Эрскина из Тредли весь мир уместается на его книжных полках. А мы, люди действия, хотим видеть мир своими глазами, а не читать о нем в книгах. Американцы – удивительно интересный народ. И они очень трезво мыслят. Я думаю, это их главная черта. Да, да, мистер Эрскин, это весьма здравомыслящие люди. Поверьте мне, американцы просто не способны на глупости.

---

²⁰ Сухие товары – так в США называют мануфактуру, ткани, одежду, галантерею и некоторые другие товары.

– Какой ужас! – воскликнул лорд Генри. – Я еще могу смириться с откровенной силой, но откровенное здравомыслие невыносимо. Руководствоваться одним лишь разумом – в этом есть что-то вульгарное. И крайне неразумное.

– Не понимаю, что вы хотите этим сказать, – подозрительно произнес сэр Томас, багровея.

– Зато я вас понимаю, лорд Генри, – с улыбкой пробормотал мистер Эрскин.

– В парадоксах есть своя привлекательность, но есть же всему предел, – не успокаивался баронет.

– Разве это был парадокс? – невинным голосом спросил мистер Эрскин. – А мне так не показалось. Хотя, может быть, вы и правы. Но даже если и так? Ведь парадоксы прокладывают нам путь к истине, и, чтобы познать цену реальности, мы должны увидеть ее балансирующей на цирковом канате. Об истинности истин мы можем судить только тогда, когда они становятся акробатами.

– Господи, до чего же вы, мужчины, любите спорить! – вздохнула леди Агата. – К тому же я и понятия не имею, о чем идет разговор. Кстати, Гарри, я ужасно на тебя сердита за то, что ты отговариваешь нашего милого мистера Дориана Грея ездить к этим несчастным в Ист-Энд. Уверяю тебя, его помощь будет просто бесценной. Им очень понравится, как он играет.

– А я хочу, чтобы он играл для меня, – улыбнулся лорд Генри и, глянув в сторону Дориана, поймал на себе его благодарный ответный взгляд.

– Но они так страдают в этом своем Уайтчепеле! – продолжала настаивать леди Агата.

– Я могу сочувствовать чему угодно, кроме страданий, – пожал плечами лорд Генри. – Страдания не вызывают у меня сочувствия. Слишком они отталкивающи, слишком ужасны, слишком удручающи. В нынешней моде сочувствовать страждущим есть что-то в высшей степени нездоровое. Сочувствовать, в буквальном смысле этого слова, нужно красоте, ярким краскам, радостному ощущению жизни. И чем меньше мы будем говорить о социальных язвах, тем лучше.

– Но Ист-Энд – проблема очень серьезная, – заметил сэр Томас, внушительно качая головой.

– Без всяких сомнений, – согласился молодой лорд. – Но это проблема рабства; мы же пытаемся ее решить, увеселяя рабов.

Политик пристально посмотрел на него и спросил:

– И каким же образом, на ваш взгляд, можно изменить положение?

Лорд Генри рассмеялся.

– Я бы ничего не стал изменять в Англии, кроме погоды, – сказал он, – и вообще меня больше устраивает роль созерцателя. Но все же я могу сказать, что, поскольку девятнадцатый век оказался банкротом, причем из-за излишнего проявления сострадания, нам стоило бы почаще обращаться к науке – именно она наставит нас на путь истинный. Ценность эмоций заключается в том, что они нас приводят к заблуждениям, а ценность науки – в том, что она совершенно не эмоциональна.

– Но ведь на нас лежит такая ответственность! – робко вступила в беседу миссис Ванделер.

– Да, громадная ответственность! – поддержала ее леди Агата.

Лорд Генри переглянулся через стол с мистером Эрскином и промолвил:

– Человечество относится к себе уж слишком серьезно. Это его первородный грех. Если бы пещерные люди умели смеяться, история пошла бы совершенно по иному пути.

– Вы меня чрезвычайно утешили, – прощепетала герцогиня. – Я постоянно чувствую себя виноватой, когда бываю у вашей милой тетушки, потому что Ист-Энд меня совершенно не интересует. А теперь я смогу смотреть ей в глаза не краснея.

– Но румянец женщинам очень к лицу, герцогиня, – заметил лорд Генри.

– Только когда они молодые, – возразила она. – А если краснеет такая старуха, как я, это ни о чем хорошем не говорит. Ах, лорд Генри, научите меня, как снова стать молодой!

Подумав с минуту, лорд Генри спросил, глядя на нее через стол:

– Можете ли вы, герцогиня, припомнить хотя бы одно серьезное прегрешение, совершенное вами в молодости?

– Боюсь, далеко не одно! – воскликнула герцогиня.

– В таком случае, совершите их снова, – проговорил он без тени улыбки. – Чтобы вернуть свою молодость, достаточно повторить ее безрассудства.

– Какая восхитительная теория! – изумилась герцогиня. – Непременно проверю ее на практике.

– Какая опасная теория! – процедил сэр Томас сквозь плотно сжатые губы.

Леди Агата лишь молча покачала головой, но было видно, что слова племянника ее позабавили. Мистер Эрскин слушал лорда Генри с большим вниманием.

– Да, – продолжал лорд Генри. – Это один из секретов продления жизни. В наши дни большинство людей умирают от все более овладевающего ими благоразумия, и, только когда уже слишком поздно, они начинают сознавать, что единственное, о чем человек никогда не жалеет, – это его ошибки.

Все за столом рассмеялись.

А лорд Генри продолжал играть с этой мыслью, словно кошка с мышкой, давая полную волю своей фантазии: он то жонглировал ею, по своей прихоти видоизменяя ее, то позволял ей ускользнуть от себя, тотчас же вновь настигая ее, то заставлял ее искриться, украшая радужными блесками своего воображения, то окрылял парадоксами, давая ей взлететь на недостижимую высоту. И тогда этот хвалебный гимн безрассудствам воспарял к высочайшим вершинам философии, отчего сама философия обретала былую молодость и, увлекаемая безумной музыкой наслаждения, подобная вакханке²¹ в залитом вином облачении и в венке из плюща, пускалась в пляс по холмам жизни, насмехаясь над трезвостью медлительного Силена²². Прозаические факты повседневности разбегались при ее появлении во все стороны, словно потревоженные лесные духи. Ее белые ноги месили виноград в огромной давяльне, у которой восседает мудрый Омар Хайям²³, и журчащий сок вскипал вокруг ее обнаженных ног волнами пурпурных пузырьков, стекая затем ручейками красной пены по черным, покатым стенкам чана.

То была вдохновенная импровизация. Лорд Генри чувствовал на себе неотрывный взгляд Дориана Грея, и сознание, что среди присутствующих есть человек, чью душу ему хотелось бы приворожить, придавало его воображению необыкновенную живость, а его остроумию – особенный блеск. Его монолог был блестящим, фантастическим, парадоксальным. Он совершенно очаровал свою аудиторию, внимавшую каждому его слову и встречавшую восхищенным смехом особенно удачные пассажи. А Дориан Грей все это время сидел, словно загипнотизированный, вперившись глазами в лорда Генри. По его губам то и дело пробегала зачарованная улыбка, а в потемневших глазах изумление сменялось благоговением.

---

²¹ Вакханка – в античной мифологии жрица Вакха (Диониса), бога вина и экстаза.

²² Силен – согласно древнегреческой мифологии, лесное божество, воспитатель и спутник Диониса (Вакха); изображался в виде подвыпившего лысого старца с мехом вина в руках. Уайльд говорит о его трезвости иронически, давая понять, что вакханка была еще более опьяненной.

²³ Омар Хайям (1048-1122) – знаменитый персидский поэт, мыслитель и ученый, в своих четверостишиях прославлявший любовь к жизни, простые земные радости, певший гимны вину и обильным возлияниям.

Внезапно в наполненную фантастическими миражами комнату бесцеремонно вторглась Реальность в образе слуги, доложившего герцогине, что подан ее экипаж. Герцогиня сделала шутливый жест преувеличенного отчаяния и воскликнула:

– Какая досада! Но хочешь не хочешь, а мне пора ехать. Я должна забрать из клуба супруга, а затем отвезти его на какое-то глупейшее собрание в комнатах Уиллиса²⁴, на котором ему надлежит председательствовать. Если опоздаю, он ужасно рассердится, а я избегаю каких-либо сцен, когда на мне эта шляпка: уж слишком она воздушна. Одно резкое слово – и от нее ничего не останется. Нет, нет, не удерживайте меня, дорогая Агата. До свидания, лорд Генри! Вы совершенно восхитительны, и в то же время вы сущий разрушитель морали. Я, право, не знаю, что думать о ваших теориях. Непременно приезжайте к нам обедать как-нибудь вечером. Скажем, во вторник. Вы никуда не приглашены на вторник?

– Ради вас, герцогиня, я готов нарушить любое обещание, кому бы я его ни дал, – проговорил с поклоном лорд Генри.

– Ах, как это мило и как это дурно с вашей стороны! – воскликнула герцогиня. – Смотрите же, приезжайте.

И она, в сопровождении леди Агаты и других дам, величаво выплыла из комнаты.

Когда лорд Генри снова опустился на стул, к нему подсел мистер Эрскин и проговорил, положив руку ему на плечо:

– Вы говорили так складно, будто читали вслух какую-то книгу. Так почему бы вам не написать ее на самом деле?

– Я слишком люблю читать книги, мистер Эрскин, чтобы самому их писать. Хотя мне действительно хотелось бы написать роман – роман столь же прекрасный, как персидский ковер, и столь же нереалистичный. Но в Англии читают только газеты, учебники и энциклопедии. Англичане, в отличие от всех других народов, совершенно не ценят прекрасное в литературе.

– Боюсь, тут вы правы, – отозвался мистер Эрскин. – Я и сам когда-то мечтал стать писателем, но давно отказался от этой мысли. А теперь, мой дорогой юный друг, – если мне будет позволено вас так называть, – я хотел бы задать вам один вопрос: вы и в самом деле верите в то, что говорили нам за обедом?

– Я уже и не помню, что говорил, – улыбнулся лорд Генри. – Наверно, какую-то чушь?

– Полнейшую чушь. По правде сказать, вы мне кажетесь человеком чрезвычайно опасным, и, если с нашей милой герцогиней стряется какая-нибудь беда, все мы будем считать виновником прежде всего вас. И тем не менее мне было бы любопытно побеседовать с вами о жизни. Люди моего поколения ужасно скучны. Когда вы почувствуете, что устали от Лондона, приезжайте ко мне в Тредли, и там, за стаканом великолепного бургундского, которое, счастлив сообщить вам, у меня имеется в предостаточном количестве, вы мне подробно изложите свою философию наслаждений.

– С величайшим удовольствием. Сочту за честь побывать у вас в Тредли, где столь радушный хозяин и такая замечательная библиотека.

– Вы украсите мое жилище своим присутствием, – отозвался старый джентльмен с учтивым поклоном. – Ну а теперь пойду попрощаюсь с вашей очаровательной тетушкой. Мне пора отправляться в «Атенеум»²⁵, чтобы не опоздать к тому времени, когда мы приезжаем туда сообща подремать.

– В полном составе, мистер Эрскин?

---

²⁴ Комнаты Уиллиса – так назывались помещения в доме на Кинг-стрит, 26, сдававшиеся вплоть до 1890 года для устройства балов и проведения различных собраний.

²⁵ «Атенеум» – название лондонского клуба, основанного в 1824 г. по инициативе Вальтера Скотта для интеллектуальной элиты – писателей, художников, ученых, общественных и политических деятелей и т. д.

– Да, все сорок человек в сорока креслах. Таким образом мы готовимся стать основателями Английской академии литературы.

Лорд Генри рассмеялся и тоже встал.

– Я отправляюсь в Парк²⁶, – произнес он во всеуслышание.

Когда он выходил из комнаты, его остановил Дориан Грей.

– Можно мне с вами? – спросил юноша, коснувшись его руки.

– Но вы, кажется, обещали Бэзилу Холлуорду заглянуть к нему сегодня в студию, – ответил лорд Генри.

– Мне больше хочется пойти с вами. Да, я определенно чувствую, что должен пойти с вами. Прошу вас, позвольте мне. И обещайте, что будете все время со мной разговаривать, ладно? Никто не говорит так интересно, как вы.

– О, я на сегодня уже достаточно наговорился! – улыбнулся лорд Генри. – Сейчас я предпочел бы просто погулять по парку и посозерцать жизнь. Что ж, если хотите, идемте созерцать вместе.

---

²⁶ Имеется в виду Гайд-Парк.

Глава IV

В один прекрасный день, месяц спустя, Дориан Грей, удобно расположившись в роскошном кресле, сидел в небольшой библиотеке лорда Генри, в его доме в Мейфэре²⁷. Это была по-своему очаровательная комната, с высокими дубовыми стенными панелями, светло-кремовым фризом, лепным потолком и покрывавшим пол мягким, кирпично-красным ковром, по которому были разбросаны шелковые персидские коврики с длинной бахромой. На миниатюрном столике из атласного дерева стояла статуэтка работы Клодиона²⁸, а рядом лежал экземпляр «Les Cent Nouvelles»²⁹, переплетенный для Маргариты Валуа³⁰ искусными руками Кловиса Эва³¹ и украшенный тисненными золотистыми маргаритками, выбранными королевой в качестве своей эмблемы. На каминной полке красовались попугайные тюльпаны в больших голубых фарфоровых вазах. Через окно с тонким свинцовым переплетом лился абрикосовый свет летнего лондонского дня.

Лорд Генри еще не возвращался. Он всегда опаздывал, поскольку считал, что пунктуальность – вор времени. Юноша, недовольно хмурясь, рассеянно перелистывал превосходно иллюстрированное издание романа «Манон Леско»³², обнаруженное им в одном из книжных шкафов. Монотонное тиканье часов в стиле Людовика XIV только раздражало Дориана. Он уже хотел было уходить, не дождавшись хозяина, как послышались звуки шагов, и дверь отворилась.

– Как, однако, вы поздно, Гарри! – недовольно проговорил Дориан.

– Боюсь вас разочаровать, но это не Гарри, мистер Грей, – ответил чей-то пронзительный голос.

Дориан поспешно обернулся и вскочил.

– Простите! Я думал...

– Вы думали, это мой муж. Но это всего лишь его жена. Так что разрешите представиться. Вас я уже знаю по фотографиям. Думаю, их у моего супруга семнадцать.

– Не может быть, чтобы семнадцать, леди Генри!

– Ну, значит, восемнадцать... А кроме того, я на днях видела вас вдвоем в опере.

Говоря, она нервно посмеивалась и не сводила с Дориана своих голубых, как незабудки, глаз. Это была странная женщина. Взгляд ее казался отсутствующим, а ее туалеты имели такой вид, словно были скроены в припадке ярости и надеты в разгар разбушевавшейся бури. Леди Уоттон вечно была в кого-нибудь влюблена, но всегда безответно, и это помогало ей сохранять все свои иллюзии. Стараясь казаться как можно более живописной, она выглядела скорее неряшливой. Звали ее Викторией, и у нее была мания часто ходить в церковь.

– Вы, верно, видели нас на «Лоэнгрине»³³, леди Генри?

---

²⁷ Мейфэр – фешенебельный район лондонского Уэст-Энда.

²⁸ Клодион (1738-1814) – французский скульптор, известный своими изящными терракотовыми статуэтками в стиле рококо.

²⁹ «Les Cent Nouvelles» – «Сто новелл» (фр.).

³⁰ Маргарита Валуа (1492-1549) – королева Наваррская, известная также как писательница, автор сборника «Гептаameron», или «Сто новелл».

³¹ Кловис Эв (ум. 1634) – парижский книготорговец и королевский переплетчик, однако, скорее всего, речь идет о его отце Николасе Эве (ум. 1581), дело которого унаследовал Кловис.

³² «Манон Леско» – роман французского писателя Антуана Франсуа Прево (1697-1763).

³³ «Лоэнгрин» – опера немецкого композитора Рихарда Вагнера (1813-1883), написанная на сюжет средневековой легенды.

– Да, на божественном «Лоэнгрине». Музыку Вагнера я люблю больше всего на свете. Она такая громогласная, что можно болтать все время, не боясь, что тебя услышат соседи; это одно из ее главных достоинств. Вы согласны со мной, мистер Грей?

С ее тонких губ сорвался все тот же отрывистый, нервный смешок, и она принялась вертеть в пальцах длинный черепашковый нож для разрезания бумаги.

Дориан с улыбкой покачал головой:

– Боюсь, я с вами не могу согласиться, леди Генри. Я никогда не разговариваю во время исполнения музыки, по крайней мере хорошей. Другое дело – музыка плохая. Ее мы просто обязаны заглушать разговором.

– Это ведь одно из высказываний Гарри, не правда ли, мистер Грей? Я постоянно слышу от друзей Гарри его суждения по разному поводу. Только так я о них и узнаю. Ну а что касается музыки... не думайте, что я ее не люблю. Хорошую музыку я обожаю, но боюсь ее – она настраивает меня на слишком романтический лад. Пианистов я прямо-таки боготворю, иногда сразу двоих, как шутит Гарри. Не знаю, что меня привлекает в них... Может быть, то, что они иностранцы. Они ведь, кажется, все иностранцы? Даже те, что родились в Англии, со временем становятся иностранцами, не так ли? И правильно делают, потому что это придает их искусству дополнительное очарование, делает его космополитичным – разве я не права, мистер Грей? Кстати, вы ведь, кажется, еще не бывали ни на одном из моих званных вечеров? Приходите непременно. Орхидей я себе не могу позволить, но на иностранцев денег не жалею – они придают гостиной такой живописный вид! А вот и Гарри! Гарри, я заехала домой специально для того, чтобы увидеть тебя и спросить кое о чем – вот только не помню, о чем – и неожиданно нашла здесь мистера Грея. Мы с ним очень мило поболтали о музыке. И абсолютно сошлись во мнениях... впрочем, кажется, наоборот – абсолютно разошлись во мнениях. Но все равно, мне было очень приятно, и я рада, что мы познакомились.

– Я в восторге, моя любовь, в совершенном восторге, – сказал лорд Генри, приподняв свои изогнутые дугой темные брови и глядя на обоих со слегка иронической улыбкой. – Извините, что заставил вас ждать, Дориан. Я ездил на Уордор-стрит³⁴, чтобы взглянуть на кусок старинной парчи, и мне пришлось торговаться с хозяином лавки целую вечность. В наши дни люди всему знают цену, но ничего не умеют ценить.

– Сожалею, но вынуждена вас покинуть! – воскликнула леди Генри, прерывая наступившее неловкое молчание своим неожиданным и легкомысленным смехом. – Я обещала герцогине отправиться с ней кататься. Прощайте, мистер Грей! До свидания, Гарри. Ты, надо думать, обедаешь сегодня в гостях? Я тоже. Надеюсь, увидимся у леди Торнбери.

– Я тоже на это надеюсь, дорогая, – ответил лорд Генри, провожая ее до двери.

Когда его супруга, напоминая райскую птицу, целую ночь мокнувшую под дождем, выпорхнула из комнаты, оставив после себя легкий запах жасмина, он закурил сигарету и бросился на диван.

– Не вздумайте жениться на женщине с соломенными волосами, – произнес он, несколько раз затянувшись.

– Почему, Гарри?

– Потому что они ужасно сентиментальны.

– Но мне нравятся сентиментальные люди.

– Жениться, Дориан, не имеет смысла в любом случае. Мужчины женятся, устав от холостой жизни, женщины выходят замуж из любопытства. И тех и других ждет разочарование.

– А я и не собираюсь жениться, Гарри. Для этого я слишком влюблен. Это, кстати, ваш афоризм. И я его применяю на практике, как и все, что вы говорите.

---

³⁴ Уордор-стрит – улица в Лондоне, в прошлом известная антикварными магазинами.

– И в кого же, интересно, вы влюблены? – спросил лорд Генри после некоторого молчания.

– В одну актрису, – краснея, ответил Дориан Грей.

– Довольно банальный *debut*, – пожал плечами лорд Генри.

– Вы бы этого не говорили, если бы ее увидели, Гарри.

– Так кто же она?

– Ее зовут Сибилла Вейн.

– Никогда не слыхал о такой актрисе.

– Никто пока не слыхал. Но когда-нибудь все услышат. Потому что она гений.

– Мой мальчик, женщины никогда не бывают гениями. Они чисто декоративный пол. Им нечего сказать миру, но говорят они это очень мило. Женщины являют собой торжество материи над разумом, а мужчины – торжество разума над моралью.

– Гарри, как вы можете говорить такое!

– Но, дорогой мой Дориан, это ведь так и есть. В настоящее время я занимаюсь изучением женщин с сугубо научной точки зрения, поэтому знаю, что говорю. Предмет изучения, кстати сказать, оказался не таким уж и сложным. Мне удалось установить, что женщин можно подразделить на две основные категории: некрасивых и накрашенных. Некрасивые женщины чрезвычайно полезны. Если вы хотите приобрести репутацию респектабельного человека, вам нужно появляться в обществе только с такими женщинами. Женщины второй категории очаровательны, но совершают одну ошибку: они красятся главным образом для того, чтобы казаться моложе, а вот наши бабушки красились, чтобы казаться остроумными собеседницами: в те времена *rouge*³⁵ и *esprit*³⁶ всегда сопутствовали друг другу. Нынче же все не так. Если современной женщине удастся выглядеть на десять лет моложе своей дочери, она вполне счастлива, и ей больше ничего не нужно. Ну а что касается умения вести беседу, то во всем Лондоне есть только пять женщин, с которыми интересно поговорить, да и то две из них не могут быть допущены в приличное общество... И все-таки расскажите мне про вашу гениальную актрису. Давно ли вы с ней знакомы?

– Ах, Гарри, ваши взгляды и суждения приводят меня просто в ужас.

– Не обращайтесь на них внимания. Так когда же вы с ней познакомились?

– Около трех недель назад.

– И где вы ее впервые увидели?

– Я вам сейчас все расскажу, Гарри, но только обещайте слушать меня без насмешек и иронических замечаний. В конце концов, не будь я с вами знаком, со мной бы этого никогда не случилось: ведь именно вы разбудили во мне желание познать в этой жизни как можно больше. После нашей встречи у Бэзила я утратил покой, мне стало казаться, что внутри у меня трепещет каждая жилка. Прогуливаясь по парку или по Пиккадилли, я с жадным любопытством всматривался в прохожих, пытаюсь угадать, какую они ведут жизнь. Некоторые восхищали меня, другие внушали ужас. В воздухе витало что-то восхитительно ядовитое. Мною владело страстное желание испытать новые ощущения... И вот как-то вечером, около семи часов, я отправился бродить по городу в поисках приключений. Я чувствовал, что этот наш серый, чудовищный Лондон с его мириадами жителей, его гнусными грешниками и притягательными прегрешениями, как вы однажды выразились, приготовил для меня нечто необыкновенное. Мне представлялось, что меня ждут самые невероятные неожиданности. Даже возможность опасностей приводила меня в восторг. В голове у меня звучали ваши слова, услышанные мной в тот чудесный вечер, когда мы впервые обедали вместе: «Самая великая тайна жизни – это вечное стремление человека найти красоту». Не знаю, что я соби-

---

³⁵ Rouge – румяна (*фр.*).

³⁶ Esprit – остроумие (*фр.*).

рался искать, но я вышел из дому и побрел в восточном направлении³⁷. Вскоре я заблудился среди бесконечного лабиринта грязных улиц и черных, лишенных зелени, площадей. Где-то около половины девятого я проходил мимо какого-то жалкого театрала с большими, ярко горящими газовыми рожками и кричащими афишами на стенах. У входа стоял отталкивающего вида еврей в диковинном жилете и курил зловонную сигару. У него были сальные, колечками, волосы, а на давно не стиранной рубашке сверкал огромных размеров бриллиант. «Не угодно ли ложу, милорд?» – спросил он, увидев меня, и с подобострастным, но в то же время величественным видом снял шляпу. Это гротескное существо показалось мне даже забавным – уж слишком чудовищный у него был вид. Я знаю, Гарри, вы станете надо мной смеяться, но неожиданно для себя я вошел в театр и, заплатив целую гинею, занял место в ложе у сцены. До сих пор не пойму, что заставило меня так поступить, но, не войдя я в этот театр – ах, дорогой Гарри, мне даже страшно подумать, – я мог бы пройти мимо самого большого чувства в своей жизни!.. Вижу, вы все-таки смеетесь. С вашей стороны это невеликодушно!

– Я не смеюсь, Дориан, а если и смеюсь, то не над вами. Но вы слишком торопитесь объявлять то, что вы испытываете, самым большим в вашей жизни чувством. Точнее будет сказать, что это ваше первое чувство. Женщины всегда будут любить вас самого, а вы всегда будете влюблены в саму любовь. *Grande passion*³⁸ – это занятие преимущественно для тех, кому нечем себя занять. Для праздных классов это единственное развлечение. Так что можете мне поверить, у вас впереди еще множество восхитительных переживаний, и это ваше «большое чувство» – лишь первая ласточка.

– Неужели вы считаете меня настолько поверхностным? – воскликнул Дориан Грей, уязвленный скептицизмом своего друга.

– Напротив, я считаю, что вы – глубоко чувствующая натура.

– Что-то я вас не пойму.

– Мой дорогой, поверхностные люди – это как раз те, кто любит один раз в жизни. То, что они считают преданностью и верностью, – на самом деле или косность привычки, или отсутствие воображения. Постоянство в эмоциях, равным образом как и излишняя последовательность в мышлении, – это попросту признание своего бессилия. Уж эта мне верность! Когда-нибудь я подробнее займусь анализом этого качества. Собственнический инстинкт – вот что такое верность. Мы многое бы выбрасывали, если бы не боялись, что выброшенное тут же подберут другие... Но не буду перебивать вас. Прошу вас, продолжайте.

– Ну так вот, я оказался в ужасной, крошечной ложе на одного человека, расположенной у самой сцены, а прямо передо мной красовался грубо размалеванный занавес. Выглянув из ложи, я стал осматривать зал. Он был отделан в кричаще-безвкусном стиле, со всеми этими купидонами и рогами изобилия, какими обычно украшают третьеразрядные свадебные торты. Галерея и задние ряды партера были почти целиком заполнены, а вот передние два ряда, составленные из выцветших замызганных кресел, пустовали, да и в бельэтаже, если его можно так назвать, не было ни души. По проходам сновали женщины, предлагая апельсины и имбирное пиво, и в зале не было ни единого человека, который не грыз бы орехов.

– Должно быть, именно так выглядел театр в славные дни расцвета английской драмы³⁹.

---

³⁷ «...побрел в восточном направлении» – то есть в направлении Ист-Энда, беднейшего района Лондона («Ист-Энд» в переводе с английского – «восточная оконечность»).

³⁸ *Grande passion* – сильная страсть, великая любовь (*фр.*).

³⁹ То есть в елизаветинскую эпоху (XVI-XVII вв.), когда творили такие драматурги, как К. Марло, У. Шекспир, Б. Джонсон. В то время в Лондоне, кроме частных, существовали публичные театры, посещавшиеся простым людом.

– Да, скорее всего, и это произвело на меня удручающее впечатление. Я уже начал подумывать, а стоит ли мне там оставаться, как вдруг мой взгляд упал на театральную программу. И как вы думаете, Гарри, что там играли?

– Ну, какой-нибудь водевиль с таким, например, названием: «Юный дуралей, или Простодушный тупица». Наши отцы обожали такого рода вещицы. А вообще, Дориан, чем больше живу я на свете, тем больше убеждаюсь: то, что было хорошо для наших родителей, для нашего поколения уже недостаточно хорошо. В искусстве, как и в политике, *les grands-peres ont toujours tort*⁴⁰.

– Так вот, Гарри, пьеса, которую мне предстояло смотреть, достаточно хороша для любых поколений: «Ромео и Джульетта». Да, представьте себе! Признаться, сначала меня ужаснула одна только мысль увидеть творение самого Шекспира на сцене подобного балагана. Ну а потом мною вдруг овладело какое-то странное любопытство. Так или иначе, я решил дожидаться первого действия. Оркестр, которым управлял молодой иудей, сидевший за разбитым пианино, был настолько чудовищный, что, когда он заиграл вступительную мелодию, я чуть было не сбежал из зала, но вот наконец поднялся занавес, и представление началось. Роль Ромео играл тучный пожилой джентльмен с фигурой, точно пивная бочка, с наведенными жженой пробкой бровями и с сиплым голосом пьющего трагика. Меркуцио был ненамного лучше. Его роль исполнял какой-то комик, причем самого низкого пошиба; он то и дело вставлял в свои монологи низкопробные шуточки из своего репертуара, пользовавшиеся у галерки большим успехом. Оба актера были так же нелепы, как и декорации, на фоне которых они играли, и все это больше всего напоминало ярмарочный балаган. Зато Джульетта!.. Ах, Гарри, представьте себе девушку, которой едва минуло семнадцать лет, с нежным, как цветок, лицом, с маленькой греческой головой, украшенной заплетенными и уложенными в кольца темно-каштановыми волосами, с фиолетовыми, точно лесные озера, исполненными страсти глазами, с губами, подобными лепесткам роз. Впервые в жизни я видел такую дивную красоту! Вы мне однажды сказали, что вас трудно чем-то разжалобить, и лишь красота, одна только красота способна вызвать слезы на ваших глазах. Так вот, Гарри, я почти не видел этой девушки из-за туманивших мои глаза слез.

А что за голос! Никогда раньше мне не приходилось слышать такого голоса! Вначале он звучал очень тихо; его сочный, глубокий тон и проникновенные интонации создавали иллюзию, будто девушка обращается к каждому зрителю в отдельности. Потом он стал громче, напоминая флейту или звучащий где-то вдали гобой. А во время сцены в саду в нем слышался трепетный восторг, подобный тому, которым перед наступлением рассвета наполняется пение соловья. Ну а дальше, по мере накала эмоций, были такие моменты, когда он поднимался до исступленной страстности скрипки. Вы ведь и сами знаете, как могут волновать нашу душу голоса. Ваш голос и голос Сибиллы Вейн – вот те два голоса, которые до самых последних дней будут звучать у меня в душе. Стоит закрыть глаза, как я начинаю их слышать, и каждый из них говорит мне что-то свое. Я даже не знаю, какой из них слушать... Разве я мог не полюбить ее? Да, Гарри, я боготворю ее. В ней теперь вся моя жизнь. Каждый вечер я хожу смотреть, как она играет. Сегодня она Розалинда⁴¹, а завтра – Имоджена⁴². Я видел, как она целует возлюбленного в горькие от яда уста, а затем умирает под мрачными сводами итальянского склепа⁴³. Я следовал за ней взглядом, когда она бродила по Арденнскому лесу в образе миловидного юноши в камзоле, чулках и изысканном головном уборе⁴⁴.

---

⁴⁰ *Les grands-peres ont toujours tort* – старики никогда не бывают правы (*фр.*).

⁴¹ Розалинда – героиня комедии Шекспира «Как вам это понравится».

⁴² Имоджена – героиня пьесы Шекспира «Цимбелин».

⁴³ То есть видел ее в роли Джульетты в «Ромео и Джульетте». Поцеловав принявшего яд Ромео, она закалывает себя.

⁴⁴ То есть в роли Розалинды, переодевавшейся по ходу действия пьесы в юношу в комедии Шекспира «Как вам это

Я с волнением смотрел, как она, обезумевшая, является к королю, на котором лежит печать тяжкой вины, и дает ему руту, чтобы он всегда носил ее с собой, и разные травы, чтобы он вкусил их горечь⁴⁵. А вот она в образе воплощенной невинности⁴⁶, и черные руки ревности душат ее, сжимая тонкую, как тростник, шею. Я видел ее в какие угодно века и в каких угодно костюмах. Обычные женщины никогда не волнуют нашего воображения. Они всегда остаются в пределах своего времени. Им не дано преображаться словно по волшебству. Нам так же хорошо известны их мысли, как и шляпки, которые они носят. Нам нетрудно читать в их душе. В них нет никакой тайны. Утром они ездят верхом в Гайд-Парке, а днем болтают за чаем в обществе себе подобных. У них одинаковые улыбки и одни и те же манеры. Они для нас – открытая книга. Но актрисы! Актрисы ни на кого не похожи. Скажите, Гарри, почему вы мне ни разу не говорили, что любить стоит только актрис?

– Именно потому, что я любил столь многих из них.

– Вы, должно быть, имеете в виду этих ужасных женщин с крашеными волосами и размалеванными лицами.

– Не говорите столь пренебрежительно о крашеных волосах и размалеванных лицах, Дориан! Порою в них скрыто удивительное очарование.

– Право, лучше бы я вам не рассказывал о Сибилле Вейн!

– Вы просто не могли поступить иначе. Вам суждено всю жизнь рассказывать мне обо всем, что с вами будет происходить.

– Да, Гарри, пожалуй, вы правы. Я ничего не могу от вас скрыть. Вы оказываете на меня какое-то непостижимое влияние. Даже если бы я совершил преступление, я все равно пришел бы к вам и признался. И вы смогли бы меня понять.

– Люди, подобные вам, – этакie капризные, лучезарные дети жизни – не совершают преступлений. Но все равно, Дориан, я вам признателен за комплимент. А теперь скажите-ка мне – прошу вас, протяните мне спички... спасибо, – так вот, скажите мне, как далеко зашли ваши отношения с Сибиллой Вейн?

Дориан вскочил на ноги, щеки его пылали, глаза гневно сверкали.

– Гарри, не смейте так говорить о Сибилле Вейн! Она не такая, как все; она святая!

– Святая, а значит, неприкосновенная – это единственное, к чему стоит прикасаться, Дориан, – произнес лорд Генри с неожиданным оттенком грусти в голосе. – Ну что вы так сердитесь? Ведь все равно рано или поздно она будет вашей. Когда человек влюблен, он сначала обманывает себя, а потом и других. Это и принято называть романом. Надеюсь, вы хоть познакомились с ней?

– Да, разумеется, но не сразу. В первый вечер, как я появился в этом театре, тот ужасный старый еврей зашел после спектакля ко мне в ложу и предложил провести меня за кулисы, чтобы с ней познакомить. Я возмущенно ответил ему, что Джульетта умерла много столетий назад и что прах ее покоится в мраморном склепе в Вероне. Судя по озадаченно-изумленному выражению его лица, он, видимо, подумал, что я выпил слишком много шампанского.

– И неудивительно.

– Затем он спросил меня, не пишу ли я для газет. Я ответил, что даже не читаю их. Он, кажется, был сильно разочарован и тут же пожаловался мне, что все театральные критики в заговоре против него и что все они, до единого, продажны.

– Тут, пожалуй, он прав. Впрочем, судя по тому, как газетчики внешне выглядят, в большинстве своем они недорого стоят.

понравится».

⁴⁵ Имеется в виду Офелия в трагедии Шекспира «Гамлет, принц Датский». На самом деле, в пьесе Офелия дает руту и горькие травы не королю, а Лаэрту.

⁴⁶ То есть в роли Дездемоны в трагедии Шекспира «Отелло»

– Но ему они все равно не по карману, – со смехом сказал Дориан. – Пока мы с ним так беседовали, в театре стали гасить огни, и я собрался уходить. Но он еще некоторое время не отпускал меня, навязывая какие-то сигары, однако я от них отказался. На следующий вечер я, конечно, снова пришел туда. Когда хозяин увидел меня, он отвесил мне низкий поклон и стал уверять меня, что я по праву могу быть назван щедрым меценатом. Пренеприятный субъект, но, как ни удивительно, страстный поклонник Шекспира. Его театр прогорал пять раз, и причина, как он с гордостью мне признался, всегда была одна – любовь к великому «барду» (так он привык называть Шекспира). Он, по-видимому, считает огромной своей заслугой, что никогда не вылезает из банкротств.

– И он прав. Большинство людей становятся банкротами по прямо противоположной причине: они слишком много вкладывают в прозу жизни. А разориться из-за любви к поэзии – это действительно большая заслуга... Но лучше скажите, когда вы впервые заговорили с мисс Сибиллой Вейн?

– На третий вечер, когда она играла Розалинду. Я не выдержал и все-таки пошел к ней за кулисы. А до этого я ей бросил цветы, и она обратила на меня свой взгляд – так, по крайней мере, мне показалось. Ну а старый еврей не отставал от меня, решив во что бы то ни стало отвести меня к ней. И я наконец сдался и уступил... Не правда ли, странно, что я не хотел с ней знакомиться?

– Нет, мне так не кажется.

– Интересно, почему, Гарри?

– Я объясню, но как-нибудь в другой раз. А сейчас мне хотелось бы больше узнать о девушке.

– О Сибилле? Знаете, она так застенчива, так кротка. В ней есть что-то совсем еще детское. Когда я стал восторгаться ее игрой, глаза ее широко раскрылись с очаровательным выражением искреннего удивления, как если бы она совершенно не сознавала, какой способностью воздействовать на людские души наделила ее природа. Мне кажется, мы оба немного нервничали. Старый еврей стоял ухмыляясь в дверях пыльной гримерной и все время бормотал что-то витиеватое о нас с Сибиллой, а мы с ней молча смотрели друг на друга, как дети. Старик упорно продолжал величать меня «милордом», так что я вынужден был уверить Сибиллу, что на самом деле я вовсе не лорд. Она ответила очень мило и несколько простодушно: «Вы скорее похожи на принца; я так и буду вас называть – Прекрасный Принц».

– Что ж, мисс Сибилла умеет говорить комплименты.

– Нет, Гарри, вы не так поняли ее слова. Она восприняла меня, как если бы я был персонажем из какой-то пьесы. О жизни она ничего не знает. Живет она с матерью, уставшей, увядшей женщиной, которая в тот первый вечер, когда я оказался в этом театре, играла леди Капулетти⁴⁷ в каком-то дешевом платье ядовитокрасного цвета. По ней сразу видно, что лучшие ее дни уже позади.

– Да, я знаю, как выглядят такие женщины. Их вид всегда действует на меня удручающе, – произнес лорд Генри, разглядывая перстни на пальцах своих рук.

– Старый еврей порывался рассказать мне ее историю, но я сказал, что она меня не интересует.

– И правильно сделали. Слушать истории о чужих драмах – неблагоприятное занятие.

– Меня интересует одна лишь Сибилла, и мне дела нет до того, из какой она семьи и кто ее родители. А она само совершенство – от прекрасной головки до маленьких ножек. Каждый божий день я хожу смотреть на нее в представлениях, и с каждым днем она кажется мне все обворожительнее.

---

⁴⁷ Леди Капулетти – мать Джульетты в пьесе «Ромео и Джульетта».

– Так вот почему вы больше со мной не обедаете. Я, признаться, подозревал нечто в этом роде, но никак не ожидал, что вы влюбитесь до такой степени.

– Но, дорогой Гарри, мы с вами завтракаем или ужинаем вместе каждый день, и я несколько раз ездил с вами в оперу! – воскликнул Дориан, удивленно глядя на друга своими голубыми глазами.

– И вы всегда ужасно опаздываете.

– Поймите, Гарри, я уже не могу жить, не увидев Сибиллы на сцене, – порывисто произнес Дориан, – хотя бы в одном действии. Я испытываю неодолимую потребность в ее обществе. Когда я думаю о дивной душе, заключенной в этом хрупком, словно выточенном из слоновой кости теле, меня охватывает благоговейный трепет.

– Но сегодня, надеюсь, вы сможете пообедать со мной?

Дориан покачал головой:

– Сегодня вечером она Имоджена, а завтра будет Джульеттой.

– А когда же она Сибилла Вейн?

– Боюсь, никогда.

– Что ж, я вас поздравляю!

– Ах, Гарри, не будьте таким несносным! Поймите, в ней живут все великие героини мира! Она бесконечно многолика. Вы смеетесь? А я вам говорю: она гений. Я люблю ее, и я сделаю все, чтобы она тоже меня полюбила. Вам, Гарри, известны все тайны жизни – так научите меня, чем приворожить Сибиллу Вейн? Я хочу быть соперником Ромео и заставить его ревновать, хочу, чтобы все когда-то жившие на земле влюбленные слышали наш смех и почувствовали к нам зависть, чтобы дыхание нашей страсти пробудило их прах и заставило страдать. Боже мой, Гарри, если б вы знали, как я ее обожаю!

Дориан вскочил и принялся ходить по комнате. На щеках у него выступили пятна лихорадочного румянца. Он был ужасно взволнован.

Лорд Генри наблюдал за ним, испытывая в душе тайное удовольствие. Как непохож был сегодняшний Дориан на того застенчивого, робкого мальчика, с которым он познакомился в студии Бэзила Холлуорда! Все его существо раскрылось, словно экзотический цветок, зажглось ярко-алым цветением. Душа его вышла из потаенного убежища, и Желание поспешило ей навстречу.

– И что же вы намерены делать? – спросил наконец лорд Генри.

– Прежде всего я хочу, чтобы вы с Бэзилем побывали на одном из спектаклей и увидели, как она играет. У меня нет ни малейших сомнений, что вы оцените ее талант. Ну а затем, я думаю, нам нужно будет вырвать ее из лап этого старого еврея. Она связана с ним контрактом на три года – собственно, на сегодняшний день осталось два года и восемь месяцев. Разумеется, я должен буду что-то ему заплатить. А когда все будет улажено, я устрою ее в какой-нибудь театр в Уэст-Энде, и тогда публика сможет увидеть ее во всем блеске. Она сведет с ума весь мир, точно так же, как свела с ума меня.

– Ну, это вы уж чересчур хватили, мой друг!

– Уверяю вас. Она обладает не только замечательным артистическим чутьем, но и яркой индивидуальностью; словом, она личность. А ведь вы сами мне не раз говорили, что миром движут личности, а не идеи.

– Ну хорошо, когда мы идем в ваш театр?

– Дайте подумать... Так, сегодня вторник. Давайте завтра! Завтра она играет Джульетту.

– Договорились. Встретимся в восемь, в «Бристоле». Я привезу с собой Бэзила.

– Только не в восемь, Гарри, а в полседьмого, ладно? Мы должны быть в театре до поднятия занавеса. Мне хотелось бы, чтобы вы увидели ее в первом действии, когда она впервые встречается с Ромео.

– В полседьмого?! В такую рань?! Да это все равно что пить чай с селедкой или, скажем, читать английский роман. Нет, как минимум в семь. Ни один порядочный человек не обедает раньше семи. Может, вы сами заедете к Бэзилу? Или мне написать ему?

– Милый Бэзил! Сегодня будет неделя, как я не показывался у него. Это свинство с моей стороны, особенно после того как он прислал мне мой портрет в великолепнейшей раме, выполненной по его собственному рисунку. И хоть я слегка ревную к портрету – ведь он на целый месяц моложе меня, – я от него в полном восторге. Пожалуй, действительно будет лучше, если вы напишете Бэзилу. Мне не хотелось бы с ним встречаться наедине – все, что он говорит, раздражает меня. Он только и делает, что дает мне добрые советы.

Лорд Генри улыбнулся:

– Люди часто отдают другим то, в чем сами больше всего нуждаются. Вот что я называю настоящим великодушием!

– О, Бэзил – прекраснейший из людей, но, по-моему, он немного ханжа. Я это понял после того, Гарри, как познакомился с вами.

– Видите ли, мой юный друг, все самое лучшее, что есть в Бэзиле, он вкладывает в свои картины. А потому для каждодневной жизни ему остаются только предрассудки, моральные принципы и здравый смысл. Из всех художников, которых я лично знал, только бездарные были обаятельными людьми. Талантливые же личности живут только тем, что творят, поэтому сами по себе неинтересны. Великий поэт – подлинно великий поэт – самое непоэтическое существо на свете. Но второразрядные поэты – люди просто обворожительные. Чем невыразительнее их поэзия, тем живописнее они выглядят. Если человек выпустил книжку плохих сонетов, можно заранее сказать, что он совершенно неотразим. Жизнь такого человека наполнена той поэзией, которую он не в состоянии выразить в своих стихах. А великие поэты изливают на бумаге ту поэзию, которую не осмеливаются вносить в свою жизнь.

– Не знаю, действительно ли это так, – задумчиво проговорил Дориан Грей, опрыскивая носовой платок несколькими каплями духов из стоявшего на столе большого флакона с золотой пробкой. – Но, должно быть, вы правы... А сейчас мне пора уходить: меня ждет Имоджена. Не забудьте о завтрашней встрече. Прощайте.

Оставшись один, лорд Генри полузакрыв глаза и задумался. Да, мало кто в жизни интересовал его так, как Дориан Грей, однако то обстоятельство, что юноша обожает кого-то другого, не вызвало у него ни досады, ни ревности. Напротив, он был этому рад: теперь Дориан становился еще более любопытным объектом для изучения. Лорд Генри всегда преклонялся перед научными методами естествоиспытателей, но область их исследований находил скучной и бесполезной. Свои собственные изыскания он начал с того, что подверг вивисекции самого себя, а закончил тем, что стал подвергаться вивисекции других. Жизнь человеческая – вот что казалось ему единственно достойным предметом для изучения. В сравнении с этим все остальное вряд ли чего-то стоит. Правда, тот, кто наблюдает жизнь с близкого расстояния, со всеми кипящими в ее горниле горестями и испытаниями, радостями и печалью, не может закрыть свое лицо стеклянной маской и защититься от удушливых паров, дурманящих мозг и порождающих в воображении чудовищные кошмары. Он вынужден иметь дело с ядами столь неощутимыми, что узнать характер их воздействия невозможно, не отравившись ими, и с недугами столь диковинными, что понять их природу можно, только переболев ими. Зато какая награда ждет его за труды и каким чудесным становится для него мир! Разгадать непостижимую, но последовательную логику страсти и эмоциональную сторону интеллекта, установить, где они сходятся, а где расходятся, в какой точке между ними начинается гармония, а в какой дисгармония, – это ни с чем не сравнимое наслаждение! И так ли уж важно, чего это стоит? Никакая цена не может быть слишком высокой за любое ранее не изведенное ощущение.

Лорд Генри не сомневался – и при этой мысли его темно-карие агатовые глаза ликующе засветились, – что именно сказанные им когда-то слова, музыкальные слова, произнесенные с музыкальными интонациями, побудили Дориана Грея обратиться душой к этой невинной девушке и с благоговением склониться перед нею. Да, юноша был в значительной мере его творением и благодаря ему пробудился к жизни. А это уже немало. Большинство людей ждет, пока жизнь сама не откроет им своих тайн, и лишь немногим избранным дано познать ее таинства, прежде чем с них спадет завеса. Иногда это бывает под влиянием искусства и литературы, воздействующих непосредственно на ум и чувства человека, но случается, что эту роль берет на себя какая-нибудь совершенная личность, сама являющаяся произведением искусства, ибо у Жизни, как и у поэзии, скульптуры или живописи, тоже бывают свои шедевры.

Возможно, пробуждение Дориана преждевременно. Еще не прошла его весна, а он уже собирает урожай. В нем еще не угасли пыл и порывистость юности, а он уже научился смотреть на себя со стороны. Но наблюдать за ним – ни с чем не сравнимое удовольствие! Этот мальчик с прекрасным лицом и прекрасной душой не перестает изумлять. И разве так уже важно, чем все это закончится и закончится ли вообще? Он подобен тем элегантным персонажам в живых картинах или пьесах, чьи радости оставляют нас равнодушными, но чьи страдания пробуждают в нас чувство прекрасного и чьи раны подобны красным розам.

Душа и плоть, плоть и душа – их сочетание непостижимо! В душе есть что-то от плоти, а плоти свойственна тяга к духовному. Чувства точно так же могут облагораживаться, как и разум деградировать. Кто может сказать, когда умолкает плоть и начинает говорить душа? Как нечетки критерии, определяющие границу между ними, – критерии, на которых столь упорно настаивает большинство психологов! Существует великое множество направлений психологической мысли, и решить, какое из них ближе к истине, попросту невозможно. Действительно ли душа – лишь тень, заключенная в греховную оболочку? Или же, напротив, плоть – как полагал Джордано Бруно – помещена внутрь души? Как размежевать дух и материю? Это всегда оставалось загадкой. Но как они могут существовать в неразрывном единстве – это еще более непостижимо.

Интересно, подумал лорд Генри, станет ли когда-нибудь психология настолько точной наукой, чтобы суметь объяснить нам природу самых неуловимых движений души? Ведь мы никогда не можем понять других и редко когда понимаем самих себя. Жизненный опыт не делает человека нравственнее. Опытом люди попросту называют свои ошибки. Моралисты же видят в опыте средство предостережения и считают, что он помогает формированию нравственности и характера человека. Они превозносят его за то, что он якобы учит нас, что можно делать, а чего нельзя. Но опыт не обладает побудительной силой. Он точно так же не побуждает к действию, как и совесть. По существу, он лишь помогает нам понять, что нас ожидает такое же будущее, каким было прошлое, и что совершенные нами когда-то грехи, которые мы считали отвратительными и за которые нам было стыдно, мы повторим еще много раз – но уже с удовольствием.

Лорд Генри был совершенно уверен, что научный анализ страстей возможен только с применением экспериментального метода и что Дориан Грей – в высшей степени подходящий и многообещающий объект для такого рода исследований. Внезапно вспыхнувшее чувство юноши к Сибилле Вейн с психологической точки зрения представляло собой необыкновенно интересный феномен. Несомненно, немалую роль в пробуждении этой любви сыграли любопытство и жажда новых ощущений, но это было далеко не полное объяснение. Лежащее в основе чувства Дориана стремление к противоположному полу, столь естественное для любого юноши его возраста, было, в результате работы воображения, трансформировано в нечто, кажущееся самому Дориану весьма далеким от чувственности, и именно поэтому его увлечение следовало считать опасным. Страсти, природу которых мы не можем понять,

делают нас своими рабами, в то время как чувствами, происхождение которых у нас не вызывает сомнений, мы управляем без труда. Впрочем, подумал лорд Генри не без иронии, зачастую, когда человеку кажется, будто он экспериментирует на других, на самом деле он экспериментирует на самом себе.

Размышления лорда Генри прервал почтительный стук в дверь, и появившийся на пороге камердинер напомнил ему, что пора переодеваться к обеду. Лорд Генри встал и посмотрел в окно. Заходящее солнце окрасило верхние этажи дома напротив в червонное золото, и стекла окон горели, словно листы раскаленного докрасна металла. Небо над крышами было блекло-розового цвета. Мысли лорда Генри снова возвратились к Дориану, к его расцвеченной в огненные тона юной жизни, и он в который раз спросил у себя, чем все это может закончиться.

Вернувшись домой около половины первого ночи, он нашел на столе в прихожей телеграмму, вскрыл ее и увидел, что она от Дориана Грея. В ней его юный друг сообщал ему о своей помолвке с Сибиллой Вейн.

Глава V

– Ах, мама, как я счастлива! – шептала Сибилла, уткнувшись лицом в колени поблекшей, усталого вида женщины, сидевшей спиной к назойливому, яркому свету в единственном кресле, имевшемся в убогой гостиной. – Я так счастлива, мама, и ты тоже должна чувствовать себя счастливой!

Миссис Вейн поморщилась, словно от боли, и, положив худые, неестественно белые от висмутовых белил руки на голову дочери, с горечью проговорила:

– Счастливой? Я счастлива, Сибилла, только когда вижу тебя на сцене. Ты не должна думать ни о чем, кроме театра. Мистер Айзекс к нам необычайно добр, а мы, между прочим, должны ему столько денег...

Девушка подняла голову и, надув губки, воскликнула:

– Ах, мама, что такое деньги в сравнении с любовью!

– Мистер Айзекс дал нам пятьдесят фунтов вперед, чтобы мы расплатились с долгами и смогли снарядить в дорогу Джеймса. Не забывай этого, Сибилла. Пятьдесят фунтов – это большая сумма. Мистер Айзекс нам очень помог.

– Но он не джентльмен, мама, и мне так неприятна его манера со мной разговаривать, – ответила девушка и, встав на ноги, подошла к окну.

– Не знаю, что бы мы делали без него, – ворчливо проговорила миссис Вейн.

Сибилла вскинула голову и рассмеялась:

– Он нам больше не нужен, мама. Теперь в нашей жизни все будет решать Прекрасный Принц.

И она вдруг умолкла. К лицу ее прихлынула кровь, вспыхнув розами на щеках, лепестки ее трепещущих губ раскрылись в учащенном дыхании. Казалось, над нею пронесся полуденный ветер страсти, всколыхнув складки ее элегантного платья.

– Я так люблю его, мама! – выдохнула она.

– Глупышка! Ах, какая же ты глупышка! – твердила, словно попугай, ее мать, сжимая и разжимая скрюченные, униженные дешевыми перстнями пальцы, что придавало ее словам какое-то зловещее звучание.

Но девушка опять рассмеялась, и в голосе ее зазвенела радость заключенной в золотую клетку птицы. Глаза ее засияли, подхватив и повторив мелодию смеха, затем сомкнулись, словно стараясь уберечь сокровенную тайну, а когда вновь открылись, были подернуты пеленой заветной мечты.

Ее мать, словно олицетворение узкогубой Мудрости, взывала к дочери из потертого кресла, умоляя ее проявлять благоразумие и осторожность, подкрепляя свои призывы цитатами из Книги малодушия, написанной автором, называющим себя Здравым Смыслом. Сибилла ее не слушала. Она чувствовала себя свободной как птица в своей темнице страсти. С ней был ее принц, ее Прекрасный Принц. Она призвала на помощь Память, чтобы воссоздать его образ. Она отправила свою душу на его поиски, и та привела его к ней. Его поцелуй вновь пылал на ее устах, и веки ее согревались его дыханием.

А Мудрость тем временем изменила тактику и стала говорить о необходимости навести справки и установить, кто он на самом деле, этот незнакомец. Молодой человек, надо полагать, богат. Если это действительно так, то уже нужно думать об оформлении с ним отношений. Но волны житейского опыта разбивались об ушные раковины Сибиллы, не попадая внутрь, стрелы умудренного коварства пролетали мимо нее. Она лишь видела, как движутся узкие губы Мудрости, но не слышала слов и улыбалась.

Внезапно она ощутила потребность что-то сказать в ответ. Собственное молчание на фоне потока обращенных к ней слов заставило девушку почувствовать себя неловко.

– Мама, ах, мама! – воскликнула она. – За что он так любит меня? Я-то знаю, за что полюбила его – за то, что он прекрасен, как сама Любовь, – но что он нашел во мне? Ведь я совершенно не стою его. И все же, хоть я и понимаю, что ниже его, почему-то, – сама не знаю, почему – я не чувствую себя приниженной. Я чувствую себя гордой, ужасно гордой! Мама, скажи, ты любила папу так же сильно, как я Прекрасного Принца?

Лицо ее матери вдруг побледнело под толстым слоем дешевой пудры, сухие губы искривила судорожная гримаса боли. Сибилла бросилась к ней, обняла ее и поцеловала.

– Прости меня, мамочка! Я знаю, как больно тебе говорить об отце. И я понимаю – это потому, что ты его так любила. Пожалуйста, не грусти! Сегодня я переполнена счастьем – наверно, как и ты двадцать лет назад. Ах, если бы счастье продолжалось всю жизнь!

– Дитя мое, ты слишком молода, чтобы думать о любви. К тому же, что тебе известно об этом молодом человеке? Ты даже не знаешь его имени. И вообще, у меня и без тебя хватает забот, особенно сейчас, когда Джеймс уезжает в Австралию. Право, ты должна думать и о других... Впрочем, как я уже сказала, если выяснится, что он богат...

– Ах, мама, мама, мне так хочется быть счастливой!

Миссис Вейн взглянула на дочь и с чисто театральной искусственностью, которая у актеров часто становится второй натурой, заключила ее в объятия. В этот момент отворилась дверь, и в комнату вошел коренастый, несколько неуклюжий юноша с взлохмаченными каштановыми волосами и большими руками и ногами. В нем не было и следа того изящества, которое отличало его сестру. Трудно было поверить, что они в таком близком родстве.

Миссис Вейн устремила свой взгляд на сына, и улыбка ее стала шире. Она воспринимала его в данный момент как публику и была уверена, что они с дочерью смотрятся очень эффектно.

– Могла бы оставить и для меня несколько поцелуев, Сибилла, – сказал юноша с шутливым упреком.

– Но ты же не любишь, когда тебя целуют, Джим, – отозвалась Сибилла. – Ты ведь у нас настоящий медведь!

Она подбежала к брату и обняла его. Джеймс Вейн нежно заглянул ей в глаза и сказал:

– Пойдем погуляем, Сибилла. Скорее всего, я больше никогда не увижу этот кошмарный Лондон, хотя и не жалею об этом.

– Джеймс, не надо говорить такие ужасные вещи, – пробормотала миссис Вейн и, вздохнув, принялась латать какое-то чудовищно безвкусное театральное платье. Она была немного разочарована, что Джеймс не присоединился к их с Сибиллой трогательной сцене – это намного увеличило бы ее театральный эффект.

– Я это говорю, потому что так думаю, мама.

– Но ты мне делаешь больно, Джеймс. Надеюсь, ты вернешься из Австралии состоятельным человеком. Мне кажется, в колониях нет приличного общества – во всяком случае, приличного общества в моем понимании, – поэтому, когда тебе удастся нажить состояние, сразу же возвращайся: ты сможешь добиться солидного положения только в Лондоне.

– Приличное общество! – пробурчал парень. – Очень оно мне нужно! Если и в самом деле удастся заработать деньжонок, то первое, что я сделаю, – заберу вас с Сибиллой из театра. Ненавижу его!

– Ах, Джим, какой ты ворчун! – засмеялась Сибилла. – Скажи, ты действительно хочешь пойти со мной погулять? Это было бы просто чудесно! А я думала, ты отправишься прощаться с друзьями – с твоим Томом Харди, который подарил тебе эту противную трубку, или с Недом Лэнгтоном, который смеется над тобой за то, что ты ее куришь. С твоей стороны очень мило, что последний свой день ты решил провести со мной. И куда мы пойдем? Слушай, давай погуляем в Гайд-Парке!

– Нет, я слишком для этого плохо одет, – хмуро ответил Джеймс. – В Гайд-Парке гуляет только шикарная публика.

– Глупости, Джим! – шепнула ему Сибилла, поглаживая рукав его куртки.

– Ну, ладно, – согласился Джеймс после минутного колебания. – Иди одевайся, только не очень долго.

Сибилла, пританцовывая, выпорхнула из гостиной и, напевая, взбежала по лестнице. Вскоре ее легкие шаги послышались в комнате наверху.

Джеймс несколько раз прошелся взад и вперед по комнате, затем повернулся к неподвижной фигуре в кресле и спросил:

– Кажется, все готово к моему отъезду?

– Да, Джеймс, – односложно ответила миссис Вейн, не поднимая глаз от шитья.

Последние месяцы миссис Вейн чувствовала себя как-то неловко, оставаясь наедине со своим суровым и прямолинейным сыном. Человек по природе своей неглубокий и неискренний, она приходила в смятение, когда их взгляды встречались, и не раз задавала себе вопрос: не подозревает ли он чего-нибудь? А он между тем не произносил больше ни слова, и их молчание становилось невыносимым. Тогда заговорила она, напустившись на него с жалобами и упреками. У женщин лучший способ защиты – нападение, а лучший способ нападения – внезапное и необъяснимое отступление.

– Учти, Джеймс, ты сам себе выбрал жизнь моряка, – произнесла миссис Вейн, – так что ни на кого не пеняй, если она покажется тебе не слишком сладкой. А ведь ты мог бы поступить в контору какого-нибудь адвоката. Адвокаты пользуются большим уважением в обществе, их приглашают обедать в самые лучшие дома.

– Ненавижу конторы и ненавижу чиновников, – буркнул Джеймс. – И ты совершенно права – я сам выбрал себе такую жизнь. А тебе я скажу одно: береги Сибиллу. Заботься о том, чтобы ничего плохого с ней не случилось. Хорошенько смотри за ней.

– Не понимаю, зачем ты все это говоришь, Джеймс. Разумеется, я буду присматривать за Сибиллой.

– Я слышал, что в ваш театр повадился какой-то молодой человек и что он взял моду заглядывать к ней за кулисы. Это правда? Что ему от нее нужно?

– Ах, Джеймс, ты в этих вещах ничегошеньки не понимаешь. Мы, актеры, привыкли, чтобы нам оказывали внимание. Мне тоже когда-то дарили цветы. В те времена умели ценить искусство игры. Ну а что касается Сибиллы... Я не знаю, насколько серьезно ее чувство. Но этот молодой человек – без сомнения, настоящий джентльмен. Он всегда так учтив со мной. И по всему заметно, что он богат. А какие чудесные цветы он присылает Сибилле!

– Но ты даже не знаешь его имени! – с напором воскликнул юноша.

– Да, не знаю, – с безмятежным спокойствием ответила его мать. – Он пока еще не открыл своего настоящего имени. Но мне кажется, это даже романтично. У меня такое впечатление, что он из аристократических кругов.

Джеймс Вейн закусил губу, стараясь себя сдержать.

– Береги Сибиллу, мама! – снова повторил он. – Присматривай за ней!

– Джеймс, ты меня обижаешь своими словами. Разве я мало забочусь о Сибилле? А кроме того, если этот джентльмен богат, почему бы ей и не принимать его ухаживаний? Я уверена, он знатного рода. Это по всему видно. Сибилла может сделать блестящую партию, и они будут замечательной парой. Он действительно на редкость красив – все это замечают.

Джеймс проворчал что-то себе под нос и стал барабанить пальцами по оконному стеклу. Когда он вновь повернулся к матери, собираясь ей что-то сказать, отворилась дверь и в комнату вбежала Сибилла.

– Что это вы такие серьезные? – спросила она. – Надеюсь, ничего не случилось?

– А что может случиться? – отозвался Джеймс. – Должны же люди хоть иногда быть серьезными. До свидания, мама. Обедать я буду в пять. У меня все уложено, кроме рубашек, так что ты ни о чем не беспокойся.

– До свидания, Джеймс, – ответила миссис Вейн, кивнув сыну с величественно-холодным видом. Ей очень не понравился тон, которым он разговаривал с ней, и что-то в выражении его лица пугало ее.

– Поцелуй меня, мама, – сказала Сибилла. Ее губы, нежные, как лепестки цветка, коснулись увядшей щеки и растопили иней на ней.

– Моя девочка, моя дорогая девочка! – воскликнула миссис Вейн, поднимая глаза к потолку – туда, где сидела воображаемая галерка.

– Пойдем скорее, Сибилла! – нетерпеливо произнес Джеймс. Он терпеть не мог аффектаций любого рода.

Они вышли из дому и отправились по унылой Юстон-Роуд к центру города. Солнце, стараясь пробиться сквозь гонимые ветром тучи, то гасло, то вновь ярко вспыхивало. Прохожие удивленно посматривали на угрюмого, нескладного парня в дешевом, плохо сшитом костюме и шедшую рядом с ним изящную, грациозную девушку. Эта странная пара напоминала какого-нибудь увальня-садовника с изысканной розой.

Джим хмурился, ловя на себе любопытные взгляды. Как и все простые люди, он не любил, когда на него глазели, – в отличие от знаменитостей, которым всеобщее внимание приедается лишь на закате дней. Сибилла же совершенно не замечала, что ею любуются. Она то и дело смеялась, и в смехе ее звенела радость любви. Думать она могла об одном лишь Прекрасном Принце, но, чтобы оставаться с ним наедине в своих мыслях, говорила о чем угодно, но только не о нем, – и о корабле, на котором поплывет Джеймс, и о золоте, которое он непременно найдет в своих скитаниях, и о прекрасной наследнице огромного состояния, которую он спасет от австралийских разбойников в красных рубашках. Сибилла и мысли не допускала, что Джеймс может проплавать всю жизнь простым матросом или, в лучшем случае, боцманом. О нет, это не для него – ведь жизнь моряка ужасна! Как это страшно – быть прикованным к кораблю, когда его с грозным ревом атакуют гигантские волны, а свирепый ветер ломает, как спички, высокие мачты и рвет на узкие полосы паруса! Как только корабль бросит якорь в Мельбурне, Джеймс, вежливо распрощавшись с капитаном, отправится, не теряя ни секунды, на золотые прииски. Не пройдет и недели, как он набредет на самородок чистого золота, крупнее которого еще никто и никогда не находил, и под охраной шести конных полицейских перевезет его в фургоне на побережье. По пути на них трижды будут нападать разбойники, но все атаки они отобьют с большими для нападающих потерями... Впрочем, нет, ни на какие прииски он не поедет, ведь прииски – ужасное место: там люди собираются в барах и пьянствуют, а затем стреляют и убивают друг друга; там немилосердно все сквернословят. Пусть лучше Джеймс станет фермером и займется разведением овец. Однажды вечером, возвращаясь с пастбищ домой, он увидит, как разбойник на черном коне насильно увозит прекрасную девушку, наследницу несметных богатств. Он бросится за ним вдогонку и спасет красавицу. Она, конечно, полюбит его, а он ее, они обвенчаются, а затем вернутся на родину и будут жить в Лондоне, в огромном доме. Да, Сибилла была уверена – Джеймса ждет прекрасное будущее. Но ему нужно быть очень прилежным, никогда не терять самообладание и не тратить попусту деньги.

– Хотя я старше тебя всего лишь на год, – продолжала Сибилла, – жизнь я знаю намного лучше, чем ты, так что заруби на носу все, что я тебе сказала. Смотри не забывай мне писать с каждой почтой и обязательно молись перед сном. Господь Бог всемилостив и будет беречь тебя, а я тоже буду молиться за тебя каждый вечер. Пройдет немного лет, и ты вернешься домой богатым и счастливым.

Джеймс слушал сестру с угрюмым видом и ничего не говорил в ответ. Он уезжал из дома с тяжелым сердцем. Но хмурился он не только из-за предстоящей разлуки. При всей своей неопытности юноша остро чувствовал, что Сибилле угрожает опасность. От этого молодого денди, который за ней ухаживает, ничего хорошего ждать не приходится. Он ведь джентльмен – и уже поэтому Джеймс ненавидел его, ненавидел безотчетно, в силу какого-то врожденного инстинкта, им не вполне сознаваемого, а потому и всевластного. К тому же, зная легкомысленный и тщеславный характер матери, он видел в этом потенциальную опасность для Сибиллы и ее счастья. В детстве мы очень любим родителей; взрослея, начинаем их осуждать, а вот прощаем их не так уж часто.

Джеймсу давно хотелось задать матери один вопрос – вопрос, который мучил его вот уже много месяцев. Случайная фраза, услышанная им в театре, глумливый шепот, донесшийся до его ушей однажды вечером, когда он ждал мать у входа в артистическое фойе, породили у него целый ворох пугающих подозрений. Даже воспоминание об этой минуте обжигало его, как удар хлыста по лицу. Он тесно сдвинул брови, так что между ними образовалась глубокая, клинообразная складка, и с гримасой боли закусил нижнюю губу.

– Ты меня совсем не слушаешь, Джим! – воскликнула Сибилла. – А я стараюсь, строю для тебя такие чудесные планы на будущее! Ну, скажи мне хоть что-нибудь!

– Что, например?

– Ну хотя бы пообещай быть хорошим мальчиком и не забывать нас, – ответила с улыбкой Сибилла.

Джеймс пожал плечами:

– Скорее ты забудешь меня, а не я тебя.

Щеки Сибиллы залил румянец:

– Что ты этим хочешь сказать, Джим?

– Да вот, говорят, у тебя появился дружок. Хотел бы я знать, кто он такой. Почему ты мне о нем ничего не рассказываешь? Чует мое сердце, к добру это знакомство не приведет.

– Прекрати, Джим! – воскликнула Сибилла. – Ты не должен плохо о нем говорить. Я люблю его.

– Тебе даже имя его неизвестно, – проворчал Джеймс. – И все же, кто он такой? Уж я-то имею право знать.

– Его звать Прекрасный Принц. Правда, чудесное имя? Запомни его навсегда, глупый мальчик. Если б ты увидел моего Принца, то сразу бы понял, что лучше никого нет на свете. Вот вернешься из Австралии, и я вас обязательно познакомлю. Он очень тебе понравится, Джим. Он всем нравится, ну а я... я люблю его. Как жаль, что ты сегодня не сможешь пойти в театр. Он обещал приехать, и я сегодня играю Джульетту. Ах, как я ее сыграю! Ты только представь себе, Джим, до чего это замечательно: быть влюбленной – и играть Джульетту, да еще когда в зале присутствует он! Какое счастье играть для него! Я сегодня заставлю рыдать всю публику! Я приведу всех в восторг! Любить – значит превосходить самого себя. Этот ужасный мистер Айзекс будет кричать «она гений!» всем тем бездельникам, что вечно толкуются у него в баре. Он всегда верил в меня, ну а сегодня я всех поражу. Я это чувствую. И все это ради него, ради него одного, моего Прекрасного Принца, моего возлюбленного, моего божества!.. Я чувствую себя такой бедной рядом с ним. Впрочем, бедность, богатство – какое это имеет значение?! Народная мудрость гласит: когда бедность вползает в дверь, любовь влетает в окно⁴⁸. Наши пословицы следовало бы переделать. Их придумывали

---

⁴⁸ Сибилла перефразирует эту английскую поговорку; на самом деле она звучит так: «Когда бедность входит в дверь, любовь вылетает в окно», то есть имеет прямо противоположный смысл, примерно соответствующий русской поговорке: «Худ роман, когда пуст карман».

зимой, а теперь лето... Хотя для меня сейчас весна, время цветочных хороводов под голубым небом.

- Но он ведь джентльмен, – враждебно произнес Джеймс.
- Он Принц! – воскликнула, будто пропела, Сибилла. – И этим все сказано.
- Он хочет сделать тебя своей рабой.
- А я содрогаюсь при одной только мысли быть снова свободной.
- Остерегайся его, Сибилла!
- Увидев его, невозможно не боготворить его; узнав его, невозможно ему не верить.
- Вижу, Сибилла, он совсем лишил тебя разума.

Сибилла рассмеялась и взяла его под руку.

– Мой дорогой брат, ты рассуждаешь, как столетний старик. Когда-нибудь ты и сам полюбишь и тогда поймешь, какое это волшебное чувство. Ну не дуйся, прошу тебя. Ты бы радоваться должен, что, хоть и уезжаешь из родного дома, можешь видеть меня такой счастливой. Для нас жизнь всегда была несладкой. Ничего, кроме трудов и лишений, мы с тобой до сих пор не знали. Но теперь все будет иначе. И мне не надо уезжать в поисках нового мира, как тебе, – я уже обрела его здесь... Смотри, освободилось два места; давай сядем и будем смотреть на прохожих – они так нарядно и модно одеты.

Они сели и, как все остальные, стали глазеть на гуляющую публику. Тюльпаны на клумбах с другой стороны дороги пылали дрожащими языками пламени. В воздухе висела белая пыль, словно зыбкое облако ароматной пудры из фиалкового корня. Огромными бабочками порхали над головами разноцветные зонтики.

Сибилла настойчиво расспрашивала брата о его надеждах и планах. Джеймс отвечал медленно и неохотно. Они обменивались словами, как играющие в шашки обмениваются ходами. Сибилле хотелось заразить Джеймса кипящей в ней радостью, но единственным откликом, который ей удалось у него вызвать, была вымученная улыбка на его хмуром лице.

Вдруг ее внимание привлекло прекрасное лицо в обрамлении золотистых волос и столь знакомая ей улыбка: мимо в открытом экипаже проехал Дориан Грей с двумя дамами.

Сибилла импульсивно вскочила и вскрикнула:

- Это он!
- Кто? – спросил Джим Вейн.
- Прекрасный Принц! – ответила она, провожая глазами коляску.

Джим тоже вскочил и, крепко ухватив ее за руку повыше локтя, воскликнул:

- Где он? Покажи мне его! Я должен его увидеть!

Но в эту минуту появился запряженный четверкой экипаж герцога Берикского, заслонивший коляску Дориана, а когда герцог проехал, коляски уже не было в парке.

- Уехал! – огорченно проговорила Сибилла. – Как жаль, что ты его не увидел!
- Мне тем более жаль. Потому что, если он тебя обидит, клянусь Богом, я убью его.

Она в ужасе взглянула на брата. А тот повторил свою угрозу. Слова его со свистом прорезали воздух, словно кинжал, и люди стали оглядываться на них. Стоявшая рядом женщина захихикала.

– Пойдем отсюда, Джим, – прошептала Сибилла и стала пробираться через толпу; Джим покорно шел вслед за ней. Он высказал все, что думал, и на душе у него стало легче.

Когда они дошли до статуи Ахилла, девушка повернулась к брату. В глазах ее было огорчение, но на губах играла улыбка. Она укоризненно покачала головой и сказала:

– Какой же ты глупый, Джим, – глупый и злой мальчишка. Как ты можешь говорить такие ужасные вещи! Ты сам не понимаешь, что говоришь. Ты просто ревнуешь, поэтому и злишься. Ах, как бы я хотела, чтобы ты кого-нибудь полюбил! Любовь делает человека добрее, а твои слова были недобрые.

– Мне уже шестнадцать, – возразил Джим, – и я знаю, что говорю. Мать тебе не поможет. Она не сумеет тебя уберечь. Я уже начинаю жалеть, что уезжаю. Не подпиши я контракта, я послал бы к черту эту Австралию и остался бы здесь.

– Не надо столько трагизма, Джим! Ты похож на героев тех глупых мелодрам, в которых так любила играть мама. Но мне не хочется с тобой ссориться. Я ведь увидела его, а для меня это такое счастье! Прошу тебя, давай не будем ссориться. Я знаю – ты не сможешь причинить зло человеку, которого я люблю, ведь правда, Джим?

– Наверное, не смогу, если ты его действительно любишь, – ответил он нехотя.

– Я буду вечно его любить! – воскликнула Сибилла.

– А он тебя?

– И он тоже.

– Пусть только попробует обидеть тебя!

Сибилла невольно отпрянула от него. Но тут же рассмеялась и доверчиво сжала ему руку – ведь он еще сущий ребенок.

У Мраморной арки они сели в омнибус и вышли недалеко от своего убогого дома на Юстон-Роуд. Был уже шестой час, и Сибилле полагалось прилечь на часок-другой перед спектаклем. Джим настоял, чтобы и этот вечер не был исключением – тогда он сможет проститься с нею наедине. А матушка не преминула бы разыграть слезливую сцену, чего он терпеть не мог.

В комнате Сибиллы они и расстались. В сердце юноши продолжала кипеть ревность и ненависть к незнакомцу, вставшему между ними, но, когда Сибилла прильнула к нему и провела рукой по его взлохмаченным волосам, Джим смягчился и поцеловал ее с искренней нежностью. Когда он спускался по лестнице, в глазах его стояли слезы.

Внизу его дожидалась мать и, когда он вошел, стала упрекать его за опоздание. Джеймс ничего не ответил и принялся за скудный обед. По застиранной, в пятнах, скатерти ползали мухи и надоедливый роем вились над столом. Сквозь громохание омнибусов и стук колес кебов Джеймс слышал монотонный голос матери. Так, одна за другой, уходили его последние минуты перед отъездом.

Поев, он отодвинул от себя тарелку и молча сидел, подперев голову руками. Он убеждал себя, что должен решиться и, пока еще есть время, узнать наконец всю правду. Если его подозрения обоснованны, то матери давно следовало сказать ему об этом. Миссис Вейн наблюдала за ним, догадываясь, о чем он думает, и с ужасом ожидала его вопросов. Слова механически слетали с ее губ, пальцы комкали изорванный кружевной платочек. Когда часы пробили шесть, Джим встал и направился к двери. Но по дороге остановился и оглянулся на мать. Взгляды их встретились, и в глазах ее он прочел горячую мольбу о пощаде. Это только подлило масла в огонь.

– Мама, я хочу задать тебе один вопрос, – начал он.

Миссис Вейн ничего не сказала в ответ, глаза ее бегали.

– Скажи мне, мама, ты была замужем за моим отцом? Я ведь имею право это знать.

У миссис Вейн вырвался глубокий вздох. Это был вздох облегчения. Ужасная минута, ожидание которой омрачало ей жизнь вот уже столько месяцев, наконец наступила, и страх ее вдруг исчез. Она была даже разочарована. Откровенная прямота вопроса требовала столь же прямого ответа. Боже, какая жалость – сцена была слишком внезапна и не подготовлена должным образом! Это напоминало ей неудачную репетицию.

– Нет, не была, – отвечала она, сожалея в душе, что в жизни все так грубо и просто.

– Так, значит, он был негодяй? – воскликнул юноша, невольно сжимая кулаки.

Мать покачала головой:

– Вовсе нет. Я знала, что он не свободен. Но, Боже, как мы любили друг друга! Если бы он не умер, он обязательно бы о нас позаботился. Не осуждай его, сынок. Он был твоим отцом и настоящим джентльменом. И он был очень влиятельным человеком.

У Джеймса вырвалось проклятие.

– Мне все равно, что со мной будет, – воскликнул он, – но мне важно, чтобы ничего не случилось с Сибиллой! Тот тип, который в нее влюблен или, во всяком случае, так говорит, – он ведь тоже настоящий джентльмен? И у него, конечно, тоже высокое положение в обществе?

На какое-то мгновение его матерью овладело унижительное чувство стыда. Голова ее опустилась, она трясущимися руками смахнула слезы со щек.

– У Сибиллы есть мать, – едва слышно проговорила она. – А у меня ее не было.

Джеймса пронзило острое чувство жалости. Он подошел к матери, наклонился к ней и поцеловал ее.

– Прости, мама, если я сделал тебе больно, – сказал он. – Но я не мог не спросить... Ну, что ж, мне пора. Прощай, мама! Теперь тебе надо будет заботиться только об одном твоём ребенке. Но будь уверена: если этот джентльмен обидит сестру, я все равно узнаю, кто он такой, разыщу его и убью, как собаку. Клянусь тебе в этом!

Мелодраматическое звучание угрозы и страстная порывистость жестов, сопровождавших слова Джеймса, пришлись миссис Вейн по душе: такие вещи, по ее убеждению, украшают жизнь. Она почувствовала себя в своей стихии и вздохнула свободнее. Впервые за многие месяцы она искренне восхищалась сыном. Ей бы хотелось продлить эту сцену на том же эмоциональном накале, но Джим круто оборвал разговор. Нужно было еще разыскать теплые шарфы, без которых не обойтись в таком путешествии, и пора было сносить чемоданы вниз. Слуга при меблированных комнатах, где они жили, помогал им и то вбегал в дом, то выбегал из него. Затем пришлось торговаться с извозчиком. Сцена прощания была испорчена подобного рода прозаическими мелочами. И миссис Вейн не без чувства разочарования махала из окна своим изорванным кружевным платочком вслед уезжавшему сыну. Какая возможность упущена! Она утешилась лишь тогда, когда с большим чувством продекламировала Сибилле, как она несчастна, оставшись без сына, и насколько дороже теперь ей станет единственная ее дочь. Ей понравилось, как это прозвучало, и она решила запомнить произнесенные ею слова, чтобы повторить их при первом же удобном случае. Об угрозе в адрес Прекрасного Принца, хоть она и прозвучала эффектно и мелодраматично, миссис Вейн умолчала. Она надеялась, что угроза эта пустая и когда-нибудь все они, включая Джеймса, только посмеются над нею.

Глава VI

– Надеюсь, ты уже слышал эту потрясающую новость, Бэзил? – такими словами лорд Генри встретил вечером того же дня Холлуорда, когда того провели в отдельный кабинет ресторана «Бристоль», где был сервирован обед на троих.

– Нет, Гарри. И что же это за новость? – спросил художник, вручая пальто и шляпу почтительно поклонившемуся официанту. – Надеюсь, не политическая? Политика меня не волнует. В палате общин едва ли найдется хоть один человек, на которого художнику стоило бы расходовать краски. Правда, со многих из них краска облезла, и их не мешало бы слегка подкрасить.

– А новость та, что Дориан Грей помолвлен, – произнес лорд Генри, наблюдая за реакцией Холлуорда.

Холлуорд вздрогнул и нахмурился.

– Дориан! Помолвлен! – воскликнул он. – Не может быть!

– Тем не менее это правда.

– И с кем же?

– С какой-то актриской.

– Мне просто не верится. Дориан не до такой степени безрассуден.

– Напротив, дорогой Бэзил, Дориан достаточно рассудителен, чтобы время от времени делать глупости.

– Но брак, Гарри, – не из разряда тех глупостей, которые делают время от времени!

– В Америке, например, так не думают, – томным голосом произнес лорд Генри. – Впрочем, я ведь не утверждал, что Дориан женится. Я лишь сказал, что он помолвлен, то есть намерен жениться, а это не одно и то же. Я, например, хорошо помню, что женился, но не припоминаю, чтобы был помолвлен, а поэтому склонен думать, что такого намерения у меня не было.

– Ты только подумай, Гарри, о происхождении Дориана, о его богатстве и положении в обществе! Такой неравный брак для него – это просто безумие!

– Если хочешь, чтобы он и в самом деле женился на этой девушке, скажи ему то, что сказал сейчас мне. Тогда такой финал неизбежен. Самые нелепые поступки человек совершает из самых благороднейших побуждений.

– Но она хоть порядочная девушка? Было бы прискорбно, если бы Дориан связал себя на всю жизнь с какой-нибудь недостойной девицей и опустил бы как в нравственном, так и в умственном отношении.

– Порядочная ли она девушка, я не знаю, зато знаю, что очень красива, а это гораздо важнее, – проговорил лорд Генри, потягивая из стакана вермут. – Я лично ее не видел, но Дориан называет ее красавицей, и в этом отношении ему можно верить. Портрет, который ты с него написал, научил его ценить красоту и в других людях. Звучит парадоксально, но это действительно так. Сегодня вечером мы увидим его избранницу воочию – разумеется, если он не забыл про наш уговор.

– Ты все это говоришь серьезно, Гарри?

– Совершенно серьезно, Бэзил. Не дай Бог, чтобы мне довелось когда-нибудь в будущем говорить еще серьезнее, чем сейчас.

– Но неужели ты одобряешь его помолвку, Гарри? – спросил художник, расхаживая по маленькой комнате и нервно покусывая губы. – Я в это никогда не поверю. Наверно, это просто юношеское увлечение.

– У меня нет привычки что-либо одобрять или осуждать. Такое отношение к жизни было бы просто абсурдным. Мы посланы в сей мир не для того, чтобы навязывать свои нрав-

ственные предрассудки. Я не придаю никакого значения тому, что говорят заурядные люди, и никогда не вмешиваюсь в жизнь незаурядных людей. Если человек меня восхищает, то все, в чем он себя проявляет, я нахожу прекрасным. Дориан Грей влюбился в красивую девушку, которая играет Джульетту, и хочет жениться на ней. почему бы и нет? Женись он хоть на самой Мессалине⁴⁹ – от этого он не станет мне менее интересен. Вообще-то я, как ты знаешь, не сторонник брака. Главный его недостаток в том, что он делает человека неэгоистичным. А люди неэгоистичные бесцветны, им не хватает индивидуальности. В то же время есть такие сложные натуры, которых супружеская жизнь делает еще сложнее. Они не только сохраняют свой эгоизм, но и добавляют к нему множество других «эго». Такой человек вынужден жить более чем одной жизнью и становится личностью высокоорганизованной, а в этом, я полагаю, и заключается цель нашего существования. Кроме того, приобретенный опыт всегда полезен, а семейная жизнь, что бы против нее ни говорили, – это, безусловно, ценнейший жизненный опыт. Хочу надеяться, что девушка эта все-таки выйдет за Дориана. Полгода он будет от нее без ума, после чего увлечется другой. Словом, он будет представлять собой интереснейший объект для изучения.

– Надеюсь, Гарри, ты все это говоришь не всерьез. Ведь если жизнь Дориана будет испорчена, тебя это огорчит намного больше других. Ты ведь гораздо лучше, чем хочешь казаться.

Лорд Генри рассмеялся.

– Мы стараемся думать хорошо о других лишь потому, что опасаемся за себя. В основе оптимизма лежит обыкновеннейший страх. Мы приписываем нашим ближним те добродетели, из которых можем извлечь для себя выгоду, хотя и воображаем, что делаем это из великодушия. Хвалим банкира, чтобы он позволил нам превысить кредит в его банке, и находим привлекательные качества у разбойника с большой дороги в надежде, что он пощадит наши карманы. Поверь, Бэзил, я говорю тебе то, что думаю, а к оптимизму отношусь с величайшим презрением. Ты боишься, что жизнь Дориана будет испорчена, а, по-моему, испорченной можно считать лишь такую жизнь, которая остановилась в своем развитии. Исправлять или переделывать человеческую природу – значит только ухудшать ее. Ну а что касается брачных уз, то мужчину и женщину могут связывать гораздо более прочные узы, чем эти, и между ними могут существовать намного более интересные отношения; в случае же Дориана я всячески буду их поощрять... А вот и сам он! От него ты узнаешь больше, чем от меня.

– Гарри, Бэзил, друзья мои, можете меня поздравить! – были первые слова Дориана; сбросив с себя подбитую шелком накидку и пожав обоим руки, он продолжал: – Никогда еще я не был так счастлив. Разумеется, все это довольно неожиданно, как неожиданно все чудесное в мире, но мне кажется, это чудо я искал всю свою жизнь.

Он порозовел от радостного возбуждения и был необыкновенно хорош собой.

– Надеюсь, Дориан, вы будете счастливы в семейной жизни, – сказал Холлуорд, – но почему вы не сообщили мне о вашей помолвке? Это непростительно с вашей стороны. Ведь Гарри вы об этом сказали.

– Еще непростительнее то, что вы опоздали к обеду, – прервал его лорд Генри; затем, положив руку на плечо Дориану и улыбаясь, сказал: – Ладно, давайте-ка лучше сядем и посмотрим, чем нас порадует новый шеф-повар этого заведения, а вы нам расскажете все по порядку.

– Да тут и рассказывать нечего, – начал Дориан, когда они сели за небольшой круглый стол. – Вот как это произошло. Вчера вечером, после того как мы с вами расстались, Гарри, я съездил домой переодеться, затем пообедал в том итальянском ресторанчике на Руперт-стрит, который узнал благодаря вам, а в восемь отправился в театр. Сибилла играла Роза-

---

⁴⁹ Мессалина (I в. до н. э.) – третья жена римского императора Клавдия, известная своим распутством и жестокостью.

линду. Декорации были, конечно, ужасные, а Орlando просто смешон. Но Сибилла была бесподобна! Ах, если бы вы ее видели! В костюме мальчика она выглядела просто прелестно. На ней была зеленая бархатная куртка с рукавами светло-коричневого цвета, коричневые чулки, изящная зеленая шапочка с соколиным пером и плащ с капюшоном на темно-красной подкладке. Никогда еще она не казалась мне настолько обворожительной! Она выглядела хрупкой и грациозной, напоминая танагрскую статуэтку⁵⁰, которую я видел у вас в студии, Бэзил. Волосы обрамляли ее лицо, как темные листья бледную розу. А как она играла!.. Впрочем, вы сами сегодня увидите ее на сцене. Она просто прирожденная актриса. Я сидел в этой убогой ложе совершенно околдованный. Забыл, что я в Лондоне, что теперь девятнадцатый век. Я был с моей возлюбленной далеко-далеко, в дремучем лесу, где не ступала нога человека. После спектакля я пошел к ней за кулисы, мы сидели рядом и разговаривали, и вдруг в ее глазах появилось выражение, какого я никогда раньше не видел. Губы мои нашли ее губы. Мы поцеловались. Не могу вам передать, что я чувствовал в тот момент. Казалось, жизнь остановилась и этот миг сладостного блаженства будет длиться до конца моих дней. Сибилла трепетала всем своим телом, как белый нарцисс на ветру. Затем опустилась на колени и стала целовать мне руки. Знаю, мне не следовало бы вам рассказывать все это, но я не могу удержаться... Помолвка наша, разумеется, – строжайший секрет; Сибилла даже матери ничего не сказала. Не знаю, как отнесутся к этому мои опекуны. Лорд Рэдли, наверно, ужасно разгневается. Ну и пусть, мне все равно! Меньше чем через год я стану совершеннолетним и смогу делать все, что мне заблагорассудится. Ну, скажите, Бэзил, разве я был не прав, выбрав любимую в поэзии и найдя себе супругу в шекспировских пьесах? Уста, которые научил говорить сам Шекспир, шептали мне на ухо свои заветные тайны. Меня обнимали руки Розалинды, и я целовал Джульетту.

– Да, Дориан, пожалуй, вы были правы, – медленно проговорил Холлуорд.

– А сегодня вы с ней виделись? – поинтересовался лорд Генри.

Дориан Грей покачал головой:

– Вчера я оставил ее в Арденнских лесах, а сегодня встречу в садах Вероны.

Лорд Генри отпил немного шампанского и с задумчивым видом спросил:

– А в какой конкретно момент вы ей впервые упомянули о том, что хотите на ней жениться? И что она вам ответила? Или, может быть, все это уже изгладилось из вашей памяти?

– Дорогой Гарри, я не делал ей официального предложения и не воспринимал наш разговор как какую-то сделку. Я просто сказал, что люблю ее, а она ответила, что недостойна быть моей женой. Недостойна? Она-то? Господи, да для меня целый мир – ничто по сравнению с ней!

– Женщины – удивительно практичный народ, – заметил лорд Генри. – Они намного практичнее нас, мужчин. Мы в такие минуты зачастую забываем, что от нас ждут предложения руки и сердца, но женщины всегда нам напоминают.

Холлуорд остановил его:

– Не надо, Гарри, ты только злишь Дориана. Он не такой, как другие; у него слишком возвышенная душа, чтобы он мог причинить кому-нибудь боль.

Лорд Генри посмотрел через стол на Дориана.

– Дориан никогда на меня не злится, – улыбнулся он. – Я задал ему этот вопрос по очень простой причине – собственно, единственной причине, оправдывающей любые вопросы: из чистого любопытства. Хотел проверить правильность своей теории о том, что обычно не

---

⁵⁰ Танагрская статуэтка – небольшая терракотовая статуэтка; такие статуэтки были найдены в греческом городе Танагра, относятся они к IV-III вв. до н. э.

мы делаем женщинам предложение, как это принято думать, а они нам. Средние классы, естественно, являются исключением. Но ведь средние классы отстали от века.

Дориан Грей рассмеялся и покачал головой:

– Вы неисправимы, Гарри, но сердиться на вас и в самом деле невозможно. Когда увидите Сибиллу Вейн, вы поймете, что обидеть ее способен лишь негодяй, человек без сердца. Я не представляю себе, чтобы кто-нибудь мог опозорить ту, кого любит. А я люблю Сибиллу Вейн всем сердцем. Я хотел бы поставить ее на золотой пьедестал, чтобы видеть, как весь мир боготворит женщину, принадлежащую мне. Что такое, в сущности, брак? Обет нерушимой верности. Вам смешно? Не смейтесь, Гарри! Именно такой обет я и хотел бы дать своей любимой. Ее доверие обязывает меня быть ей верным, а ее вера в меня делает меня лучше! Когда Сибилла со мной, я стыжусь всего того, чему вы, Гарри, научили меня; я становлюсь совершенно иным. Да, при одном прикосновении ее руки я забываю и о вас, и о ваших парадоксальных, восхитительных, отравляющих, завораживающих теориях.

– Каких, например? – спросил лорд Генри, принимаясь за салат.

– Ну, например, о жизни, о любви, о наслаждении. Да, собственно, обо всех ваших теориях, Гарри.

– Единственное, о чем стоит теоретизировать, – так это о наслаждении, – произнес лорд Генри своим томным, мелодичным голосом. – Увы, теорию наслаждения я не вправе приписывать себе. Автор ее не я, а Природа. Наслаждение – это тот пробный камень, которым она испытывает человека, и в то же время это знак ее благоволения к нему. Когда мы счастливы, мы кажемся себе хорошими людьми, но не все хорошие люди счастливы.

– Ну и кого же ты называешь хорошим человеком? – спросил Бэзил Холлуорд.

– Ив самом деле, – поддержал его Дориан, откинувшись на спинку стула и глядя на лорда Генри поверх пышного букета лиловых ирисов, стоящего посреди стола, – кто, по-вашему, может считаться хорошим?

– Быть человеком хорошим – значит быть в гармонии с самим собой, – ответил лорд Генри, касаясь ножки бокала своими тонкими белыми пальцами. – А кто вынужден быть в гармонии с другими, тот в разладе с самим собой. Для человека главное – его собственная жизнь. Ханжи и пуритане могут, конечно, навязывать свои нравственные принципы другим, но я утверждаю, что вмешиваться в жизнь наших ближних – вовсе не наше дело. Индивидуализм – вот высшая цель. Современная мораль требует от нас, чтобы мы разделяли общепринятые взгляды своей эпохи. Я же считаю, что культурный человек не может разделять общепринятых взглядов, а если разделяет, он в высшей степени аморален.

– Но согласись, Гарри, что человек, живущий только для самого себя, платит за это слишком дорого, – заметил художник.

– Да, в нынешние времена за все приходится платить слишком много. Пожалуй, настоящая трагедия бедных заключается в том, что они не могут позволить себе ничего, кроме самоотречения. Красивые грехи, как и красивые вещи, – привилегия одних лишь богатых.

– Когда живешь только для одного себя, расплачиваешься не деньгами, а кое-чем другим.

– И чем же, Бэзил?

– Ну, я думаю, угрызениями совести, страданиями, сознанием происходящей в тебе деградации личности.

Лорд Генри пожал плечами.

– Милый мой, средневековое искусство великолепно, но средневековые представления устарели. Конечно, их можно использовать в литературе, но в литературе всегда применялось лишь то, что вышло из употребления. Поверь, цивилизованный человек никогда не сожалеет о том, что предавался наслаждениям, а человек нецивилизованный просто не знает, что такое наслаждение.

– Я теперь знаю, что такое наслаждение! – воскликнул Дориан Грей. – Это – когда кого-нибудь обожаешь.

– Разумеется, это лучше, чем быть обожаемым, – ответил лорд Генри, выбирая себе фрукты. – Когда тебя обожают, это настоящая мука. Женщины относятся к нам, мужчинам, точно так же, как человечество к своим богам: они нам поклоняются и в то же время постоянно от нас чего-то требуют.

– По-моему, то, чего они от нас требуют, они первые же нам и отдают, – произнес Дориан как-то очень серьезно. – Они пробуждают Любовь в наших душах и вправе от нас ее требовать.

– Абсолютная правда, Дориан! – воскликнул Холлуорд.

– Абсолютной правды не бывает, – возразил лорд Генри.

– Нет, бывает, Гарри, – настаивал Дориан Грей. – Вы же не станете отрицать, что женщины отдают мужчинам самое драгоценное в своей жизни.

– Может быть, – вздохнул лорд Генри. – Но они всегда требуют отданное ими назад, причем разменной монетой. В этом-то все и дело! Как сказал один остроумный француз, женщины вдохновляют нас на великие дела, но вечно мешают нам их совершать.

– Гарри, вы неисправимый циник. Право, не пойму, за что вы мне так нравитесь.

– Я всегда буду вам нравиться, Дориан... Выпьете кофе, друзья?.. Официант, принесите нам кофе, *fine-champagne*⁵¹ и сигареты. Впрочем, сигарет не нужно: у меня есть свои. Бэзил, я не дам тебе курить здесь сигары, бери сигарету! Выкурить сигарету – это высший тип наслаждения: она восхитительна и в то же время оставляет курящего неудовлетворенным. Чего еще мы можем желать?.. Так вот, Дориан, вы всегда будете относиться ко мне с любовью. В ваших глазах я воплощение всех тех грехов, которые у вас не хватает смелости совершить.

– Ну что за вздор вы говорите, Гарри! – воскликнул молодой человек, прикуривая сигарету от фигурки серебряного огнедышащего дракона, которую официант поставил на стол. – Едемте-ка лучше в театр. Когда вы увидите Сибиллу на сцене, вы все начнете воспринимать иными глазами. Она откроет вам нечто такое, чего вы никогда раньше не знали.

– Я все познал в этой жизни, – ответил лорд Генри с выражением преувеличенной усталости во взгляде. – Но я всегда рад возможности увидеть что-нибудь новое, хотя, боюсь, ничего нового я никогда уже не увижу. Впрочем, не исключено, что ваша девушка заинтересует меня. Я люблю театр, в нем все гораздо правдивее, чем в жизни! Ну что ж, едем! Дориан, вы сядете со мной. Мне очень жаль, Бэзил, но в моем кабриолете могут поместиться только двое. Вам придется ехать за нами в наемном кебе.

Они встали из-за стола, оделись и допили кофе стоя. Художник был молчалив и рассеян, лицо его было хмурым. Не по душе ему был этот брак, хотя он и понимал, что это не самое худшее, что может произойти с Дорианом. Через несколько минут они сошли вниз. Как и было условлено, Холлуорд ехал один в наемном кебе. Глядя на мерцающие впереди огни кабриолета лорда Генри, он испытывал острое чувство утраты. Он понимал, что Дориан Грей никогда больше не будет в его жизни тем, чем был раньше. Между ними прошла сама Жизнь...

Глаза Холлуорда увлажнились, и ярко освещенные людные улицы стали казаться ему расплывчатыми. К тому времени, когда кеб подкатил к театру, художник чувствовал себя старше на много лет.

---

⁵¹ *Fine-champagne* – сорт крепкого коньяка, производимый в Шампани (Франция) (*фр.*).

Глава VII

В тот вечер театр по каким-то непостижимым причинам был переполнен, и толстый еврей, владелец театра, встретил Дориана и его друзей с сияющим видом, приторно и заискивающе улыбаясь. Он торжественно проводил их в ложу, непрерывно жестикулируя пухлыми руками в перстнях и что-то громко рассказывая. Дориану этот тип внушал еще большее отвращение, чем обычно, – как если бы он пришел за Мирандой⁵², а наткнулся на Калибана. Зато лорду Генри еврей явно понравился. Во всяком случае, он заявил об этом своим друзьям. Он даже пожал тому руку, уверяя его, что гордится знакомством с человеком, который открыл настоящий талант и неоднократно разорялся из-за любви к великому поэту. Холлуорд молча рассматривал публику в партере. Жара стояла удушающая, и большая люстра пылала, как гигантский георгин с огненными лепестками. На галерке молодые люди сняли верхнюю одежду и жилеты и положили их на барьер. Они переговаривались друг с другом через весь зал и угощали апельсинами сидевших с ними рядом безвкусно одетых девиц. В партере громко хохотали женщины. Их визгливые голоса резали слух. Из буфета доносилось хлопанье пробок.

– И в таком месте вы нашли свое божество?! – покачал головой лорд Генри.

– Да, – ответил Дориан Грей. – Именно здесь я и нашел ее, богиню среди простых смертных. Когда она выйдет на сцену, вы забудете обо всем на свете. Это простонародье, эти люди с грубыми лицами и вульгарными манерами совершенно преображаются, когда она начинает играть. Они сидят, затаив дыхание, и ловят каждое ее слово. Они плачут и смеются по ее воле. Она играет на их душах, словно на скрипке, делает их чище и лучше, и тогда я начинаю понимать: эти люди из той же плоти и крови, что и мы.

– Из той же плоти и крови? Надеюсь, что нет! – воскликнул лорд Генри, разглядывая в бинокль публику на галерке.

– Не слушайте его, Дориан, – отозвался художник. – Я понимаю, что вы хотите сказать, и верю в вашу избранницу. Если вы ее полюбили, значит, она необыкновенная девушка. И если она так воздействует на людей, значит, она и сама обладает душой возвышенной и прекрасной. Делать более духовными своих близких – это ли не благородная миссия?! Если эта девушка способна вдохнуть душу в тех, кто до сих пор обходился без нее, если она будит любовь к прекрасному в людях, чья жизнь отвратительна и безобразна, заставляет их забыть о себе и проливать слезы сострадания над чужими горестями, – значит, она достойна вашей любви, и мир должен преклоняться перед ней. Я рад, что вы на ней женитесь. Сначала я думал иначе, но теперь вижу – вы правильно делаете. Сибилла Вейн создана для вас. Вы с ней – словно две половинки одного целого.

– Спасибо, Бэзил, – сказал Дориан Грей, пожимая ему руку. – Я знал, что вы меня поймете. А Гарри только и делает, что шокирует меня своим цинизмом... Я вижу, появился оркестр! Он, конечно, чудовищный, но играет не больше пяти минут. Сейчас поднимется занавес, и вы наконец увидите ту, которой я готов посвятить всю свою жизнь и благодаря которой во мне открылось все лучшее, что во мне есть.

Через четверть часа под гром рукоплесканий на сцену вышла Сибилла Вейн. Ею и в самом деле можно было залюбоваться, и даже лорд Генри отметил про себя, что никогда не видел девушки очаровательнее. Своей застенчивой грацией и готовыми вспорхнуть глазами она напоминала молодую лань. Увидев, что зал битком набит восторженной публикой, она просияла, и на щеках ее, словно тень розы в серебристом зеркале, вспыхнул легкий румянец. Она отступила назад, и губы ее дрогнули. Бэзил Холлуорд вскочил и стал аплодировать.

---

⁵² Миранда – персонаж в трагикомедии Шекспира «Буря».

Дориан сидел неподвижно, как во сне, и не сводил с нее глаз. А лорд Генри смотрел в свой театральный бинокль и бормотал: «Очаровательна! Просто очаровательна!»

Сцена представляла собой зал в доме Капулетти. Вошел Ромео в одеянии паломника, а с ним Меркуцио и другие его друзья. Снова заиграл оркестр, и начался танец. В толпе неуклюже движущихся и убого одетых актеров Сибилла Вейн казалась существом из другого, сказочно прекрасного мира. Она танцевала, и стан ее покачивался, как тростник, колеблемый волнами. Гибкая шея напоминала белоснежную лилию, руки были словно выточены из слоновой кости.

Однако она казалась какой-то удивительно апатичной. Когда на сцену вышел Ромео, она не проявила ни малейшего оживления. И обращенные к нему слова Джульетты:

Любезный пилигрим, ты строг чрезмерно
К своей руке: лишь благочестье в ней.
Есть руки у святых: их может, верно,
Коснуться пилигрим рукой своей,

как и последующие ее реплики во время короткого диалога, прозвучали в устах девушки в высшей степени неестественно. Голос был дивный, но интонации совершенно фальшивые. И этот неверно взятый тон делал поэтические строки неживыми, выраженное в них чувство – неискренним.

Дориан Грей смотрел на нее, и лицо его становилось все бледнее. Он был поражен и расстроен. Ни лорд Генри, ни Холлуорд не решались заговорить с ним. Сибилла Вейн казалась им совершенно бездарной, и они были крайне разочарованы.

Зная, однако, что пробным камнем для любой актрисы, играющей Джульетту, является сцена на балконе во втором акте, они терпеливо ждали. Если Сибилле не удастся и эта сцена, значит, у нее нет и искры таланта.

Она была обворожительно хороша, когда появилась на балконе в лунном свете, – этого нельзя было отрицать. Но игра ее была невыносимо театральной – и чем дальше, тем хуже. Жесты были искусственны до нелепости, произносила она свою роль с преувеличенным пафосом. Великолепный монолог

...Мое лицо спасает темнота,
А то б я, знаешь, со стыда сгорела,
Что ты узнал так много обо мне

она декламировала с механической старательностью школьницы, бравшей уроки у какого-нибудь второразрядного учителя красноречия. А когда, перегнувшись через перила балкона, она дошла до следующих замечательных строк

Не надо, верю. Как ты мне ни мил,
Мне страшно, как мы скоро сговорились.
Все слишком второпях и сгоряча,
Как блеск зарниц, который потухает,
Едва сказать успеешь «блеск зарниц». Спокойной ночи! Эта
почка счастья
Готова к цвету в следующий раз.
Спокойной ночи,⁵³

---

⁵³ Первая строфа приведена в переводе Т. Щепкиной-Куперник, две последующие – в переводе Бориса Пастернака.

она проговорила их так, будто не понимала заключенного в них смысла. Этого нельзя было объяснить одним лишь нервным волнением. Напротив, Сибилла вполне владела собой. Все объяснялось проще: она очень плохо играла. Девушка была начисто лишена актерских способностей.

Даже непросвещенная публика в задних рядах партера и на галерке утратила интерес к тому, что происходило на сцене. В зале стало шумно, зрители громко разговаривали, некоторые начали свистеть. Еврей-антрепренер, стоявший за задними рядами бельэтажа, топал ногами и проклинал все на свете. И только девушка на сцене оставалась ко всему безучастной.

Когда окончилось второе действие, в зале поднялась целая буря шиканья. Лорд Генри встал и надел свое легкое летнее пальто.

– Она замечательно красива, Дориан, – сказал он, – но играть не умеет. Оставаться дальше нет никакого смысла.

– Я досижу до конца, – произнес Дориан сдавленным, исполненным горечи голосом. – Мне очень жаль, что вы из-за меня потеряли вечер, Гарри. Прошу прощения у вас обоих.

– Должно быть, мисс Вейн нездорова, – попытался успокоить его Холлуорд. – Придем сюда как-нибудь в другой раз.

– Ах, если бы дело было в этом, – уныло проговорил Дориан. – Нет, она просто холодна и бездушна. Но Боже, как она изменилась! Еще вчера она была великой актрисой. Сегодня же она – сама заурядность.

– Нельзя так говорить о той, кого любишь, Дориан. Любовь выше искусства.

– И любовь и искусство – лишь формы подражания, – произнес лорд Генри. – Пойдемте же, Бэзил. И вам, Дориан, не советую оставаться. Смотреть на плохую игру вредно для нравственности человека. Уверяю вас, вряд ли вы захотите, чтобы ваша жена была актрисой, – так не все ли вам равно, что она играет Джульетту, как деревянная кукла? Зато она очень красива, и если в жизни она понимает так же мало, как и в искусстве, то общение с ней, должно быть, доставляет огромное удовольствие. Только два типа людей по-настоящему интересны – те, кто знает о жизни решительно все, и те, кто о ней решительно ничего не знает. Ради бога, дорогой друг, не принимайте этого так близко к сердцу! Секрет сохранения молодости заключается, главным образом, в том, чтобы по возможности избегать волнений – от них человек только дурнеет. Поедемте-ка со мной и Бэзилом в клуб! Будем курить сигареты и пить за красоту Сибиллы Вейн. Она ведь действительно красавица. Разве вам этого мало?

– Прошу вас, Гарри, уходите! – воскликнул Дориан. – Я хочу побыть наедине с самим собой. Бэзил, и вы уходите. Неужели вы не видите, что у меня сердце разрывается на части?

К глазам его подступили горячие слезы, губы дрожали. Стремительно отойдя в глубь ложи, он прислонился к стене и закрыл лицо руками.

– Пойдем, Бэзил, – проговорил лорд Генри со странным для него участием в голосе. И оба вышли из ложи.

Через несколько минут снова вспыхнули огни рамп, занавес поднялся, и началось третье действие. Дориан Грей вернулся на свое место. Он был бледен, на лице его застыло выражение высокомерного равнодушия. Казалось, спектаклю никогда не будет конца. Зал наполовину опустел, люди уходили, топая тяжелыми башмаками и пересмеиваясь. Провал был полный.

Последнее действие шло почти при пустом зале. Наконец занавес опустился. Оставшиеся зрители, расходясь, хихикали или откровенно чертыхались.

Как только спектакль окончился, Дориан Грей бросился за кулисы. Сибилла была одна в своей гримерной. Лицо ее светилось торжеством, глаза ярко блестели, от нее словно исходило сияние. Полуоткрытые губы улыбались одной ей ведомой тайне.

Когда вошел Дориан Грей, она с сияющим видом на него посмотрела и радостно воскликнула:

– Боже, как плохо я сегодня играла!

– Просто ужасно! – произнес он в ответ, с недоумением на нее глядя. – Я бы сказал, отвратительно! Может быть, вы заболели? Вы и представить себе не можете, как это выглядело из зала. Если б вы знали, как я страдал!

Девушка не переставала улыбаться.

– Дориан, – она произнесла его имя напевно и протяжно, упиваясь им, словно оно для алых лепестков ее губ было слаще меда. – Дориан, неужели вы не поняли? Но сейчас-то вы уже понимаете, ведь правда?

– Что именно я должен понять? – спросил он с раздражением.

– Причину, почему я так плохо сегодня играла. И почему всегда буду плохо играть. Я никогда уже не смогу играть, как прежде.

Дориан недоуменно пожал плечами.

– Должно быть, вы плохо себя чувствуете. Вам не следовало играть, если вы чувствовали себя нездоровой. Ведь вы попросту опозорились. Моим друзьям было нестерпимо скучно. Да и мне тоже.

Сибилла, казалось, его не слышала. Все ее существо было переполнено счастьем, совершенно преобразившем ее.

– Ах, Дориан! – воскликнула она. – Пока я вас не знала, я жила одной только сценой. Мне казалось, что, лишь играя, я начинаю жить настоящей жизнью. Один день я была Розалиндой, на следующий день – Порцией⁵⁴. Радость Беатриче⁵⁵ была моей радостью, страдания Корделии⁵⁶ – моими страданиями. Для меня все это было реальностью. Бездарные актеры, что играли со мной, казались мне божествами, грубо размалеванные декорации были тем миром, где я жила. Я не знала никого, кроме призраков, считая их живыми людьми. Но вот пришли вы, мой любимый, и освободили мою душу из плена. Вы мне показали настоящую жизнь. У меня словно открылись глаза. Я увидела всю мишурность, фальшь и нелепость того бутафорского мира, который окружает меня на сцене. Сегодня вечером я впервые увидела, что Ромео стар, безобразен, насурьмлен, что лунный свет в саду не настоящий и сад этот – не сад, а убогие декорации. И слова, которые я произносила, – не настоящие, не мои слова, не то, что мне хотелось бы говорить. Благодаря вам я узнала, что жизнь богаче и выше искусства. Я узнала любовь не искусственную, а настоящую. Искусство – лишь ее бледное отражение. О радость моя, мой Прекрасный Принц! Мне надоело жить среди теней. Вы мне дороже, чем все искусство мира. Что для меня эти марионетки, которые окружают меня в театре? Когда я вышла на сцену, я вдруг почувствовала, что муза покинула меня. Я думала, что буду играть как никогда хорошо, а оказалось, что у меня ничего не выходит. Но потом я вдруг поняла душой, отчего это, и меня наполнила радость. Я слышала шиканье в зале – и улыбалась. Что они знают о такой любви, как наша? Заберите меня, Дориан, отсюда – туда, где мы будем совсем одни. Я ненавижу театр. Я могла изображать на сцене любовь, которой не знала, но теперь, когда любовь сжигает меня, как огонь, я не могу больше этого делать. Ах, Дориан, теперь вы меня понимаете? Ведь для меня сейчас играть влюбленную – это профанация! И поняла я это только благодаря вам.

Дориан бросился на диван и, отвернув лицо от Сибиллы, пробормотал:

– Вы убили мою любовь.

---

⁵⁴ Порция – героиня пьесы Шекспира «Венецианский купец».

⁵⁵ Беатриче – героиня пьесы Шекспира «Много шума из ничего».

⁵⁶ Корделия – героиня пьесы Шекспира «Король Лир»

Сибилла удивленно на него посмотрела и рассмеялась. Дориан больше ничего не добавил. Она подошла к нему и коснулась пальцами его волос. Затем опустилась на колени и прильнула губами к его рукам. Дориан вздрогнул и резким движением высвободил руки. Потом вскочил и отошел в другой конец комнаты.

– Да, – повторил он, – вы убили мою любовь! Раньше вы поражали мое воображение, а теперь даже не пробуждаете любопытства. Вы стали мне безразличны. Я вас полюбил, потому что вы так чудесно играли, потому что я видел в вас огромный талант, потому что вы воплощали в жизнь мечты великих поэтов, облакая в живую, реальную форму бесплотные образы искусства. Теперь вы не способны на это. Вы оказались пустой и заурядной. Боже, как я был глуп! Каким безумием была моя любовь к вам! Сейчас вы для меня ничто, и я не хочу вас больше видеть. Я никогда не вспомню о вас, никогда не произнесу вашего имени. Если бы вы могли представить, чем вы для меня были. Да я был готов... Нет, мне невыносимо даже думать об этом! Лучше бы я вас никогда не знал! Вы уничтожили самое прекрасное в моей жизни. Как же мало вы знаете о любви, если можете говорить, что она в вас убила актрису! Да ведь без вашего искусства вы – ничто! Я мог бы вас сделать великой, блистательной, знаменитой. Весь мир преклонялся бы перед вами, и вы носили бы мое имя. А кто вы теперь? Третьеразрядная актриса с хорошеньким личиком.

Сибилла побледнела, и ее стала бить дрожь. Судорожно сжав руки, она с трудом говорила, словно слова застревали у нее в горле:

– Вы ведь говорите не всерьез, а, Дориан? Вы играете какую-то роль?

– Играю? Нет, играть я предоставляю вам, – вы ведь делаете это бесподобно! – с горечью произнес Дориан.

Девушка поднялась с колен и, еле сдерживая слезы, подошла к нему, коснулась его рукой и заглянула в глаза. Но Дориан оттолкнул ее и закричал:

– Не прикасайтесь ко мне!

У Сибиллы вырвался глухой стон, она упала к его ногам и лежала на полу, как растоптанный цветок.

– Дориан, Дориан, не оставляйте меня! – умоляла она. – Я так жалею, что плохо играла сегодня. Но это потому, что я все время думала о вас. Я снова постараюсь играть, как прежде. Обещаю вам... Любовь пришла ко мне так внезапно. Я, наверное, не знала бы, как сильно я вас люблю, если бы вы не поцеловали меня... если бы мы не поцеловали друг друга... Поцелуйте же меня еще раз, любимый мой. Не уходите, я этого не переживу. Не покидайте меня! Мой брат... Нет, лучше этого не говорить. Он сказал это не всерьез... Ах, неужели вы не можете простить меня за сегодняшнюю мою игру? Я буду стараться изо всех сил, чтобы вас больше не разочаровывать. Не будьте ко мне жестоки, я люблю вас больше всего на свете. Ведь я только раз не угодила вам. Вы, конечно, правы, Дориан, – мне не следовало забывать, что я актриса... Я поступила глупо, но я ничего не могла поделать с собой. Не бросайте меня, Дориан, не уходите!..

Она лежала распростертая на полу, словно раненое животное, ее хрупкое тело сотрясало от судорожных рыданий, а Дориан Грей смотрел на нее своими прекрасными голубыми глазами, и его изысканно очерченные губы кривились в утонченно-презрительной улыбке. В страданиях тех, кого разлюбили, всегда есть что-то жалкое и смешное. Рыдания Сибиллы казались Дориану мелодраматичными и только раздражали его.

– Я ухожу, – произнес он ровным, спокойным голосом. – Не хочу причинять вам боль, но больше я к вам приходить не буду. Вы меня полностью разочаровали.

Сибилла зарыдала еще безутешнее и, ничего не сказав в ответ, пододвинулась ближе к его ногам и протянула к нему руки, словно слепая. Но он повернулся и вышел из комнаты. А вскоре он уже шагал по улице.

Куда он идет, он и сам не знал. Ему смутно вспоминалось потом, что он бродил по каким-то плохо освещенным улицам, мимо зловещих на вид домов, шел под высокими арками, где затаились черные тени. Женщины, громко смеясь, что-то кричали ему вслед хриплыми голосами. То и дело ему попадались навстречу пьяные. Они были похожи на больших обезьян и брели шатаясь, бормоча себе что-то под нос. Дориан видел грязных, оборванных детей, лежавших, свернувшись калачиком, под входными дверями домов, и слышал пронзительные крики и брань, доносившиеся из черных подворотен.

На рассвете он очутился вблизи Ковент-Гардена⁵⁷. Мрак рассеялся, и пронизанное бледными огнями небо сияло над землей, как жемчужина. По отполированным мостовым безлюдных улиц громыхали большие повозки, полные покачивавшихся на длинных стеблях лилий. Воздух был напоен ароматом цветов. Их красота смягчала душевную боль Дориана. Идя за повозками, он оказался на рынке. Там он некоторое время наблюдал, как их разгружают. Один возчик в белом фартуке предложил ему вишен. Дориан поблагодарил его и стал рассеянно есть их, удивляясь тому, что возчик отказался взять деньги. Вишни были сорваны в полночь, и от них словно исходила прохлада лунного света. Мимо Дориана, пробираясь между высокими горами нежно-зеленых овощей, прошли длинной вереницей мальчики с корзинами полосатых тюльпанов и желтых и красных роз. Под портиком театра, между серыми, залитыми солнцем колоннами, слонялись простоволосые, неопрятно одетые девицы. Другая такая же группа теснилась у дверей кафе на Пьяцце⁵⁸. Неповоротливые ломовые лошади спотыкались на неровной мостовой, дребезжали колокольчиками и сбруей. Некоторые из возчиков спали на горах мешков. Голуби с розовыми лапками и радужными шейками суетились вокруг, поклевывая рассыпанное зерно.

Спустя некоторое время Дориан подозвал экипаж и поехал домой. Минуту-другую он постоял в дверях своего жилища, озирая тихую площадь, окна домов, наглухо закрытые ставнями или пестрыми шторами. Небо теперь было чистейшего опалового цвета, и на его фоне крыши блестели, как серебро. Из трубы соседнего дома поднималась тонкая струйка дыма и лиловой лентой вилась в перламутровом воздухе.

В большом золоченом венецианском фонаре, некогда, вероятно, украшавшем гондолу какого-нибудь дожа, а теперь свисавшем с потолка в просторной прихожей с дубовыми панелями, еще горели три газовых рожка, мерцая узкими голубыми лепестками пламени в обрамлении белого огня. Дориан погасил их и, небрежно бросив на столик накидку и шляпу, прошел через библиотеку к двери в спальню, большую восьмиугольную комнату на первом этаже, которую он, в проснувшемся в нем увлечении роскошью, недавно отделал заново по своему вкусу и увешал редкими гобеленами времен Ренессанса, найденными на заброшенном чердаке его дома в Селби-Ройал. В тот момент, когда он уже взялся за ручку двери в спальню, взгляд его упал на портрет, написанный с него Бэзилем Холлуордом. Он вздрогнул и отпрянул назад, словно что-то поразило его на полотне, затем с озадаченным видом вошел в спальню. Вынув бутоньерку из петлицы, он на некоторое время в нерешительности остановился, а потом вернулся в библиотеку и, подойдя к своему портрету, долго всматривался в него. В слабом свете, проникавшем сквозь светло-кремовые шелковые шторы, лицо на портрете показалось ему неуловимо изменившимся. Выражение лица было каким-то иным, – в линии рта появилась складка жестокости. Что за нелепость!

Дориан повернулся и, подойдя к окну, поднял штору. Комнату залил яркий утренний свет, разогнав причудливые тени по темным углам, где они и остались лежать подрагивая. Однако в лице на портрете по-прежнему была заметна какая-то странная перемена; теперь

⁵⁷ Ковент-Гарден – в прошлом главный лондонский оптовый рынок фруктов, овощей и цветов. Так же называется расположенный на той же площади, рядом с бывшим рынком, Королевский оперный театр.

⁵⁸ Пьяцца – открытый коридор в северо-восточной части Ковент-гарденского рынка.

она проступила даже еще более явственно. Складка жестокости у рта была видна настолько отчетливо в скользивших по полотну ярких отблесках солнца, что у Дориана возникло ощущение, будто он смотрит на себя в зеркало после совершенного им ужасного преступления.

Он поморщился и, взяв со стола овальное ручное зеркальце в украшенной купидонами рамке из слоновой кости – один из многочисленных подарков лорда Генри, – взглянул на себя. Нет, никакой складки у его алых губ не было видно. Что это могло означать?

Он протер глаза и, подойдя к портрету поближе, снова стал внимательно всматриваться в него. Ни малейших следов свежих изменений в мазках он не заметил, и все же выражение лица явно изменилось. Увы, ему это не почудилось – страшная перемена была очевидной.

Порывисто опустившись в кресло, Дориан принялся размышлять. И вдруг в его памяти всплыли слова, произнесенные им в студии Бэзила Холлуорда в тот день, когда портрет был закончен. Да, он отлично их помнил. Он высказал тогда совершенно безумное желание: пусть он навечно останется молодым, а вместо него стареет портрет; пусть его красота никогда не поблекнет, а печать страстей и пороков ложится на лицо, изображенное на холсте; пусть следы страданий и тяжких дум бороздят лишь написанный художником образ, а сам он сохранит весь нежный цвет и прелесть своей тогда еще едва осознанной юности. Неужели его желание сбылось? Нет, такого не может быть. Чудовищно даже думать об этом. И тем не менее перед ним был его портрет со складкой жестокости у рта.

Но разве его поступок был жестоким? Ведь не он, а Сибилла во всем виновата. Она поразила его воображение как великая актриса, за что он ее и полюбил, а потом жестоко его разочаровала. Она оказалась пустой и никчемной посредственностью, недостойной его любви. И все же сейчас он с безграничным сожалением вспоминал о том, как она лежала у его ног, горько рыдая, будто малое дитя, и с каким черствым равнодушием он смотрел на нее. Зачем он создан таким, зачем ему дана такая душа?

Но разве он и сам не страдал? За те ужасные три часа, пока шел спектакль, он пережил целые столетия терзаний, целую вечность мук. Ведь его жизнь имеет не меньшую ценность, чем ее жизнь. Да, он жестоко ранил Сибиллу, но и она надолго омрачит его жизнь. Кроме того, женщины переносят горе легче, чем мужчины, – так уж они созданы! Они думают только о своих чувствах. Они и любовников заводят себе лишь для того, чтобы было кому устраивать сцены. Так говорит лорд Генри, а уж он-то хорошо знает женщин. Зачем же, в таком случае, тревожить себя мыслями о Сибилле Вейн? Она больше для него не существует.

Ну а портрет? Как объяснить это странное явление? Портрет хранит тайну его, Дориана, жизни, но в то же время рассказывает, кто он на самом деле. Портрет научил его любить собственную красоту – так неужели теперь он заставит его возненавидеть свою душу? Сможет ли он когда-нибудь снова взглянуть на свой живописный образ?

Нет, нет, все это только обман чувств, вызванный душевным смятением. Он пережил ужасную ночь – вот ему и мерещится бог знает что. Это просто временное помешательство. Портрет ни в малейшей степени не изменился, и воображать такое совершенно абсурдно.

Но лицо с портрета взидало на него с жестокой усмешкой, искажавшей его совершенную красоту. Золотистые волосы сияли в лучах утреннего солнца, голубые глаза с холста смотрели в его, Дориана, глаза. И вдруг им овладело чувство беспредельной жалости – но не к себе, а к своему портрету. Изображение на полотне уже изменилось и будет изменяться все больше! Потускнеет золото кудрей и сменится сединой. Увянут свежие розы юности. Каждое его согрешение будет ложиться пятном на портрет и разрушать его красоту...

Но он не будет больше грешить! Портрет станет для него наглядным индикатором совести – даже если изображение прекратит изменяться. Надо теперь не поддаваться искушениям, какими бы притягательными они ни казались. И больше не встречаться с лордом Генри – во всяком случае, не воспринимать всерьез его коварных, отравляющих душу теорий, которые в тот день, в саду у Бэзила Холлуорда, впервые пробудили в нем жажду невозможного.

Он вернется к Сибилле Вейн и загладит свою вину. Он на ней женится, постарается снова ее полюбить. Да, он обязан так поступить. Должно быть, она страдает даже больше, чем он. Бедняжка! Та магия очарования, что привлекала его к ней, вновь вернется, и они будут счастливы вместе. Его жизнь с Сибиллой будет чиста и прекрасна.

Он встал с кресла и, с содроганием взглянув на портрет, закрыл его, придвинув к нему большой экран.

– До чего же это ужасно! – пробормотал он и, подойдя к стеклянной двери, распахнул ее. Затем вышел в сад и вдохнул полной грудью. Казалось, свежий утренний воздух прогнал темные страсти из его души, и он думал теперь лишь о Сибилле. В сердце своем он слышал отзвук прежней любви и без конца повторял имя любимой, а птицы, распевавшие в росистом саду, рассказывали о ней цветам.

Глава VIII

Когда он проснулся, было далеко за полдень. Его камердинер уже несколько раз на цыпочках входил в спальню посмотреть, не проснулся ли молодой хозяин, и немало дивился тому, что тот спит так долго. Наконец из спальни раздался звонок, и Виктор, бесшумно ступая, вошел туда с чашкой чаю и стопкой писем на подносе из старинного севрского фарфора. Поставив поднос на столик у кровати, он раздвинул зеленые атласные портьеры на блестящей синей подкладке, закрывавшие три высоких окна.

– Мсье хорошо спали? – произнес он с почтительной улыбкой.

– Который час, Виктор? – сонно пробормотал Дориан.

– Четверть второго, мсье.

Неужели так поздно? Дориан сел в постели и, попивая чай, стал разбирать почту. Одно письмо было от лорда Генри, его принес утром посыльный. После минутного колебания Дориан отложил его в сторону и бегло просмотрел остальные. Это были визитные карточки, приглашения на обеды, билеты на закрытые вернисажи, программы благотворительных концертов и тому подобное – обычный хлам, которым засыпают светского молодого человека в разгаре сезона. Нашел он среди писем и повторный счет на довольно крупную сумму – за туалетный прибор из чеканного серебра в стиле Людовика Пятнадцатого (Дориан никак не решался переслать этот счет своим опекунам, людям старой закалки, отставшим от века и не желавшим понять, что необходимо приобретать только те вещи, в которых нет ни малейшей необходимости), а также несколько писем от ростовщиков с Джермин-стрит, в весьма учтивых выражениях предлагавших ссудить какую угодно сумму, причем по первому требованию и за самые умеренные проценты.

Минут через десять Дориан встал и, набросив на себя элегантный, расшитый шелковой нитью кашемировый халат, прошел в облицованную ониксом ванную комнату. После долгого сна холодная вода освежила его. Он почти забыл о том, что произошло накануне. Только раз или два в голове у него промелькнуло смутное воспоминание, что он был участником какой-то необычайной драмы, но все это казалось нереальным, как сон.

Одевшись, он перешел в библиотеку и сел за легкий завтрак на французский манер, ждавший его на круглом столике у раскрытого окна. День выдался чудесный. Теплый воздух был насыщен пряными ароматами. В комнату влетела пчела и, жужжа, принялась кружить над стоявшей перед ним вазой с нарисованными на ней синими драконами, в которой стояли ярко-желтые розы. Он чувствовал себя совершенно счастливым.

Но вдруг его взгляд остановился на экране, которым он накануне закрыл портрет, и он невольно вздрогнул.

– Мсье холодно? – спросил камердинер, подававший ему в эту минуту омлет. – Может, закрыть окно?

– Нет, мне не холодно, – покачал головой Дориан.

Неужели все это случилось на самом деле? Неужто портрет действительно изменился? Или это просто игра воображения, и ему лишь показалось, что радостная улыбка сменилась улыбкой злобной? Ведь не могут же краски на холсте измениться сами собой! Это было бы полным абсурдом! Надо будет как-нибудь рассказать эту историю Бэзилу – то-то он посмеется!

Однако как живо стоит лицо на портрете у него перед глазами! Сначала в полумраке, затем в ярком свете раннего утра он воочию видел это выражение жестокости, искривившее губы его двойника. И вот теперь он чуть ли не со страхом ждал той минуты, когда камердинер выйдет из комнаты. Он знал, что, оставшись один, не выдержит и подойдет к портрету. И страшился того, что увидит.

Когда камердинер, принеся кофе и сигареты, направился к двери, Дориан почувствовал огромное желание остановить его. И прежде чем Виктор успел открыть дверь, он окликнул его. Камердинер остановился в почтительной позе, ожидая приказаний хозяина. Дориан с минуту молча смотрел на него, а затем со вздохом сказал:

– Меня ни для кого нет дома, Виктор.

Камердинер поклонился и вышел из комнаты.

Дориан встал из-за стола, закурил сигарету и сел на кушетку, стоявшую против экрана. Это был старинный экран из позолоченной испанской кожи с тиснеными узорами в стиле Людовика Четырнадцатого. Дориан смотрел на узоры и спрашивал себя: скрывал ли когда-нибудь прежде этот экран тайну чьей-либо жизни?

Стоит ли отодвигать его? Или лучше оставить на месте? Смотреть на портрет не было никакого смысла. Если все окажется правдой, он только лишний раз испытает чувство ледящего ужаса, ну а если нет, зачем беспокоиться?

А что, если по роковой случайности чей-нибудь посторонний глаз заглянет за экран и увидит эту страшную перемену? Или если придет Бэзил Холлуорд и захочет взглянуть на свою работу? А он непременно захочет... Нет, все-таки нужно посмотреть на портрет – и немедленно. Нет ничего мучительнее неизвестности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.